ЛЕКЦІИ

ФИЛОСОФІИ

профессора Московской Духовной Академіи

протоіерея

Ѳ. А. Голубинскаго.

ОНТОЛОГІЯ.

Изъ Чтеній въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

МОСКВА.

Типографія Л. Ѳ. Снегирева. Остоженка, Савеловскій. пер., д. Снегиревой.

1884 г.

(194)

Дозволено Цензурою. Москва, 4 Сентября 1884 года.

Цензоръ Архимандритъ **Амфилохій.**

Лекціи философіи.

ОНТОЛОГІЯ.

О скептицизмѣ, критицизмѣ и идеализмѣ.

Скептицизмъ (принимая его въ лучшемъ видѣ) есть направленіе, утверждающее невозможность истиннаго познанія о предметахъ, внѣ нашихъ представленій находящихся. Онъ даже утверждаетъ, что нѣтъ предметовъ отличныхъ отъ нашихъ представленій, нѣтъ самостоятельной природы, ни законахъ естественныхъ; все игра представленій, благовидно связываемыхъ привычкою, или слѣпымъ дѣйствіемъ воображенія. Таковъ скептицизмъ Юма. Древній скептицизмъ Пиррона, ограничиваясь одною стороною практическою, утверждаетъ, что всѣ обстоятельства жизни, счастіе и несчастіе, добродѣтель и порокъ, основывается на одномъ только мнѣніи, а не на природѣ вещей. Слѣдовательно Пирроновъ скептицизмъ отъ Юмова отличается тѣмъ только, что первый былъ практическій, а послѣдній теоретическій.

Тоже самое утверждаетъ и новѣйшій крицицизмъ Канта, съ тѣмъ только различіемъ, что основаніе невозможности познанія Кантъ находитъ въ самомъ существѣ познавательной способности человѣческой, между тѣмъ какъ сіе происходило отъ какой то случайной, неопредѣленной настроенности духа.

Какъ глубомысленный философъ, Кантъ съ строгою точностію опредѣлилъ то, чего не могли представить себѣ ясно его предшественники. Именно, онъ различалъ въ каждомъ познаніи матерію и форму. Матерію хотя онъ полагалъ существующею внѣ нашихъ представленій; но познаніе о

ней производилъ онъ единственно отъ субъекта представляющаго, такъ что во всѣхъ познаніяхъ не было ничего, кромѣ субъективныхъ, чисто формальныхъ представленій познавательной способности человѣческой, а предметы сами въ себѣ оставались совершенно недовѣдомыми. Можно сказать, они существовали безъ цѣли, и допущены были только по милости. Сей законъ формальности Кантъ распространилъ на низшую и высшую познавательную способность: почему познанія человѣческія о предметахъ чувственныхъ и сверхъ—чувственныхъ остались совершенно подлежательными.

Строго слѣдуя началу Канта, ученикъ его Фихте сдѣлалъ сомнительнымъ и неизвѣстнымъ не только образъ бытія и природу, но и самое бытіе предметовъ и довершилъ недоконченное Кантомъ, представивъ скептическій идеализмъ со всею возможною строгостію. На мѣстѣ Бога, природы, всего возможнаго и дѣйствительнаго, поставлено одно только наше *я*.

У Канта бытіе предметовъ оставалось извѣстнымъ; неизвѣстенъ былъ только образъ бытія или природа предметовъ. Сей образъ (forma)—поколику предметы сами за себя ничего не говорили—не отъ нихъ былъ принимаемъ, но имъ сообщаемъ нашею познавательною способностію. Всякое познаніе было подлежательное; Фихте, воспользовавшись удобностію произвесть все изъ одного нашего *я* (изъ нашей способности познавательной), сіе одно *я* оставилъ существующимъ, уничтожилъ все прочее, все, что только можетъ быть предметомъ познанія. Онъ уничтожилъ матерію и оставилъ одну только форму. Основное его начало—положеніе есть сіе: *я безусловно утверждаетъ себя въ бытіи, и существуетъ только чрезъ самопоставленіе; и я непремѣнно есмь*. Далѣе: наше *я*, полагая себя въ бытіи полагаетъ вмѣстѣ и то, что не *я*, какъ не обходимую противоположность свою. Такимъ образомъ Фихте не имѣетъ нужды въ предметахъ, чтобы познавать ихъ; познаніе того, что не я происходитъ у него изъ одного нашего *я*; отсюда заимствуется не только форма, но и самая матерія.

Изъ сего разсмотрѣнія явствуетъ, что скептицизмъ, критицизмъ и идеализмъ сходствуютъ между собою въ томъ, что утверждаютъ бытіе однихъ представленій и оставляютъ

сомнительнымъ и неизвѣстнымъ бытіе самыхъ предметовъ. Въ семъ отношеніи цѣль ихъ въ разсужденіи религіи совершенно одинакова: почему нѣтъ нужды разсматривать каждое изъ нихъ въ особенности. Для насъ довольно о всѣхъ ихъ въ совокупности сказать свое мнѣніе.

Трудно сказать, чтобы основатели сего ученія были внутренно убѣждены въ томъ, чему научали въ своихъ системахъ. Впрочемъ нѣтъ нужды угадывать и опредѣлять внутреннюю ихъ увѣренность. Мы имѣемъ въ виду одно ихъ ученіе, и должны по возможности опредѣлять его достоинство (особенно въ отношеніи къ религіи).

Ученіе критико-скептическаго идеализма не можетъ имѣть мѣста ни въ отношеніяхъ человѣка къ другимъ, т. е. въ его общественномъ бытіи; ни въ отношеніяхъ человѣка къ самому себѣ, т. е. въ умозрительномъ и нравственномъ направленій его духа; ни въ отношеніяхъ человѣка къ Богу, или въ религіозномъ направленіи его духа.

Въ первомъ отношеніи скептическій идеализмъ разрушаетъ всякое устройство, всякій порядокъ, всякій постоянный, единодушный образъ дѣйствованія: разногласіе въ мысляхъ производитъ разногласіе въ желаніяхъ, наклонностяхъ и самомъ образѣ дѣйствованія. Сей образъ мыслей, если бы только успѣлъ онъ пріобрѣсть всеобщее уваженіе и распространить вліяніе свое кромѣ теоретической и на практическую дѣятельность человѣка, конечно, могъ бы уничтожить всякое благо общежитія и разорвать всѣ союзы, какія только возможны между людьми.

Въ отношеніи человѣка къ самому себѣ разсматривается образованіе ума его и его нравственность.

Въ образованіи ума для человѣка необходима увѣренность, что онъ непрестанно поступая впередъ, непрестанно приближается къ истинѣ; что каждое свѣдѣніе, сколько бы оно маловажно ни было, умножаетъ сумму пріобрѣтеній его, и въ своей мѣрѣ приближаетъ его къ своей цѣли. Но систематическій идеализмъ очевидно разрушаетъ сію необходимую увѣренность. Съ нимъ ничего не пріобрѣтаютъ; ибо имѣютъ одни только понятія, лишенныя всякой существенности. Весь запасъ свѣдѣній не составляетъ никакого пріобрѣтенія, самыя обширныя познанія представляютъ только обширную мечту—совершенное ничто познанія.

Скептическій идеализмъ не менѣе противорѣчитъ и нравственному образованію. Чтобы расположить себя къ добродѣтели, человѣкъ долженъ быть увѣренъ, что извѣстный образъ дѣйствованія есть истинно добродѣтеленъ, что имѣя свободу, онъ имѣетъ возможность, а съ возможностію и обязанность избрать сей, а не другой образъ дѣйствованія. Сомнѣніе о семъ предметѣ остановило бы въ самомъ началѣ его стремленіе. Если бы онъ и успѣлъ сколько нибудь въ подвигахъ добродѣтели; то и тогда сомнѣніе сіе побудило бы его считать погибшими всѣ труды свои. Всѣ труды подвижниковъ, кои трудятся подъ солнцемъ, въ очахъ его содѣлались бы истинно суетою. Такимъ образомъ крѣпость и бодрость духа, необходимыя въ подвигахъ добродѣтели, потеряли бы совершенно свою силу и утвержденіе. Напротивъ, если доказать нечестивому, что всѣ злодѣянія его не имѣютъ ничего существеннаго, что онѣ ничтожны и имѣютъ зависимость только мечтательную; то сіе будетъ наилучшимъ утѣшеніемъ его совѣсти, и новымъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ. Онъ оставитъ добро съ презрѣніемъ, какъ предметъ ничтожный, впрочемъ, требующій жертвъ и усилія. Ибо когда добро и зло не имѣютъ предлежательной цѣны, тогда нѣтъ причины одному предъ другимъ отдавать преимущество, тогда нѣтъ причины отдавать преимущество душѣ предъ тѣломъ, внутреннему предъ внѣшнимъ, высокимъ занятіямъ духа предъ наслажденіями чувственными, жизни вѣчной предъ временною.

Но скептицизмъ идеализмъ всего болѣе вредитъ религіи. Религіозное направленіе духа бываетъ живымъ и сильнымъ единственно потому, что есть живая и сильная увѣренность въ бытіи тѣхъ предметовъ, къ коимъ оно направлено. Пусть оставятъ человѣка съ однимъ ничтожнымъ понятіемъ о Богѣ: тогда въ духѣ его никакое чувство, никакое стремленіе не раскроется. Душа не ощутитъ небесныхъ качествъ любви, благоговѣнія, страха Божія, надежды, упованія, утѣшенія. Ибо она не будетъ имѣть предмета, предъ коимъ бы могла благоговѣть, который могла бы любить, на который бы могла возлагать упованіе. Она не будетъ имѣть Бога, а одно только понятіе, одну идею.

Возможность благочестиваго стремленія духа основывает-

ся на различіи существъ конечнаго и Безконечнаго, и на дѣйствительной зависимости перваго отъ послѣдняго. Когда же Безконечное не имѣетъ бытія внѣ нашего представленія; то очевидно сіе различіе и сія зависимость уничтожаетнія. Представляемое не можетъ быть выше силы представляющей, мыслимое Божество стоитъ наравнѣ съ человѣкомъ и даже зависитъ отъ одной его представительной силы.

Чѣмъ строже и сильнѣе являетъ себя ученіе скептическаго идеализма; тѣмъ болѣе доставляетъ средствъ нечестиво ругаться надъ святынею. Изъ сего могутъ быть заимствованы сильнѣйшія стрѣлы на пораженіе возвышеннѣйшихъ и священнѣйшихъ предметовъ благоговѣнія и вѣры человѣческой.

Скептическій идеализмъ, распространяя сомнѣнія о самопростѣйшихъ предметахъ, съ которыми человѣкъ непрестанно обращается, кои повсечастно подлежатъ или его дѣйствованію, или сами на него дѣйствуютъ, очевидно съ большимъ правомъ заставляетъ сомнѣваться о тѣхъ предметахъ, кои удалены отъ взоровъ человѣческихъ, и постигаются неиначе, какъ внутреннѣйшимъ взоромъ духа благоговѣющею вѣрою.

Кантъ видѣлъ сіи послѣдствія своего ученія, и вознамѣрившись смягчить строгость своей системы, кромѣ теоретическаго разума, рѣшился допустить еще практическій, по силѣ коего предметы, не приступныя для вѣденія теоретическаго, принимаемы были одною вѣрою. Такимъ образомъ не только Богъ, свобода, безсмертіе души, главнѣйшіе предметы разума практическаго, но и то, что содержится въ области теоретическаго разума, какъ то: бытіе души, бытіе міра, и вообще всего дѣйствительнаго неиначе могло быть познаваемо, какъ только вѣрою.

Сіе всеобщее господство вѣры, основанное на уничтоженіи всякаго знанія вообще, съ перваго взгляда кажется весьма благопріятствующимъ требованіямъ христіанской религіи. Въ самомъ же дѣлѣ сія философская вѣра очень мало имѣетъ общаго съ вѣрою христіанскою.

Ибо а) Вѣра христіанская есть удѣлъ душъ особенныхъ, есть принадлежность малаго числа избранныхъ, запечатлѣнныхъ въ жизнь вѣчную: напротивъ сія вѣра есть и должна

быть всеобщею; должна принадлежать всякому, столько же благочестивому, какъ и нечестивому.

b) Христіанская религія поставляетъ предметами вѣры предметы особеннѣйшіе, удаленные отъ простаго разумѣнія человѣческаго, собственно содержащіяся въ кругѣ божественнаго откровенія. Напротивъ вѣра философская поставляется единственнымъ средствомъ для познанія и тѣхъ предметовъ, кои постигаются чувствами, здравымъ смысломъ, и вообще обыкновеннымъ разумѣніемъ человѣческимъ.

c) Кантъ, уничтоживши возможность познанія вообще, уничтожилъ вмѣстѣ возможность и того познанія, которое вмѣстѣ стяжается вѣрою.

Ибо—α) Когда доказано, что человѣкъ ничего познать не можетъ: то очевидно, что онъ не можетъ познавать и вѣрою. Ибо и самая вѣра *познаетъ* (есть познаніе) предметы свои.

β) Если человѣкъ въ своихъ познаніяхъ необходимо соображается съ формою своей представительной силы: то очевидно, что и самая вѣра должна подлежать законамъ сей формальности. Такимъ образомъ формальность не представляетъ ничего истиннаго: то очевидно, что и самая вѣра истинною быть не можетъ. И по истинѣ, всякое утвержденіе вѣры легко можетъ быть подведено къ тѣмъ же общимъ законамъ, кои Кантъ изложилъ въ своей критикѣ познавательной силы (способности).

γ) Предметъ вѣры практическаго разума необходимо долженъ изобразиться въ теоретическомъ разумѣніи, или что тоже, вѣра должна имѣть предъ очами понятіе о томъ предметѣ, къ которому стремится. Другой путь для вѣры невозможенъ. Возвысившись надъ всякимъ понятіемъ, она престала бы быть вѣрою; а была бы *видѣніемъ* и *непосредственнымъ созерцаніемъ*. Такимъ образомъ, если понятія теоретическаго разума не соотвѣтствуютъ предметамъ: то и самая вѣра не можетъ быть истинною. Она вѣритъ не истинѣ, а мечтамъ и привидѣніямъ.

δ) Критико-сцептическій идеализмъ, проповѣдующій вѣру самъ происходитъ отъ невѣрія не въ себѣ и въ своихъ началахъ, но въ человѣческомъ духѣ. Онъ примѣчаетъ непреоборимое чувство о бытіи и дѣйствительности предметовъ, имъ

отвергаемыхъ и изъ уважительности къ сему чувству, которой онъ оправдать не можетъ —ибо она противорѣчитъ его удостовѣреніямъ—соглашается допустить вѣру.

Такимъ образомъ какъ всеобщее сомнѣніе теоретическаго разума, такъ и всеобщая вѣра разума практическаго оправданы быть не могутъ. И то одно подозрительно, что одинъ и тотъ разумъ въ умозрѣніи и практикѣ является себѣ противорѣчущимъ.

Итакъ ни скептицизма, ни критизма, ни идеализма мы не принимаемъ, въ какихъ бы утонченныхъ видахъ они не являлись. Къ святилищу истины нельзя достигнуть путемъ сомнѣній и отрицанія, подрывающаго всякое положительное утвержденіе. Сей путь не приближаетъ къ нему, а удаляетъ отъ него, такъ какъ на немъ невозможно никакое поступленіе впередъ. Отрицающіе всякое утвержденіе очевидно — отрицаются самой истины. Посему истина достигается способомъ познанія совершенно сему противоположнымъ т. е. *положительнымъ*, *утвердительнымъ*, *догматическимъ*.

О Богѣ въ отрѣшенности.

При мысли о Божествѣ прежде всего представляется вопросъ: какой образъ воззрѣнія возможенъ на Божество? Мы разрѣшаемъ сей вопросъ разсмотрѣніемъ всѣхъ главныхъ образовъ воззрѣнія, какіе бывали и какіе возможны человѣку по примѣру его.

Различные образы воззрѣнія на Божество могутъ быть раздѣлены на два главные разряда. Къ первому разряду относятся умствованія, кои Божество представляли себѣ подъ какимъ либо образомъ; ко второму разряду относятся тѣ кои хотѣли созерцать его внѣ всякаго образа.

Поелику всѣ образы, подъ коими возможно представить Божество, суть троякаго рода, именно: они могутъ быть заимствованы a) или отъ міра видимаго матеріальнаго; b) или отъ міра невидимаго духовнаго; c) или наконецъ отъ совокупности сихъ міровъ въ существѣ человѣческомъ. Первый разрядъ содержитъ въ себѣ три главные образа воззрѣнія на Божество: *матеріальный*, *духовный*, *человѣкообразный*, (матеріалисты, спиритуалисты, антропоморфисты).

Ко второму разряду относятся: а) или тѣ, кои считая недостаточнымъ каждое представленіе о Богѣ, уничтожаютъ всѣ возможные образы, и составляютъ о Богѣ понятіе только отрицательное, не утверждая ничего положительнаго b) или тѣ, кои уничтоживъ всѣ конечные образы представленія и вознесшись за предѣлы всего сотвореннаго, думаютъ созерцать Бога непосредственно, и на высотѣ представлять Его положительнымъ образомъ; с) или наконецъ тѣ, кои не допуская полнаго и рѣшительнаго созерцанія, не допускаютъ вмѣстѣ полной и рѣшительной отрицательности, но между сими двумя крайностями идутъ среднею дорогою, именно: они утверждаютъ взоръ свой на какомъ либо опредѣленномъ образѣ, и вмѣстѣ прозираютъ далѣе сего образа. Такимъ образомъ не допускаютъ совершеннаго отрицанія, поелику пріемлютъ положительно опредѣленный образъ, не сомнѣваясь въ согласіи сего образа съ первообразомъ; не допускаютъ и положительнаго отрицанія; поелику сей образъ не считаютъ самымъ существомъ созерцаемымъ, а возвышаются духомъ далѣе сего образа.

Первое можно назвать частымъ *совершеннымъ отрицаніемъ*; второе положительнымъ непосредственнымъ *созерцаніемъ*; третіе *прозирающею вѣрою*.

Здѣсь мимоходомъ замѣтить можно, сколько необходимо для человѣка Божественное откровеніе. Способъ созерцать Бога безъ образа не доставляетъ намъ никакого положительнаго свѣдѣнія о Богѣ. Поставивъ себя за предѣлами всего ограниченнаго, человѣкъ смотритъ въ туманную даль, гдѣ ничто опредѣленное ему невстрѣчается (что мы яснѣе разсмотримъ въ послѣдствіи). Итакъ онъ можетъ представлять его только подъ образомъ. Но очевидно, что никакой образъ не можетъ достаточно и совершенно (ablolute) изобразить первообразъ. Мы не имѣемъ права сами собою одинъ конечный образъ воззрѣнія на Божество предпочитать другому. Съ какою ясностію доказывается несовмѣстность матеріальнаго образа воззрѣнія, съ такою же ясностію можно доказать несовмѣстность человѣкообразнаго и спиритуальнаго. Итакъ единъ Богъ можетъ указать путь человѣку къ воззрѣнію на себя, самъ опредѣливъ для него единый положительный образъ. Иначе люди только могутъ блуждать, пере-

ходя отъ образа къ образу, ни однимъ изъ нихъ не удовлетворяясь и никогда не приближаясь къ первообразу.

Ученіе матеріализма.

Матеріализмъ есть ученіе, утверждающее дѣйствительность одной матеріи, слѣдовательно ученіе, отвергающее бытіе духа, бытіе Бога, какъ существа отдѣльнаго отъ міра.

Слѣдовательно одни матеріалисты въ строгомъ смыслѣ заслуживаютъ наименованіе *безбожниковъ*; и здравая философія одинъ матеріализмъ называетъ именемъ *безбожія*.

Матеріализмъ есть древнѣйшій и новѣйшій. Поелику утвержденіе древняго матеріализма въ полной силѣ раскрыло матеріализмъ новѣйшій: то разсмотрѣніе и опроверженіе новѣйшаго матеріализма будетъ вмѣстѣ разсмотрѣніемъ и опроверженіемъ древняго.

Догматы новѣйшаго матеріализма суть слѣдующіе:

1) Міръ сей состоитъ изъ безчисленныхъ недѣлимыхъ матерій или атомовъ. Различное сочетаніе сихъ матерій произвело различіе существъ. Совокупная цѣлость всѣхъ существъ составляетъ вселенную.

2) Посему понятіе о Богѣ, какъ существѣ отдѣльномъ отъ міра, есть совершенный вымыслъ, порожденіе суевѣрія и коварства человѣческаго.

3) Душа человѣческая не есть существо, отличное отъ матеріи. Она есть ничто иное, какъ составъ тончайшихъ и способнѣйшихъ къ движенію матерій.

4) Поелику всѣ дѣйствія души происходятъ отъ слѣпаго и необходимаго движенія внутреннихъ и внѣшнихъ субстанцій (матерій): то очевидно, что она не имѣетъ ни разума, ни свободы и слѣда безсмертія.

Таково ученіе новѣйшаго матеріализма, коего появленіе на землѣ сопровождалось ниспроверженіемъ религіи, нравственнаго и общественнаго благоустройства! Защитники его суть: въ Англіи: Гоббезъ; во Франціи: Даламбертъ, Дидеротъ, Гельвецій, Волтеръ, Мирабо и проч.

Въ опроверженіе сего ученія мы утверждаетъ:

1. *Что бытіе міра изъ совокупности атомовъ произведено быть не можетъ.* Ибо—

а) Если не предположить никакой высшей самостоятельной силы, которая бы произвела и совокупила ихъ: то надобно будетъ имъ самимъ приписать бытіе самостоятельное. Бытіе не можетъ принадлежать матеріи ни грубой, ни тончайшей: поелику въ матеріи и то, что называется формою, и самая пріемлющая форму матерія, суть случайны.

Случайность формы не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію ея измѣняемость. Самые матеріалисты признаютъ измѣняемость и случайность формы, когда ищутъ первыхъ началъ постоянныхъ и неизмѣняемыхъ.

По своей случайности и измѣняемости, форма существуетъ токмо во времени и вѣчною быть не можетъ, такъ какъ все измѣняемое существуетъ въ предѣлахъ времени.

Но матерія не можетъ имѣть бытія безъ формы. Чтобы имѣть ей бытіе, она необходимо должна быть чѣмъ либо, т. е. она должна имѣть необходимо какую либо форму; или она будетъ ничѣмъ. Такимъ образомъ если форма случайна и не самостоятельна: то и самая матерія есть случайна и самостоятельною быть не можетъ.

b) Атомы, изъ коихъ матеріалисты составляютъ міръ, всегда представляются подъ опредѣленіями качества и количества. Такимъ образомъ они всегда имѣютъ извѣстную какую-либо форму. И сами матеріалисты приписываютъ своимъ атомомъ качества, какъ-то: силу тяготѣнія; силу держать себя (vis inertiae), движеніе, притяженіе и отталкиваніе. Но для всякаго качества и для всякой формы мы имѣемъ право искать дальнѣйшаго основанія. Сіе основаніе будетъ опять съ качествами или безъ качествъ. Если оно будетъ имѣть качества: то необходимо должно искать новаго основанія и т. д. Если же оно не будетъ имѣть ни какихъ качеетвъ, то оно не будетъ имѣть ничего положительнаго, никакой вещественности (realitas)! Оно будетъ совершеннымъ отрицаніемъ, уничтоженіемъ всякаго бытія. Посему производить міръ изъ атомовъ, не имѣющихъ качествъ—есть тоже, что производить его изъ ничего,

II. Понятіе о Богѣ не смотря на то, что (по мнѣнію матеріалистовъ) составляется изъ противорѣчій, касательно

бытія Божія, не можетъ быть вымысломъ. Бытіе Бога необходимо: ибо иначе не было бы возможнымъ бытіе міра.

а) Міръ сей существуетъ. Но, какъ изъ высшаго явствуетъ, онъ самостоятельнымъ и въ самомъ себѣ имѣющимъ бытіе названъ быть не можетъ. Ни одно существо, принадлежащее къ составу міра, не можетъ быть причиною, началомъ и основаніемъ бытія его. Итакъ причина бытія міра должна быть внѣ міра, надъ нимъ и выше его. Сія причина есть Богъ.

b) Совершенное небытіе — всеобщее ничтожество невозможно. Не было бы ни времени, ни вѣчности, когда бы не было ничего. Итакъ быть необходимо, чему-либо существовать отъ вѣчности.

Но возможно небытіе всего ограниченнаго. Ибо бытіе ограниченное, потому такъ называется, что предъ собою имѣетъ небытіе, и за собою можетъ имѣть небытіе. Итакъ бытіе необходимое должно быть неограниченное.

Міръ не есть бытіе необходимое и неограниченное. Ибо онъ, какъ изъ высшаго явствуетъ, не въ себѣ, но внѣ себя имѣетъ причину бытія своего. Такимъ образомъ уничтожимъ причину сію, и бытіе его будетъ невозможнымъ. Итакъ бытіе необходимое и неограниченное должно быть отдѣльно отъ міра.

Сіе отдѣльное отъ міра бытіе опять имѣетъ или внѣ себя, или въ себѣ начало бытія своего. Если внѣ себя: то оно принадлежитъ къ міру, и не можетъ быть отдѣльно отъ него. Итакъ бытіе необходимое, неограниченное, отдѣльное отъ міра должно имѣть въ себѣ начало бытія своего. Все несамостоятельное можетъ быть произведено только отъ самостоятельнаго.

Теперь бытіе необходимое, неограниченное, отдѣльное отъ міра, въ себѣ имѣющее начало бытія своего и бытія міра—есть Богъ. Итакъ бытіе Бога необходимо.

Можно сдѣлать на сихъ основаніяхъ еще одно заключеніе противъ матеріалистовъ, приписывающихъ матеріи бытіе вѣчное и самостоятельное слѣдующимъ образомъ:

Бытіе необходимое, какъ изъ высшаго явствуетъ, есть бытіе отдѣльное отъ міра. Слѣдовательно оно должно отличаться отъ него и качествами природы своей. Природа міра

есть матерія; ибо міръ, по мнѣнію матеріалистовъ, есть составъ безчисленныхъ матеріальныхъ существъ. Итакъ бытіе необходимое, отдѣльное отъ міра, матеріею быть не можетъ; или что тоже, матерія не можетъ имѣть бытія необходимаго, самостоятельнаго и вѣчнаго.

γ) Отрицаніе Божества возможно тольво между злыми. Для добрыхъ оно (Божество) необходимо. Ибо могутъ ли они безъ отчаянія отрицать высочайшій предметъ своей вѣры, любви, благоговѣнія, упованія? Вѣра въ бытіе его есть единственное основаніе ихъ подвиговъ, истинная жизнь ихъ духа. Итакъ добрые не отрицаютъ Божества. Если же нечестивый дерзаетъ богохульно отвергать бытіе Его; или почитаетъ Его за одно съ матеріею: то мы должны знать, что сіе для него токмо нужно. Ибо онъ страшится впасть въ руки Бога живаго.

d) Матеріалистъ можетъ отрицать понятіе о свойствахъ Божіихъ, его назвать состоящимъ изъ противорѣчій: но не можетъ низпровергнуть непобѣдимой увѣренности о бытіи Бога.

Идея Бога, говоритъ матеріалистъ, составлена изъ противорѣчій: и потому она есть нестройный вымыслъ, порождсніе заблуждающаго ума. Но—

1. Идея Бога относится только къ нашему познанію о Богѣ, познанію которому и мы сами не можемъ приписать безусловнаго совершенства; а не къ бытію Бога. Изъ того, что наше познаніе о Немъ не совершенно, не слѣдуетъ заключать, будто Онъ не существуетъ.

2. Особеннѣйшее противорѣчіе, какое примѣчаетъ матеріалистъ, есть то, что бытію Бога противорѣчитъ бытіе зла въ мірѣ. Бытіе зла въ мірѣ, по его понятію, доказываетъ, что Богъ или не предвидѣлъ или не хотѣлъ, или не могъ предотвратить его. Сіе предположеніе лишаетъ Бога или премудрости, или благости, или всемогущества.

Мы оставляемъ отвѣтствовать на сіи возраженія, предоставляя ихъ произвольному сужденію каждаго, такъ какъ разрѣшенія ихъ большею частію извѣстны.

Ученіе древняго матеріализма (защитники коего были: Ѳалесъ, Анаксименъ, Анаксимандръ, Гераклитъ, Эпикуръ

и проч.) ограничивается сими двумя главными утвержденіями.

1. Что одна матерія имѣетъ дѣйствительное бытіе, и что все произошло изъ матеріи.

2. Поелику матерія есть единое начало всей совокупности существъ: то она должна быть названа Богомъ.

Между тѣмъ, какъ новѣйшіе матеріалисты отвергаютъ бытіе Божіе, древніе сливаютъ Бога съ матеріею, приписывая ей тѣ качества Божества, кои безъ явнаго и ощутительнаго противорѣчія приписаны быть не могутъ; такъ напримѣръ, вѣчностъ, безпредѣльность, неизмѣримость; но

a) Изъ предыдущаго вытекаетъ, что матерію нельзя назвать самостоятельною, и въ себѣ имѣющею начало бытія; слѣдовательно нельзя приписать ей ни одного изъ тѣхъ качествъ, кои матеріализмъ несправедливо ей приписываетъ. Ее нельзя назвать ни вѣчною, ни безпредѣльною, ни безконечною, ни всеобъемлющею; и несообщимое имя Божіе совершенно ей чуждо.

b) Соединеніе Божества съ матеріею противорѣчитъ священнымъ требованіямъ религіи. Оно производитъ то, что Божество теряетъ всѣ тѣ высочайшія качества, ради которыхъ оно является достопоклоняемымъ человѣческому духу. Держась строго началъ сего ученія, матеріи никакъ нельзя приписать духовныхъ качествъ разума и свободы. Такимъ образомъ Божество, соединяемое съ матеріею, по необходимости лишается сихъ достоуважаемыхъ качествъ. Оно является не какъ существо разумное и свободное, но какъ матеріальная душа, по всему составу міра разліянная, какъ великая сила, дѣйствующая по законамъ слѣпой необходимости, ничего не производящая съ намѣреніемъ и предположеніемъ, но токмо вѣчно себя самую превращающая безъ намѣренія и сознанія; съ такою же неутомимою ревностію требующая разрушенія и смерти, съ какою требуетъ происхожденія и жизни, словомъ: Оно теряетъ все свое величіе, и человѣческій духъ не видитъ Бога въ Божествѣ своемъ.

Можно сказать матеріалисту: ты покланяешься, ты молишься Богу своему: но всѣ твои молитвы, всѣ твои жертвы есть истинная суета. Твой Богъ не слышитъ и не внемлетъ

глаголамъ твоимъ. Молитвенное возношеніе сердца и для тебя самаго не можетъ принесть никакой пользы; ибо можешь ли ты измѣнить то, что опредѣлено для тебя дѣйствіемъ слѣпой необходимости?

Итакъ, ученіе матеріализма есть ученіе непобѣдимаго отчаянія, подавляющее духъ, содѣлывающее бытіе и жизнь ненавистными, напротивъ смерть и вѣчное ничтожество сладостными и достовожделенными.

О спиритуализмѣ.

Спиритуализмъ есть ученіе, противоположное матеріализму, утверждающее бытіе души, какъ существа отличнаго отъ матеріи, и въ соотвѣтственность сему признающее Бога существомъ духовнымъ.

Изъ сего ясно, въ чемъ состоятъ основныя утвержденія (догматы) спиритуализма, именно:

1) Въ противоположность матеріализму — онъ признаетъ душу существомъ отдѣльнымъ и не зависящимъ отъ матеріи, и не сомнѣвается въ ея бытіи.

2) Именуя ея духомъ, онъ приписываетъ ей разумъ, свободу и безсмертіе.

3) Такимъ образомъ спиритуализмъ признаетъ Бога существомъ отличнымъ отъ міра и всего матеріальнаго; признаетъ Его духомъ высочайшимъ, существомъ разумнымъ и свободнымъ.

Между древними представляли себѣ Бога такимъ образомъ (послѣ Анаксагора, еще не чистаго спиритуалиста) Платонъ и его послѣдователи; въ среднихъ вѣкахъ, когда философію старались соединить съ богословіетъ, постоянно держались сего ученія, въ новѣйшія времена только не многія сомнѣваются въ истинѣ его: но всѣхъ яснѣе и опредѣленнѣе возвѣщаетъ его наше Божественное Откровеніе.

До тѣхъ только поръ могъ оставаться разумъ человѣческій въ оковахъ матеріализма, доколѣ онъ не достигъ еще способности основательно мыслить и глубоко проникать, какъ природу его окружающую, такъ и свою собственную. Посему-то, какъ скоро началось дѣятельнѣйшее стремленіе испытующаго духа: то у самыхъ матеріалистовъ на-

чинали проторгаться искры возвышеннаго спиритуальнаго ученія, которыя въ послѣдствіи образуютъ обширную сферу свѣта. Древній Анаксагоръ, хотя не могъ, по причинѣ господствовавшаго матеріализма, положить рѣшительнаго различія между матеріею и духомъ: впрочемъ, принужденъ былъ первоначальной причинѣ, все устроившей, приписать разумъ (νοῦς) и премудрость.

Ясное воззрѣніе на природу внѣ насъ находящуюся, открывало непрестанную *измѣняемость* въ явленіяхъ міра видимаго; съ другой стороны нельзя было не примѣтить постояннаго, правильнаго и гармоническаго хода въ ихъ явленіяхъ. Но сія *измѣняемость* и сіе *постоянство* въ измѣненіяхъ, очевидно, противорѣчило и главнѣйшему утвержденію матеріализма о томъ, что дѣйствія природы совершаются или *по случаю* или *по необходимости*. Измѣняемость противорѣчила необходимости, правильности, а постоянство низпровергало случай.

Предположивъ необходимость въ дѣйствіяхъ первоначальной матеріи, ей надлежало оставаться всегда въ одномъ и томъ же положеніи; и не понятно было, какъ первоначальная и необходимо дѣйствующая матерія могла измѣнить сіе положеніе, сперва принявши форму, а потомъ допустивши непрестанную измѣняемость сей формы. Съ другой стороны предположивши случайными и ненамѣренными дѣйствія перводвижущей силы, невозможно было понять, откуда происходитъ сіе постоянство, сей порядокъ, сей чудный, гармоническій ходъ видимаго міра. Изъ бездны случая могли исторгаться токмо непрестанно новыя, уродливыя и одна на другую непохожія твари. Повсюду было бы одно смѣшеніе, непрестанное противорѣчіе, мрачный, неизходный хаосъ. Такимъ образомъ измѣняемость явленій указывала на причину дѣйствующую по свободному изволенію; а правильность и постоянство побудили предположить въ сей причинѣ, противоположный безсмысленному случаю, разумъ. И вотъ къ чему долженствовало привести самаго матеріалиста наблюденіе надъ природою внѣ его.

Но внѣшняя природа предрасполагала токмо духъ человѣческій къ познанію Безконечнаго, высочайшаго и всесозидущаго Духа. Тогда наконецъ, какъ ясно усмотрѣлъ свою

природу, онъ позналъ Его и научился произносить его великое имя.

Духъ человѣческій видѣлъ себя совершенно отличнымъ отъ всего матеріальнаго. Природа матеріальная представлялась ему или совершенно бездѣйственною, или имѣющею не собственное только дѣйствіе. Онъ примѣтилъ въ тѣлесной массѣ господствующимъ тотъ законъ, по которому тѣло могло быть въ движеніи не иначе, какъ бывъ приведено въ оное дѣйствіемъ другихъ тѣлъ, способомъ притяженія или отраженія, примѣтилъ, что тѣло приведенное въ движеніе не имѣло силы само собою остановиться. Такимъ образомъ вся область видимаго міра представилась ему зрѣлищемъ невольныхъ и совершенно зависимыхъ дѣйствій, гдѣ все въ неразрывномъ сочетаніи, все послѣдуетъ по закону связи безчисленныхъ частей, одна другую предполагающихъ. Но обращаясь къ самому себѣ, онъ усмотрѣлъ способность самому собою начинать свои дѣйствія и самому собою ихъ оканчивать. Онъ открылъ внутрь себя возвышенный даръ свободы, по силѣ коей видѣлъ себя изторгнутымъ изъ общаго механизма тѣлесныхъ существъ, поставленнымъ выше ихъ зависимаго бытія, и въ семъ отношеніи совершенно независимымъ.

Далѣе въ мірѣ матеріальномъ онъ примѣчаетъ, что каждое тѣло (и вообще вся тѣлесная природа) совершаетъ свои дѣйствія безъ вѣдѣнія и хотѣнія; что оно не можетъ и не умѣетъ назвать ни силы, сообщавшей ему движеніе, ни цѣли, для которой оно движется. Въ себѣ напротивъ онъ видитъ безсмертную способность — съ вѣденіемъ и волею дѣйствовать, опредѣлять совершенство или несовершенство своихъ дѣйствій; испытывать причины и побужденія, ради которыхъ они предпріемлются; свободно самому собою назначать цѣли и избирать средства для достиженія ихъ.

Въ нѣкоторой только мѣрѣ онъ видитъ сію способность въ царствѣ животныхъ. Но въ какой умаленной мѣрѣ! Животное познаетъ (не умѣя между тѣмъ ничего понять и опредѣлить) токмо ближайшую причину, на него подѣйствовавшую, только ближайшую, настоящимъ положеніемъ указуемую цѣль дѣйствованія, токмо настоящее, въ предѣлахъ

кратчайшаго времени заключенное бытіе свое). Но въ какой превышающей и одною безконечностію ограничиваемой мѣрѣ онъ сознаетъ сіе вѣдѣніе въ самомъ себѣ. Обращаясь къ жизни своей, не настоящею токмо минутою бытія его взоръ ограничивается: однимъ разомъ онъ объемлетъ цѣлое продолженіе жизни своей, всю дѣятельность временнаго бытія тварей, и останавливаетъ взоръ свой на вѣчномъ, необъемлемомъ предѣлами времени. Испытывая рядъ причинъ на него дѣйствующихъ, не ближайшую токмо, сію минуту проявившую свое дѣйствіе, видитъ онъ, но возносится до первой, независимой причины бытія своего и бытія міра — познаетъ Творца, Бога. Въ изслѣдованіи цѣлей не ближайшую токмо, настоящимъ своимъ положеніемъ указуемую, онъ усматриваетъ: но пробѣгая рядъ конечныхъ, онъ видитъ безконечную цѣль бытія своего, онъ видитъ не одни потребности настоящей временной жизни,—онъ видитъ потребности вѣчнаго бытія своего, и съ чувствомъ благоговѣйнаго самоотверженія старается временное подчинить вѣчному, однимъ словомъ: человѣкъ примѣчаетъ въ себѣ надъ всею природою возвышенную силу разума, которой не видитъ ни въ одномъ изъ существъ матеріальныхъ.

Отсюда явствуетъ, что субъектомъ свободы и разума, никакъ не могла и не можетъ быть поставлена матерія. Открылась необходимая потребность въ существѣ другаго рода, отличномъ отъ всего матеріальнаго — *въ духѣ невещественномъ*. И сколь трудно приписать матеріи сіи высокія качества, сіе явствуетъ изъ того, что матеріалисты хотѣли лучше отвергнуть бытіе свободы и разума, называя все дѣйствіемъ случая или необходимости, нежели назвать матерію разумною и свободною.

Достигнувъ строгаго разграниченія между духомъ и матеріею, основавъ бытіе духа отдѣльно отъ матеріи, спиритуализмъ видѣлъ, что сей духъ въ своемъ бытіи и происхожденіи есть также, какъ и природа внѣ его, зависимое существо; что онъ не имѣетъ бытія своего въ себѣ самомъ,

---

[1]) Въ животныхъ сколько много объемлетъ бытіе, столь же много объемлетъ и сознаніе, и можно скорѣе сказать, что его тѣло правитъ душею, нежели душа тѣломъ.

но получаетъ его отъ другаго существа. Далѣе — поелику онъ не видѣлъ, кромѣ духа и матеріи, ничего дѣйствительнаго, и своего духа не могъ произвести изъ матеріи: то и принужденъ былъ за начало всѣхъ вещей признать Духа Безконечнаго, или что тоже: онъ призналъ Бога духомъ, существомъ разумнымъ и свободнымъ. Отсюда очевидно преимущество спиритуализма предъ матеріализмомъ въ религіозномъ отношеніи человѣка къ Богу, въ умственномъ и нравственномъ, въ отношеніи къ природѣ внѣ его.

1) Матеріализмъ не зналъ Бога, или унижалъ Его до матеріи: и посему очевиднымъ образомъ поставлялъ Бога ниже человѣка. Спиритуализмъ возвышаетъ Его надъ природою и самимъ собою: ибо называетъ Его духомъ высочайшимъ. Приписавъ Ему качества свободы и разума, онъ приписалъ вмѣстѣ и всѣ достопоклоняемыя качества, какъ то: премудрость, благость, любовь, милосердіе и проч. слѣдовательно составилъ о Немъ понятіе возвышеннѣйшее и удовлетворяющее требованіямъ религіи.

2) Спиритуализъ возвысилъ понятіе и о природѣ человѣческой. Познавъ въ Богѣ духа высочайшаго и открывъ внутрь себя бытіе духа, разума и свободы, онъ не иначе могъ представлять себя, какъ образомъ Божества, Его возлюбленнымъ сыномъ, благороднѣйшимъ порожденіемъ; между тѣмъ какъ въ матеріализмѣ человѣкъ представлялся ничтожнымъ существомъ, игрою случая и необходимости, который одинъ среди множества ничтожныхъ тварей опредѣленъ сознавать и чувствовать свое ничтожество.

3. Открывши неизмѣримую сферу безконечнаго, умъ не къ конечной природѣ привязалъ испытательный взоръ свой; онъ началъ испытывать безконечное начало всѣхъ вещей. Духъ человѣческій воспріялъ величественное направленіе за предѣлы времени и пространства, обонъ-полъ ограниченнаго міра. Между тѣмъ какъ въ матеріализмѣ умственный взоръ человѣка, подобно взору животныхъ, преклоненъ былъ къ землѣ.

4. Въ нравственномъ отношеніи духъ человѣческій позналъ высшую цѣль, раскрылъ высшія потребности, вознесся подъ тѣломъ и настоящею жизнію, чувственнымъ пожертвовалъ духовному, жизнь вѣчную предпоставилъ времени, и

во времени началъ трудиться для вѣчности. Между тѣмъ какъ въ матеріализмѣ духъ человѣческій ограничивается потребностями одной настоящей жизни; онъ старался сохранить отъ уничтоженія ничтожное бытіе свое, и, подобно животнымъ, былъ привязанъ къ исканію пищи.

5. Въ отношеніи къ природѣ спиритуализмъ утвердилъ бытіе человѣка за предѣлами ограниченнаго; ко всему конечному онъ принадлежитъ только внѣшнею частію; внутреннее и духовное получило свое основаніе въ невидимомъ превышающемъ природу. Отсюда родилось сладкое чувство независимости и свободы отъ вліянія всѣхъ врожденныхъ человѣческой жизни матеріальныхъ силъ; отсюда произошло то, что человѣкъ пересталъ страшиться убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити. Между тѣмъ какъ въ матеріализмѣ человѣкъ непрестанно страшится потерять бытіе свое; малѣйшее поврежденіе внутренняго организма, ничтожное прираженіе внѣшнихъ силъ ему казалось достаточнымъ для совершеннаго его уничтоженія; словомъ: *вся вселенная свѣтлымъ просвѣщшеся свѣтомъ* въ очахъ перваго: на другомъ *простирашеся тяжкая нощь — образъ будущаго воспріятія тьмы.* (Прем. XVII. 19. 20).

Объ антропоморфизмѣ.

Антропоморфизмъ есть тотъ образъ представленія, въ коемъ Божество облекается образомъ, отъ природы человѣческой заимствованнымъ.

У нѣкоторыхъ философовъ антропоморфизмъ есть поносное слово. Они произносятъ его съ такимъ же тономъ, съ какимъ мы произносимъ атеизмъ, матеріализмъ. Они говорятъ:

1. Нелѣпо приписывать Богу органы тѣлесной природы человѣческой.

2. Нелѣпо приписывать также Богу какія либо тѣлесныя дѣйствія и движенія.

3. Совершенно противорѣчитъ величію Божества, приписывать Ему даже человѣческія страсти: *любовь*, *ненависть*, *радость*, *гнѣвъ* и проч.

4. Нелѣпо также приписывать Богу какія либо человѣческія наименованія, какъ имя Отца, Царя, Судьи.

5. Они заключаютъ изъ сего, что Богъ антропоморфизма есть не болѣе какъ кумиръ, порожденіе мечтательнаго воображенія.

6. Другіе болѣе снисходительные называютъ антропоморфизмъ дѣтскимъ образомъ представленія, вѣрою простонародною.

Прежде, нежели приступимъ къ защищенію антропоморфизма, намъ нужно раздѣлить его на антропоморфизмъ грубый и нечистый и антропоморфизмъ чистый и просвѣщенный. По истинѣ первый существенною принадлежностію своею имѣетъ то, чтобы не возвышаться далѣе образа, но осланавливать взоръ на немъ одномъ, его почитать за подлинное и дѣйствительное существо. Сему же антропоморфизму свойственно приписывать Божеству и человѣческія страсти и дѣйствія часто такія, кои даже въ человѣкахъ унижаютъ человѣчество. Таковъ былъ антропоморфизмъ идолопоклоннический.

Касательно чистаго и просвѣщеннаго антропоморфизма утверждаемъ мы:

1. Что онъ, представляя Бога подъ образомъ заимствованнымъ отъ природы человѣческой, никогда не признаетъ сего образа за подлинное существо, но всегда не болѣе какъ образомъ. Сіе явствуетъ въ особенности изъ того, что антропоморфизмъ не привязываетъ своего вниманія къ одному какому либо образу, но собираетъ множество образовъ для представленія предмета своего. Значитъ, что для его возвышеннаго понятія о Божествѣ ни одинъ изъ нихъ недостаточенъ.

Священное Писаніе много представляетъ примѣровъ человѣкообразнаго представленія о Богѣ; впрочемъ оно же яснымъ образомъ возвѣщаетъ, что духъ есть Богъ, плоти и крови неимущій; что Богъ не яко человѣкъ колеблется, ниже якоже сынъ человѣчь измѣняется; что Богъ есть превыше всякаго начала и власти, и силы, и господства, и всякаго имене, именуемаго не токмо въ вѣцѣ семъ, но и грядущемъ. И такъ нелѣпо бы было обвинять писаніе въ кумирослуженіи, когда оно столь ясно возвышаетъ Бога надъ всѣмъ конечнымъ и ограниченнымъ.

2. Антропоморфизмъ приписывающій Богу, человѣческія свойства и органы, приписывающій неизмѣняемому Божеству многоразличныя и измѣняемыя дѣйствія, долженъ быть разсматриваемъ не съ той точки зрѣнія, съ какой разсматривается систематическое ученіе о Богѣ. Его надлежитъ разсматривать со стороны чувства, а не со стороны разума, со стороны вѣры, а не со стороны познанія.

3. Чтобы составить ясное понятіе объ антропоморфизмѣ, безъ чего намъ не возможно защитить его, для сего надобно показать необходимость и происхожденіе образовъ, имъ употребляемыхъ.

На сей конецъ намъ нужно нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть округъ познанія человѣческаго. И потому мы утверждаемъ.

α) Что истинное, ясное и полное познаніе человѣкъ можетъ имѣть объ одной природѣ. β) Что равно яснаго познанія онъ не можетъ имѣть о томъ, что выше природы, отлично отъ нея, о духѣ не вещественномъ. γ) Что посему превыше природное онъ можетъ познавать токмо отрицательнымъ образомъ.

α) То только можетъ познавать человѣкъ, что подлежитъ познавательной его способности. Познавательная способность человѣка давно уже получила строгое разграниченіе. Она объемлетъ въ себѣ: а) способность чувственныхъ воззрѣній; б) разсудокъ, предметы чувственныхъ воззрѣній сравнивающій между собою и различающій, — по сходству между ними дѣлающій отвлеченіе, — составляющій общія понятія видовъ и родовъ; сіи понятія различно совокупляющій и располагающій, и вообще пріобрѣтающій полное, ясное и подробное понятіе о сихъ предметахъ, называемое нами познаніемъ. в) Сюда же относится даръ слова, какъ способность объяснять, обнаруживать, изрѣкать внутреннія свѣдѣнія. Очевидно, что сими способностями, силами и дѣйствіями ограничивается кругъ человѣческаго познанія. Очевидно, также, что всѣ сіи способности, силы и дѣйствія относятся къ одному міру видимому, матеріальному. Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ можно заключить, что сей токмо міръ и подлежитъ познанію человѣка. Посему-то доколѣ человѣкъ

здѣсь обращается, дотолѣ все ему повинуется; онъ справедливо именуется владыкою видимаго, первенцемъ природы.

β) Но человѣкъ сими средствами не можетъ познать міра невидимаго, духовнаго. Здѣсь не возможно для него никакое сравненіе и различіе, никакія общія и частныя понятія. Ибо здѣсь ничто не является ему, какъ отдѣльное и совокупное, какъ подобное и неподобное, какъ общее и частное, какъ многое и единое, какъ дѣйствующее и страждущее, какъ существующее одно вмѣстѣ съ другимъ и одно послѣ другаго: вообще здѣсь ничто не является ему удобомысленнымъ, удобоопредѣляемымъ, удобоизрѣкаемымъ.

Касательно міра видимаго человѣкъ познаетъ не токмо дѣйствительное бытіе предметовъ въ немъ содержимыхъ, но съ творческою силою можетъ опредѣлять возможный образъ бытія ихъ. Касательно міра невидимаго — не только возможнаго, но и дѣйствительнаго бытія предметовъ познать и опредѣлить не можетъ.

Нашъ мыслящій духъ съ меньшею ясностію познаетъ самаго себя, нежели внѣшнюю природу свою. Ясное полагаетъ онъ различіе между тѣломъ и тѣломъ, довольно ясное между тѣломъ и духомъ; но духа отъ духа совершенно отличить не можетъ.

Отсюда происходитъ то, что человѣкъ въ области природы идетъ непрестанно далѣе; пріобрѣтаетъ непрестанно новыя свѣдѣнія, дѣлаетъ открытія за открытіями съ тою замѣчательною (занимательною) выгодою, что открытія древнихъ служатъ существеннѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для новѣйшихъ. Напротивъ того въ наукахъ, имѣющихъ предметомъ своимъ познаніе превышеприроднаго примѣчается не шествіе и поступленіе вдаль, но кругообращеніе ума человѣческаго; возстановленіе началъ и системъ и уничтоженіе; уничтоженіе и вторичное возникновеніе. Отсюда происходитъ то, что цѣлость открытій, дѣлаемыхъ въ мірѣ духовномъ, всегда остается бѣдною и скудною; утвержденія и положенія о духѣ — малочисленными; между тѣмъ какъ о предметахъ видимаго міра, не только частныхъ утвержденій и положеній, но цѣльныхъ наукъ, цѣльныхъ, основательныхъ и глубокомысленныхъ разсмотрѣній безчисленное множество. Отсюда наконецъ произошло и то несправедливое удостовѣреніе,

будто всю область видимаго міра населяютъ однѣ человѣческія души; хотя есть справедливое основаніе вѣрить, что міръ невидимый столько же обиленъ многочисленностію и разнообразіемъ существъ, какъ и наша видимая природа. И такъ не справедливо ли, что одинъ видимый міръ болѣе доступенъ познанію человѣческому?

γ) Но ужели міръ невидимый совершенно недоступненъ для человѣка. Принадлежа къ нему благороднѣйшего частію, ужели онъ можетъ совершенно не знать его? Но въ такомъ случаѣ духъ человѣческій со всею своею благородною жизнію былъ бы не болѣе, какъ *мертвецомъ въ мрачномъ гробѣ природы*. Итакъ онъ знаетъ сверхъ-чувственное и превыше-природное, токмо не силою испытующаго разума, но силою вѣры. Въ духѣ человѣческомъ необходимо царствуетъ вѣра въ бытіе, совершенство и красоту міра невидимаго. Вѣра (не смотря на противорѣчія разума) столько же истинная, сколько истинна любовь его къ сверхъ—чувственному, духовному, совершенному. Какъ не можетъ онъ исторгнуть сей любви изъ нѣдра своего, такъ не можетъ уничтожить сей вѣры. Познаніе духа о семъ мірѣ ограничивается сими тремя утвержденіями.

a) Не сомнѣваясь въ его бытіи, съ полною увѣренностію онъ отрицаетъ въ немъ всѣ качества, силы и дѣйствія матеріальнаго: потому что и своему возвышенному надъ природою существу онъ не можетъ приписать ничего матеріальнаго. Но сей превыспренній міръ, человѣкъ представляетъ болѣе возвышеннымъ, болѣе совершеннымъ, нежели свой собственный духъ. Итакъ онъ не можетъ приписать ему что либо матеріальное.

b) Впрочемъ отдѣляя все матеріальное отъ міра горняго, человѣкъ не можетъ отдѣлить отъ него качествъ, своему духу принадлежащихъ. Ибо по совершенномъ уничтоженіи всего матеріальнаго и духовнаго, онъ остался бы для него не болѣе, какъ пустынею, жилищемъ мрака, обителію небытія. Съ другой стороны съ живѣйшею вѣрою, съ сердцемъ исполненнымъ возвышенныхъ надеждъ, человѣкъ представляетъ себя гражданиномъ онаго міра, Итакъ онъ не отрицаетъ, но прописываетъ качества своего духа міру сему

съ того особенно разностію, что отдѣляетъ отъ него всѣ несовершенства природы своей.

с) Далѣе сіи качества, бывъ перенесены въ горній міръ, не представляютъ еще всего совершенства, какого требуетъ живая вѣра человѣка и его непобѣдимое чувство. Бывъ приписаны всему сонму существъ, онѣ представляютъ взору повсюду однѣ токмо совершенно сходныя между собою субстанціи — сходство и единобразіе, которыхъ не можемъ, оправдать самый разумъ. Итакъ съ предположеніемъ многочисленности духовныхъ существъ, человѣкъ необходимо предполагаетъ священнолѣпное ихъ между собою разнообразіе, порядокъ постепенность, устройство и гармонію. Усиливаясь не для того чтобы такъ вѣрить, чтобы признавать образъ за истину, но собственно для того, чтобы сдѣлать сколько нибудь понятнымъ сіе разнообразіе, человѣкъ опять обращается къ аналогіи и уподобленіямъ. Именно онъ наблюдаетъ различныя явленія своего духа въ родѣ человѣческомъ, и по различію состояній, возрастовъ, служеній и дѣйствій, коими занимается человѣкъ, онъ старается назначеновать священно-таинственное разнообразіе міра невидимаго. Въ семъ случаѣ онъ не имѣетъ никакого другаго способа. И вотъ истинное начало всѣхъ человѣкообразныхъ представленій міра невидимаго, истинное начало антропоморфизма!

Отсюда видно, что антропоморфизмъ не имѣетъ въ виду — совершенно опредѣлить оный міръ, познать его и объяснить. Онъ истиннѣе вѣруетъ и чувствуетъ, нежели какъ познаетъ.

Между тѣмъ, испытывая возможные для человѣка способы познавать оный міръ — сперва совершенно отдѣлять отъ всего видимаго (въ отрицаніи), утверждаясь въ священнѣйшемъ царствѣ (въ аналогіи), и послѣ по необходимости обращаясь опять къ міру видимому (въ символахъ) антропоморфизмъ своими усиліями доказываетъ ту непреложную истину, что міръ невидимый совершенно неприступенъ для познанія человѣческаго.

Такимъ же точно образомъ антропоморфизмъ представляетъ себѣ и Существо Высочайшее.

α) Онъ отрицаетъ въ немъ всѣ качества міра матеріальнаго потолику, поколику не можетъ приписать ихъ какъ

своему духу, такъ и вообще и ни одному изъ существъ превыше природныхъ.

β) Онъ приписываетъ ему духовныя качества съ одной стороны потому, что въ явленіяхъ видимаго міра онъ наблюдаетъ знаменія сихъ качествъ,—свидѣтельство высочайшей свободы и разума; съ другой стороны потому, что своего духа не можетъ ни отъ чего иного производить, какъ отъ духа. Ибо можетъ ли онъ производить разумъ отъ неразумія, свободу отъ мертвой необходимости, мудрость отъ несмыслія, любовь отъ безчувственности, свѣтъ отъ мрака, жизнь отъ смерти, устройство, порядокъ и гармонію отъ безобразнаго и не устроеннаго хаоса? Можетъ ли онъ сказать, что Богъ создавый око не видитъ, насадивый ухо не слышитъ, устроивый сердце и разумъ не вѣдаетъ и не любитъ?—Въ Богѣ познаетъ такое существо, которое глаголетъ о Себѣ: *Азъ есмь Сый*—съ такою увѣренностію, съ какою онъ слышитъ во глубинѣ духа своего, созданнаго по образу Божію, выразительный отголосокъ сего священнаго гласа: *Азъ есмь*.

с) Человѣческое сердце исполненное живой любви къ живому Богу, намѣреваясь повѣдать славу и величіе его, не рѣдко имѣетъ нужду въ символическомъ, прямо человѣкобразномъ представленіи, имѣетъ нужду приписывать Богу человѣческія свойства, органы дѣйствія и наименованія. Безъ сего человѣкъ не можетъ вѣщать о Немъ, не можетъ хвалить и воспѣвать Его.

Впрочемъ о семъ образѣ представленія сказать надобно:

α) то, что образы сего рода никогда не приписываются Богу, какъ собственно Ему принадлежащіе. Самая многочисленность образовъ сего рода доказываетъ, что антропологія ни одного изъ нихъ не почитаетъ достаточнымъ для представленія невидимаго, который является ему высочайшимъ всякаго образа, всякаго человѣческаго познанія.

β) то, что просвѣщенный свыше, антропоморфизмъ, очеловѣкотворяя, такъ сказать, Бога, никогда не употребляетъ образовъ, отвергаемыхъ чувствомъ и разумомъ и совершенно уничтожающихъ величіе существа Безконечнаго. Онъ ходитъ осторожно и благоговѣйно въ присутствіи самаго Бога. Грубому только кумирослужителю свойственно думать подобно

быти Божество *злату или сребру или камени, художнъ начертанну и смышленію человѣчу.* Отсюда видно, сколько несправедливо упрекаютъ просвѣщенный антропоморфизмъ въ кумирослуженіи.

γ) Изъ всѣхъ качествъ приписуемыхъ Божеству человѣческое сердце всего болѣе любитъ представлять его *Отцемъ милосердымъ.* Судя по потребностямъ человѣческаго духа, можно сказать, что качество любви Божественной ему извѣстнѣе, нежели чистымъ существамъ міра духовнаго.

Премірные духи, въ полной мѣрѣ отражающіе въ себѣ свѣтъ неприступнаго Божества, постоянно удерживающіе первородную красоту свою, обладая всею полнотою совершенствъ, какая возможна для нихъ по природѣ ихъ, конечно, могутъ представлять Божество—Духомъ Высочайшимъ, разумнымъ и свободнымъ, началомъ премудрости, источникомъ жизни, Первообразомъ и причиною всякаго совершенства. Но представлять Его помощникомъ слабыхъ, утѣшителемъ скорбящихъ, исцѣлителемъ, сокрушенныхъ сердцемъ, очищающимъ грѣхи и беззаконія людей своихъ, прощающимъ и милующимъ кающагося преступника: представлять Бога такимъ образомъ собственно принадлежитъ человѣку, который въ себѣ и внѣ себя видитъ грозное напечатлѣніе грѣха и смерти. Можно ли сомнѣваться въ истинѣ сего представленія? Можно ли безъ ужаснѣйшаго отчаянія доказать человѣческому сердцу мечтательность сей вѣры?—Но мы могли бы усумниться, могли бы назвать сію вѣру вымысломъ одного воображенія, когда бы не зрѣли Божественную любовь, ясно изреченную въ лицѣ Сына Божія. Кто видѣлъ Его и позналъ Его, тотъ не сомнѣвается въ истинѣ сего представленія, тотъ вѣритъ выше всякаго сомнѣнія, что *Богъ есть любы.* Не спрашивайте о томъ, естьли въ сихъ утвержденіяхъ согласіе между собой, и могутъ ли они быть оправданы разумомъ; спросите живое сердце человѣческое, и—вы увидите совершеннѣйшій свѣтъ тамъ, гдѣ разумъ ничего не видитъ кромѣ тѣней и мрака!

Съ сей точки зрѣнія мы обязаны разсматривать св. Писаніе. Можетъ быть мы не найдемъ въ немъ утвержденій, совершенно оправдываемыхъ разумомъ: но повсюду найдемъ утвержденія, несомнѣнно оправдываемыя чувствомъ человѣка

внутреннѣйшимъ. Человѣкъ не можетъ отрещись Бога, имъ проповѣдуемаго, иначе, какъ отрекшись отъ природы своей.

ϑ) Итакъ мы можемъ сказать рѣшительно, что антропоморфизмъ, пріемлемый въ той чистотѣ, въ какой намъ представляетъ его Божественная христіанская религія — есть единственная религія человѣковъ.

Противъ тѣхъ, кои антропоморфизмъ называютъ кумирослуженіемъ, такъ какъ они сами не признаютъ инаго Бога, кромѣ матеріи и природы, скажемъ, что природа видимая долженствуетъ быть только образомъ существа невидимаго, посредствующимъ, а не крайнимъ предѣломъ изысканій разума, и что посему они сами сдѣлались кумирослужителями, обоготворивъ природу и отринувъ Божество, ею исповѣдуемое.

Съ тѣми, кои называютъ антропоморфизмъ дѣтскимъ образомъ представленія, мы можемъ согласиться потому, что ему только свойственно предсгавлять Бога Отцемъ милосердія, признавая за несомнѣнное то, что сей только образъ представленія есть истинный, и желая лучше быть мудрыми младенцами, нежели буйными мужами. *Аще не будете яко дѣти, вѣщаетъ* истина, *не имате внити въ Царствіе небесное.*

О совершенномъ отрицаніи.

Совершенное отрицаніе есть ученіе, признающее несоотвѣтствующимъ Божеству каждое конечное утвержденіе и потому отрицающее всѣ утвержденія, какія могутъ быть Ему приписаны.

Главныя утвержденія сего ученія суть слѣдующія:

a) Ни одно конечное утвержденіе не можетъ приличествовать Существу Безконечному, какъ такому, которое по природѣ своей возвышено надъ всѣмъ конечнымъ, надъ всякимъ ограниченнымъ образомъ представленія, и не можетъ быть объято ни однимъ умомъ сотвореннымъ.

b) Посему утвержденія и качества, какія человѣкъ приписываетъ Божеству, не имѣютъ сродства съ истиною и не могутъ привести насъ къ познанію Его.

c) Посему лучшій способъ познавать Божество и разсуждать о Немъ состоитъ только въ томъ, чтобы отдѣлять отъ

Него все конечное, отрицать все матеріальное и духовное, постигаемое чувствами и мыслимое разумомъ.

Сіе ученіе въ древности проповѣдано было первымъ *Ксенофаномъ*; въ первыхъ вѣкахъ христіанства Александрійскіе философы явили себя ревностнѣйшими защитниками онаго и распространителями; и какъ нѣкоторые съ довольною справедливостію замѣчаютъ, оно было принято даже отъ нѣкоторыхъ Отцевъ Церкви. Таинственное Богословіе Діонисія Ареопагита, проповѣдающее отрѣшеніе отъ всего чувственнаго и духоваго для того, чтобы созерцать Божество въ неприступномъ мракѣ, есть довольно хорошій образецъ въ семъ родѣ. Въ опроверженіе сего ученія мы утверждаемъ:

а) Что человѣческому духу невозмомно оставаться и пребывать въ состояніи неопредѣленности; его жизнь есть ходъ и непрестанная измѣняемость опредѣленныхъ мыслей ума и опредѣленныхъ чувствованій сердца. Уничтоженіе сихъ мыслей и чувствованій духа въ его дѣйствіяхъ есть насильственное прекращеніе его жизни. Сей законъ положенъ въ основаніе бытія его.

Въ благоговѣйномъ стремленіи духа къ Божеству сей законъ остается неизмѣняемымъ и — религія человѣка ни что иное есть, какъ совокупность благоговѣйныхъ и богобоязненныхъ мыслей и чувствованій. Высочайшее благочестіе Пророковъ и Апостоловъ не исключало сей опредѣленности и сей измѣняемости во внутреннихъ движеніяхъ.

Даже можно сказать, что для духа сотвореннаго вообще, сколько бы онъ, впрочемъ, ни былъ возвышенъ въ совершенствахъ своихъ, невозможенъ инаковой образъ дѣйствованія, другой законъ жизни, такъ какъ невозможно иначе объяснить стремленія и постояннаго возрастанія въ совершенствахъ, кои приписываются всякому духовному существу.

Но очевидно, что всякая мысль о Божествѣ, всякое чувствованіе, которымъ говоритъ сердце при помышленіяхъ о семъ высочайшемъ предметѣ, суть нѣчто опредѣленное, и всегда предполагаетъ что либо опредѣленное. Человѣкъ опредѣленнымъ образомъ взираетъ на Божество, и токмо подъ симъ условіемъ для него возможны мысли и чувствованія въ отношеніи къ Нему. Различныя чувства любви, благоговѣнія, упованія, надежды, радости, страха—требуютъ

необходимо различныхъ помысловъ и представленій о Божествѣ; слѣд. многоразличныхъ, положительныхъ утвержденій. Совершенное отрицаніе, уничтожая всякое конечное утвержденіе, противорѣчитъ существенному закону природы человѣческой; и дѣлаетъ невозможнымъ благоговѣйное стремленіе духа человѣческаго къ Божеству.

β) Человѣкъ имѣетъ нужду и священнѣйшую обязанность съ одной стороны самъ познавать и прославлять Бога; съ другой стороны и другихъ людей невѣдущихъ и заблуждающихъ руководствовать къ познанію и прославленію Его. Но повѣривъ отрицанію, для него не возможно ни первое, ни послѣднее. Когда онъ думаетъ познавать Бога: то познаетъ не Бога, а одни свойства и качества, совершенно Ему чуждыя, кои посему могутъ быть токмо отрицаемы. Итакъ въ разсужденіи Бога человѣкъ можетъ токмо лгать и обманывать самаго себя, принимать мечту за истину, и ложное представленіе ума за истинное бытіе. Онъ можетъ покланяться токмо невѣдомому Богу, не зная, что благоугодно Ему. Въ молитвенномъ возвышеніи духъ человѣческій можетъ возноситься токмо въ пустоту, въ страну невѣдомую, и возвращаться оттуда безъ всякаго плода, безъ всякаго существеннаго пріобрѣтенія. Руководя другихъ, онъ можетъ руководствовать не отъ заблужденія къ истинѣ, но отъ заблужденія къ заблужденію; невѣденіе замѣнять другимъ вящимъ невѣдѣніемъ, давая сему послѣднему лживо болѣе вѣроятный и правдоподобный видъ, и помогая ему укрѣпляться доказательствами, ничего не доказывающими, объясненіями, разсѣвающими мракъ собственно для того, чтобы дать мѣсто другому болѣе темному мраку. Вообще человѣкъ долженъ рѣшительно отказаться отъ малаго и великаго, отъ перваго и дальнѣйшаго познанія Божества. Онъ долженъ ограничиться испытаніемъ токмо того, что окружаетъ его, познаніемъ природы и конечнаго, и оставить суетную надежду возвыситься какимъ либо образомъ надъ природою, познать нѣчто большее и высшее, нежели онъ самъ. Его желаніе, надежда и вѣра—избавиться настоящаго вѣка лукаваго, прейти въ вѣчную жизнь, стяжать блаженное безсмертіе, по крайней мѣрѣ въ настоящей жизни, суть совершенная суета, обманъ и ложь: поелику онъ не знаетъ

ни Бога—Избавителя, ни Бога - насадителя вѣчной жизни и блаженства.

γ) Если бы отрицаніе было справедливо: то невозможно бы было положительное познаніе Божества. Невозможно бы было Богу изрещи слово о самомъ себѣ. Всякое откровеніе есть нѣчто опредѣленное, есть слово, внятное уму и сердцу человѣческому. Теперь если отрицать всякое конечное утвержденіе о Божествѣ: то необходимо надобно отрицать и всякій глаголъ Бога о себѣ самомъ, и тогда невозможна вѣра; а остается возможнымъ одно невѣріе; тогда напрасно небеса повѣдаютъ славу Божію; напрасно твореніе являетъ присносущную силу и Божество; суетенъ глаголъ Пророковъ и Апостоловъ; и гнѣвъ Божій на невѣденіе Израиля не имѣетъ истиннаго основанія.

δ) Совершенное отрицаніе утверждаетъ непобѣдимую противоположность между конечнымъ и Безконечнымъ, между познаніемъ и предметомъ познанія. Ибо въ такомъ только случаѣ мы можемъ отрицать все то объ одномъ, что принадлежитъ другому.

Такимъ образомъ когда мы находимъ, что бытіе и дѣйствительность есть принадлежность конечнаго міра, есть нѣчто удобомыслимое, постигаемое и утверждаемое разумомъ и всякимъ здравымъ человѣческимъ познаніемъ: то бывъ вѣрны отрицанію, по необходимости должны утверждать, что бытіе и дѣйствительность не можетъ быть принадлежностію Бога; должны утверждать; что Богъ есть не бытіе—ничтожество. Или если мы, по примѣру Ксенофана, бытіе и дѣйствительность перенесемъ на сторону Бога: то, соблюдая противоположность, мы должны лишить бытія и дѣйствительности какъ природу внѣ насъ находящуюся, такъ и самихъ себя, и почитать не болѣе, какъ признакомъ и тѣнію бытія, обманомъ чувства и воображенія, закоренѣлымъ предразсудкомъ человѣческимъ. Но можно ли какимъ либо образомъ оправдать сей образъ умствованія? Ежели же мы, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, допустимъ бытіе и дѣйствительность принадлежностію какъ конечнаго, такъ и Безконечнаго: то въ семъ и находимъ уже первый признакъ, который можетъ вопреки ревностнѣйшимъ усиліямъ отрицанія, заимствуя отъ одного, передавать другому; или

тоже, мы имѣемъ признакъ, который должны не отрицать, а приписывать вмѣстѣ какъ первому, такъ и послѣднему.

ε) Далѣе полагая бытіе и дѣйствительность конечнаго міра зависимыми, происходящими отъ Безконечнаго и состоящими подъ непрестаннымъ вліяніемъ Его всезиждущей силы—(и можемъ ли мы думать иначе? Можемъ ли доказывать независимость конечнаго отъ Безконечнаго? Полагая сіе) мы много имѣемъ случаевъ, конечныя утвержденія относить къ безконечному. Ибо если міръ получилъ бытіе отъ Бога; если сіе бытіе продолжается силою и дѣйствіемъ Бога; если порядокъ, устройство, гармонія есть дѣйствіе силы Божественной, вообще, если Безконечное сообщаетъ что либо конечному: то по всей справедливости мы можемъ собирать сіи черты и относить ихъ къ своему источнику. Но что имѣютъ всѣ возможныя и дѣйствительныя твари, чувственныя и духовныя, благородныя и благороднѣйшія, съ большими и меньшими совершенствами; что имѣютъ они собственно имъ принадлежащаго, чего бы они не получили отъ Бога? *Что же имаши, Его же неси пріялъ?* Всѣ онѣ суть не болѣе какъ движущіяся твари, имѣющія нужду въ непрестанномъ притокѣ жизни отъ Бога, въ Его питаніи. Итакъ все, что имѣютъ онѣ (конечныя твари), принадлежитъ не имъ, но Богу, Существу создавшему ихъ и утвердившему на нихъ лице свое. Итакъ все, что имѣютъ конечныя твари должно быть не отрицаемо, но приписываемо единому Богу; иначе все сіе никому принадлежать не будетъ и никому не можетъ быть приписано.

Итакъ, если мы назовемъ Бога всемогущимъ Творцемъ всего, премудрымъ устроителемъ порядка, красоты и совершенства; насадителемъ духа, разума и свободы; всему опредѣляющимъ число, вѣсъ и мѣру; вѣтрамъ и дождю показующимъ путь, и волнамъ моря полагающимъ предѣлъ; вообще, если мы назовемъ Его такъ, какъ именуетъ Его наше Божественное Откровеніе: то очевидно скажемъ нѣчто конечное и отъ конечнаго міра заимствуемое, нѣчто удобомыслимое, опредѣляемое разумомъ; впрочемъ, поелику сіе конечное (которому, говоря справедливо, трудно положить конецъ) болѣе никому не можетъ принадлежать кромѣ Без-

конечнаго,—никакъ отрицаемо и отдѣляемо отъ него быть не можетъ.

ζ) Если отрицаніе ограничивается отрѣшеніемъ одного чувственнаго и матеріальнаго, слагаемаго и различаемаго, заключеннаго въ предѣлахъ времени и пространства, мы можемъ съ нимъ согласиться, и признать его справедливымъ. Но мы никакъ не можемъ отказаться отъ того утвержденія, по коему признаемъ Бога духомъ высочайшимъ и всезиждущимъ. Ибо съ одной стороны не можемъ изгладить слѣдовъ премудрости и разума, повсюду являемыхъ въ мірѣ; съ другой стороны совершенно знаемъ, что безъ свободы невозможно никакое конечное бытіе.

Ученіе о Категоріяхъ.

Пересматривая системы предшествовавшихъ мыслителей, мы не видимъ строгаго выведенія самыхъ общихъ понятій и самыхъ общихъ признаковъ или предикатовъ вещей, которые подлежатъ разсмотрѣнію Онтологіи. Въ этомъ родѣ были опыты замѣчательнѣе другихъ—Аристотеля, Канта и Гегеля. Кантъ справедливо находилъ недостатки въ таблицѣ категорій Аристотеля, находилъ въ ней примѣшеніе инородныхъ понятій, также сходство и подчиненіе между категоріями поставленными розно, отдѣльно другъ отъ друга. Вотъ категоріи Аристотеля: субстанція, качество, количество, отношеніе, дѣйствованіе, страданіе, мѣсто, время, положеніе, внѣшнее и внутреннее отношеніе вещей—(ἕξις—habitus), отношеніе внутреннихъ свойствъ, въ дѣйствительномъ бытіи уже утвердившихся. Кантъ въ этой таблицѣ категорій Аристотеля находилъ недостаточнымъ то, что вмѣстѣ съ чистыми преждеопытными понятіями, принадлежащими собственно мышленію, смѣшиваются чистыя формы пространства и времени—мѣсто и время, т. е. когда? и гдѣ? Въ Онтологіи этотъ недостатокъ не можетъ быть значителенъ. Онтологія имѣетъ въ виду и то и другое—и категоріи чистаго мышленія и чистыя формы пространства и времени. Какъ первыя выражаютъ признаки вещей, такъ и пространство и время суть ихъ формы. Но въ томъ дѣйствительно открывается не-

---

*) Во второмъ выпускѣ напечатана была Онтологія Ѳ. А. Голубинскаго въ краткой редакціи протоіерея В. Г. Назаревскаго. Въ настоящемъ въ дополненіе къ напечатанному, предлагается изъ его же подробной, но, къ сожалѣнію, разрозненной, второй редакціи Онтологіи ученіе о Категоріяхъ, какъ регулятивныхъ началахъ дѣятельности разума. Встрѣчающіеся здѣсь, но неразрушающіе цѣлостности трактата пропуски будутъ означены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ многоточіями. *Ред.*

достатокъ, что нѣкоторыя изъ категорій, такъ сходны между собою, что однѣ въ другихъ могутъ включаться. Напримѣръ дѣйствованіе и страданіе суть частныя понятія, подходящія подъ понятіе отношенія; situs et habitus, situs, какъ положеніе вещи въ ряду другихъ вещей имѣетъ общую часть съ формою пространства; habitus—ἕξις, какъ внутренній характеръ, свойство вещи, есть подчиненное свойство понятія качества (ποιον). Нельзя также и того сказать, чтобы эта таблица была совершенно полна. Есть дѣйствительно разность между общими понятіями возможнаго, дѣйствительно сущаго и необходимаго. У Аристотеля же ничего объ нихъ несказано.

Однако долгое время этотъ распорядокъ общихъ понятій и вмѣстѣ признаковъ вещей господствовалъ въ Философіи; въ средніе вѣка онъ служилъ главнымъ руководителемъ размышленій обо всѣхъ предметахъ: о Богѣ, умѣ человѣческомъ, душѣ, мірѣ, всѣ разсужденія строились по плану Аристотелевыхъ категорій. Въ послѣдующія времена, хотя и были нѣкоторыя покушенія выведенія всеобщихъ понятій: но онѣ малозначительны. Значительнѣе другихъ таблица категорій Канта. Въ ней есть и основаніе дѣленія, почему полагается четыре главныхъ категоріи, и на каждую по три частныхъ, всего двѣнадцать; основаніе заимствовано изъ разсмотрѣнія сужденій. Въ сужденіяхъ главнымъ образомъ выражается дѣйствованіе мышленія, а сужденій четыре главныхъ вида. Обыкновенно сужденія раздѣляются и должны раздѣляться, какъ показалъ Кантъ, или по *качеству*: на утвердительныя, отрицательныя и ограничительныя, или по *количеству*: на всеобщія, частныя и единичныя, или по *взаимному отношенію* предметовъ—на категорическія, условныя и раздѣлительныя, или по такъ называемой *модальности* *), сужденія дѣлятся на проблематическія, assertoria—положи-

*) Слово *модальность* взято Кантомъ изъ среднихъ вѣковъ; оно у Канта означаетъ отношеніе предметовъ къ нашему духу. Господствующихъ отношеній между вещами два: есть отношеніе предметовъ къ самимъ себѣ и есть отношеніе ихъ къ нашимъ представленіямъ первое relatio, второе—modalitas.

тельныя—утвердительныя и аподиктическія. Вотъ главные роды сужденій; а въ сужденіяхъ вообще выражается дѣятельность нашего мышленія. Выше сужденій умозаключенія. Но въ умозаключеніяхъ повторяются тѣ же формулы; формы категоріи отношенія служатъ основаніемъ дѣленія умазаключеній. Далѣе при образованіи Логики Кантъ и его послѣдователи и понятія дѣлили по этимъ 4-мъ категоріямъ. Какъ для сужденій, и слѣдовательно вообще для мышленія главныя формы, или точнѣе — категоріи, эти 12-ть: такъ онѣ суть и всеобщія формы бытія.

Конечно, Кантъ не усвоилъ имъ предлежательной дѣйствительности; нѣкоторые ученики его покушались на это, а онъ оставался при томъ главномъ рѣшеніи вопроса, что сущность вещей не можетъ быть постигнута, что такое вещи сами въ себѣ, этого мы не знаемъ, а знаемъ только, что для нашего мышленія необходимые и всеобщіе законы — эти законы: для ощущенія и чувствованія формы пространства и времени, а для мышленія эти 4 категоріи съ подраздѣльными своими категоріями. Впрочемъ, видно, что основаніе дѣленія содержится не въ сличеніи самыхъ общихъ этихъ понятій другъ съ другомъ, не въ выведеніи одного изъ другаго, но въ опытномъ усмотрѣніи разныхъ видовъ сужденій, какіе доселѣ открыты были въ Логикѣ. Но какъ относится одна категорія къ другой и почему ихъ не болѣе этого числа, Кантъ не могъ доказать. Почему въ такомъ порядкѣ должны быть представляемы, сперва категорія количества, потомъ категорія качества, далѣе категорія отношенія, и наконецъ категорія модальности, этого нельзя объяснить. Можно было гораздо стройнѣе расположить 4 эти категоріи; ставить категорію качества прежде категоріи количества, а категорію бытія прежде всего. Впрочемъ, категорію модальности Кантъ называлъ категоріею бытія. По его объясненію эта категорія отношенія вещей къ нашимъ представленіямъ. Объясненіе недостаточное. Хотя бы и насъ не было, вовсе не было представленія о вещахъ: но дѣйствительно сущее существовало бы, необходимое существо также существовало бы. Дѣйствительное и необходимое бытіе не есть только выраженіе того, какъ дѣйствуютъ предметы на

представленія; это уже слѣдствіе дѣйствительно существующаго, что оно дѣйствуетъ на наши представленія. А если бы и насъ не было, не смотря на то оно существовало бы, такъ какъ существовалъ необходимо отъ вѣка Богъ, когда міра не было, когда представленій не было. Объясненіе модальности отношеніемъ предметовъ къ нашимъ представленіямъ неудовлетворительно у Канта.

Но нельзя поручиться и за полноту, чтобы въ этихъ 12-ти всеобщихъ понятіяхъ выражены были всѣ самыя общія понятія о вещахъ; въ этомъ уступалъ и самъ Кантъ, когда счелъ нужнымъ придумать еще новыя другіе conceptus reflexionis,—также прежде опытныя понятія — углубленія въ свойства вещей. Здѣсь онъ принялъ 8 новыхъ общихъ чистыхъ понятій, которыхъ выведеніе неудовлетворительно: *тожество и различіе*, *согласіе и несогласіе*, *внутреннее и внѣшнее*, *матерію и форму*. Видно по исторіи философской, что это точно важныя положенія, важныя какъ въ Логикѣ, такъ и Метафизикѣ. Но почему онѣ въ отдѣльномъ мѣстѣ какъ conceptus reflexionis выведены, этого невидно, хотя и усиливался Кантъ выводить ихъ по приложенію, къ даннымъ — выведеннымъ категоріямъ, что понятіе согласія и несогласія относится къ категоріи количества, понятіе тожества и несходства относится къ категоріи качества, понятія внутренняго и внѣшняго—къ категоріи отношенія; понятіе матеріи и формы къ категоріи модальности,—хотя Кантъ и наводилъ это; но наведеніе натяжно.

Вотъ еще послѣдній, наиболѣе извѣстный и прославляемый опытъ выведенія категорій въ системѣ Гегеля. Но и имъ нельзя удовлетвориться. Гегель заботился о томъ, чтобы его выведеніе общихъ понятій и категорій было отчетливо. Даетъ онъ отчетъ въ методѣ и держится методы, чтобы открывать въ каждомъ понятіи противоположные моменты, разлагать ихъ на противоположные же моменты, показывать ихъ противоположности—борьбу, но удерживаетъ вседа понятіе, что онѣ тожественны, противоположность ихъ только мнимая, и потомъ изъ ихъ борьбы выводить нѣчто новое—третіе понятіе, которое должно опять разлагать на противоположные его элементы, или, какъ онъ выразился, моменты, и такимъ образомъ дойти отъ самыхъ отвлеченныхъ, ненаполненныхъ,

пустыхъ, чистыхъ, ничѣмъ неопредѣленныхъ понятій до понятій полныхъ и въ заключеніе до понятія все вмѣщающаго, все объемлющаго—абсолютной идеи, абсолютной субстанціи;—даетъ отчетъ и въ методѣ, и методу выдерживаетъ, замѣчаетъ недостатки у предшествовавшихъ въ выведеніи общихъ понятій.

Но въ самомъ его выведеніи главный его недостатокъ тотъ, что въ слѣдствіяхъ—производится болѣе, нежели содержится въ основаніяхъ. Основаніе самое ненаполненное, неопредѣленное—бытіе и ничто (seyn и nichts); изъ этого самаго общаго, отвлеченнаго, ненаполненнаго понятія покушался Гегель вывести другія, часъ отъ часу наполняющіяся понятія и наконецъ самое полное—идею Абсолютной Субстанціи. Какъ влагается въ ненаполненное, пустое нѣчто новое? Неоднократно мы видѣли у Гегеля, что изъ предшествующаго не вытекаетъ послѣдующее, а произвольно оно влагается, вносится. Другой существенный недостатокъ его системы, часто повторяющійся,—тотъ, что противорѣчія считаетъ тожественными и неразрывно между собою связанными. Въ самой первой категоріи, гдѣ онъ объясняетъ initium—начало и открываетъ общія, самыя неопредѣленныя понятія—*бытіе* и *ничто*, онъ говоритъ, что бытіе и ничто тожественны, и потомъ это повторяетъ при каждой категоріи, и находитъ тожественность въ противоположныхъ моментахъ, хотя бы это было цѣлое и части, хотя безконечное и конечное, хотя бы неизмѣняемое и измѣняемое, во всемъ думаетъ видѣть тожество, противоположности только кажущіяся, и притомъ все признаетъ неразрывно связаннымъ. Это предположеніе примѣняетъ онъ къ дѣйствительно существующему—безконечному и конечному, Богу и міру, и предполагаетъ тожество Абсолютнаго—Безусловнаго—Бога и вещей конечныхъ,—тожество, неразрывный союзъ, связь. Это второй недостатокъ. Третій недостатокъ въ самомъ понятіи рожденія (γενεσις) понятій. У прежнихъ философовъ—Аристотеля, Канта и другихъ, занимавшихся выведеніемъ понятій, точно есть множественность, нѣтъ того, что бы все было выведено изъ единаго начала; у нихъ невыведеніе, а подлѣ—положеніе, подлѣ—поставленіе. Гегель хотѣлъ этого избѣгнуть, для него необходимый характеръ философій, какъ онъ выражался, *монизмъ*—

единство мысли; надобно, говоритъ онъ, изъ одного выводить все. Но въ выведеніи категорій не видно того, почему послѣдующее вытекаетъ изъ предшествующаго. Это замѣтили мы прежде; напр. почему понятіе силы и явленія силы выведено изъ понятія цѣлаго и частей, тутъ не видно правильнаго вывода, или: почему понятіе цѣлаго и частей выведено изъ понятія основанія и основаемаго на немъ, не такъ, какъ у прежнихъ; понятія единаго и многаго — изъ категоріи количества, основанія этого не видно. На чемъ основываются опять разныя предполагаемыя имъ степени бытія, которое онъ представляетъ въ 4 градусахъ, отличаетъ и просто seyn и потомъ daseyn, а тамъ existentia, еще далѣе existentia realis, какая была необходимость именно эти 4 степени приводить, открывать въ бытіи, недоказано. У прежнихъ философовъ было строже понятіе бытія возможнаго, дѣйствительнаго, необходимаго; постепенность строже была различаема; возможное только не заключаетъ въ себѣ противорѣчія, т. е. и въ представленіи понятія, и въ немъ, внутри, въ его сущности, силахъ нѣтъ противорѣчія, даны согласныя условія для произведенія дѣйствительнаго бытія, непротиворѣчущія другъ другу. Потомъ дѣйствительное бытіе, въ чемъ возможность проявляется—manifestatio essentiae, manifestatio, quod est possibile.—Далѣе необходимо такое бытіе, которому не быть нельзя. Тутъ отчетливѣе выдержано различеніе степеней бытія. Здѣсь же различіе не удержано ясно. Между тѣмъ обѣщается такое построеніе, выведеніе всеобщихъ понятій, гдѣ вытекаетъ послѣдующее изъ предыдущаго, гдѣ слѣд. ежели одинъ членъ этаго не твердъ, и все зданіе непрочно. А тутъ нѣсколько членовъ ряда неправильно выведено.

Еще посмотримъ на одинъ опытъ, въ недавнее время сдѣланный—выведеніе категорій у одного католическаго мыслителя Штаубенмауера, къ чести котораго то должно сказать, что онъ вообще старался примирить философію съ религіею, съ ученіемъ отцевъ Церкви и въ такомъ духѣ написалъ книгу: *Ученіе о идеѣ*, гдѣ исторически изложено, какъ ученіе объ идеѣ въ отношеніи къ Богу, въ отношеніи къ міру, въ отношеніи къ Слову—Сыну Божію развивалось во всѣ времена до нынѣ; у него есть и догматическое собственное развитіе идей и категорій.

Нужно, говоритъ онъ, различать положительное для нашихъ познаній, опытомъ доставляемое, и другое, безъ чего это опытное не могло бы произвести нашихъ познаній, — преждеопытные законы духа. Преждеопытное можно называть отрицательнымъ по отношенію къ положительному. Это означеніе произвольное. Словомъ отрицательное онъ хотѣлъ замѣнить понятіе отвлеченнаго. Преждеопытное называемъ отрицательнымъ потому, что въ самыхъ вещахъ и предметахъ въ опытѣ не увидимъ, что на самомъ дѣлѣ—въ конкретномъ бытіи: общаго чего нибудь, причины или субстанціи; а общее связано съ особеннымъ въ мысляхъ нашихъ. Это общее отвлекается, потому называется отрицательнымъ. Когда сдѣлаемъ отвлеченіе отъ всего въ дѣйствительномъ мірѣ, остается предъ нашимъ взоромъ пустая форма, какъ бы пустое мѣсто (Τόπος), какъ бы безъ содержанія очеркъ міра; впрочемъ, и эта пустая форма должна же имѣть сходство съ тѣмъ, чѣмъ она наполнена, д. б. въ ней порядокъ мысленный. Какъ тѣнь зданія представляетъ видъ, расположеніе такое, какое у зданія, очертаніе, фигуру; такъ отвлеченное должно имѣть сходство съ тѣмъ, что его наполняетъ. Такъ самъ въ себѣ ненаполненный, не представляющій жизни планъ, очертаніе живаго дѣйствительнаго міра, и составляютъ преждеопытныя, чистыя истины, самыя общія понятія, вѣчныя и неизмѣняемыя формы, которыя выражаются въ области дѣйствительнаго, живаго;—эти всеобщія формы—категоріи—суть законы дѣйствительнаго міра, равно какъ и законы человѣческаго познанія; въ нихъ заключается внутренняя связь цѣлаго съ частями, единаго съ многоразличіемъ, такъ что онѣ представляютъ какъ бы въ тѣни образъ живаго, органическаго міра.

Выведеніе категорій представляетъ много затрудненій, потому и доселѣ не видимъ согласія у философовъ касательно сего предмета; дѣйствительно въ опытѣ свобода, произволъ; трудно изъ свободнаго извлечь необходимое. Нужно продолжительное и весьма изощренное мышленіе, чтобы открыть это необходимое въ свободномъ расположеніи и устроеніи міра; (въ свободномъ не разумѣетъ онъ совершеннаго отрѣшенія, развязанности отъ законовъ, а только то разумѣетъ, что въ мірѣ существенное и необходимое прикрыто случайностію, повсемѣстное находимъ совмѣщеніе, сопряженіе случайнаго съ суще-

ственнымъ и необходимымъ.) А чтобы доказать что изъ этого свободнаго положенія міра дѣйствительно необходимое извлекается, надобно доказать, что оно точно постоянно въ порядкѣ міра однообразно повторяется, какъ законъ постоянный. Потому философы и въ опредѣленіи числа категорій и въ опредѣленіи послѣдовательности одной за другою доселѣ не были согласны.

Конечно, всего лучше можно бы было опредѣлить число и порядокъ понятій, ежели бы въ нашихъ мысляхъ могло повториться мышленіе Божественное, если бы въ самихъ себѣ воспроизвели вѣчныя формы Божественной мысли о мірѣ; онѣ и были бы категоріями, въ которыхъ содержатся всѣ свойства, всѣ признаки вещей. Но это и составляетъ труднѣйшую задачу, такъ что и до сихъ поръ остается истиннымъ слово одного писателя: истина въ Богѣ, намъ предоставлено исканіе ея. Основаніе міра въ Богѣ одно—Его идея о мірѣ, идея о жизни всего, идея, въ которой Онъ положилъ бытіе всѣхъ вещей; она законъ всему; въ Богѣ и мышленіе и хотѣніе и приведеніе въ бытіе всего существующагоесть одно и тоже; мышленіе и хотѣніе о мірѣ нераздѣльны, равновѣчны; приведеніе въ бытіе отъ хотѣнія зависитъ. Категоріи не иное что, какъ относительное опредѣленіе идей. Какъ Богъ въ идеѣ о мірѣ зритъ бытіе его: такъ видитъ Онъ мыслію своею бытіе и жизнь всѣхъ вещей; воспроизведеніе мысли Божественной объ отношеніи вещей было бы въ насъ основаніемъ категорій. Какъ въ Богѣ есть мысль о конечномъ и его отношеніи: такъ и въ нашихъ категоріяхъ — относительное опредѣленіе идей Божественныхъ о предметахъ конечныхъ. Здѣсь въ самомъ началѣ Штаубенмауеръ противополагаетъ свое изложеніе изложенію новѣйшихъ системъ, по которымъ категоріи прилагаются ко всему—и къ конечному и къ безконечному. Богъ есть первоначальный источникъ идей, но не смѣемъ называть Его идеею идей, или прототипомъ міра; мысль Его есть первообразъ міра, но Онъ Самъ не находится въ такомъ необходимомъ отношеніи къ міру, какъ первообразъ къ образу; Онъ выше міра. Нужно удерживать это различіе при ученіи о категоріяхъ, дабы избѣгнуть опасности пантеизма, въ которомъ категоріи переносятся на самую Божественную жизнь и на отношеніе Божества къ міру, такъ

что Божество представляется по отношенію къ міру, какъ единое по отношенію къ многому, какъ всеобщее по отношенію къ особенному, какъ сущность по отношенію къ проявленію, какъ субстанція — къ своимъ случайностямъ, какъ содержаніе къ формѣ. Такъ категоріи суть относительное опредѣленіе идей Божественныхъ о мірѣ и прилагаются ко всѣмъ моментамъ бытія конечныхъ вещей, относятся ко всѣмъ степенямъ и формамъ ихъ жизни.

Надобно различать первоначальныя и производныя категоріи. Первоначальныя категоріи—это двѣ категоріи: — положенія жизни и категорія положенія средствъ и условій жизни, необходимыхъ для развитія и довершенія жизни. Во всѣхъ существахъ, кромѣ Бога, необходимо различать положеніе бытія, развитіе бытія, довершеніе бытія, — все это зависитъ отъ Творческой Силы Божества; Оно и полагаетъ бытіе — всѣ прочія существа, Оно и сохраняетъ ихъ, поддерживая тѣ средства и условія, при какихъ бытіе существъ возможно. Что полагаетъ Богъ въ бытіе, то должно и развиваться, и въ этомъ зависитъ отъ Божества. Цѣль развитія бытія не иная какая быть можетъ, какъ осуществленіе идеи Божіей; въ развитіи конечныя вещи имѣютъ основаніемъ своимъ Божіе сохраненіе, Божіе Промышленіе о вещахъ. Божіе дѣйствованіе на міръ — вотъ первоначальная форма, первоначальная категорія, подъ которою возможна жизнь міра. Это у него первоначальная категорія — категорія бытія и необходимыхъ къ тому средствъ и условій. Но она не иначе могла быть представлена, какъ въ зависимости отъ силы дѣйствованія Божественнаго, сохраненія и промышленія Божественнаго. Штаубенмауеръ называетъ категоріи относительными понятіями идеи Божіей о всемъ сущемъ. Идея Божія и есть истинное бытіе, такое бытіе, которое совершенно соотвѣтствуетъ Божіему мышленію и хотѣнію; какъ истинное бытіе она содержитъ въ себѣ истинные законы всего сущаго, она есть законъ бытія, по которому опредѣляется его совершенство, она есть первообразъ или образецъ, коимъ опредѣляется внутренняя сущность всякой вещи; сама же она опредѣляется своимъ Виновникомъ — Божествомъ, составляя порожденіе Его мысли. Что согласно съ внутреннею сущностію онаго, то и истинно; въ порядкѣ

вещей, то и составляетъ внутреннюю сущность, что согласно съ идеею Божіею. Потому-то идея Божія и есть совершенно истинное,—внутренняя истина всего сущаго, законъ сущаго, образецъ бытія и развитія бытія вещей, т. е. тѣхъ условій, при которыхъ бытіе и жизнь существъ раскрываются и усовершаются. Потому-то и въ категоріяхъ первоначальныя категоріи тѣ, кои касаются самаго бытія вещей и жизни вещей и того главнаго условія, при которомъ бытіе и жизнь вещей раскрываются и довершаются. А это условіе сокрыто въ Богѣ, въ Божіемъ сохраненіи и поддержаніи бытія, промышленіи о мірѣ—вотъ единственно великая форма дѣйствованія Божія на міръ, посредствомъ котораго бытіе раскрывается и приводится къ цѣли.—Это первая категорія бытія. Къ ней относятся категоріи количества, качества и отношенія.

Съ первоначальною идеею бытія согласно понятіе субстанціи, *ουσια*. Здѣсь есть бытіе въ самомъ себѣ, не внѣ себя, начало бытія внутри, въ немъ заключается и законъ дѣятельности и цѣль дѣятельности въ этомъ началѣ бытія. Итакъ къ первой категоріи относится понятіе субстанціи. Далѣе надо отличать ея подчиненныя категоріи количества, качества и отношенія. Въ раздробленіи ихъ на частныя категоріи видны и новыя мысли, и видна множественность, особенно для категоріи отношенія. По категоріи количества бытіе носитъ на себѣ опредѣленія величины, числа, мѣры; такъ какъ Богъ все создалъ по мѣрѣ, числу и вѣсу. Величина — такое свойство бытія, по которому есть въ бытіи множественность, разнообразіе. Величина различается на разные виды, смотря по предметамъ, къ которымъ она прилагается. Если то, что величиною измѣряется, наполняетъ пространство, то и величина называется протяженною (extensiva quantitas, seu magnitudo extensiva). Если бытіе наполняетъ время, то величина называется (extensiva)—внутреннею, которая видоизмѣняется или возрастаетъ въ силѣ, или умаляясь, оскудѣваетъ въ силѣ. Сюда должно отнести величину продолженія (protensiva), по которой измѣряемъ пространство и время. Величина различается смотря и потому, будетъ ли предметомъ ея тѣлесное—сложное, или простое—духовное. Ежели субстанціальное бытіе есть тѣлесное: то можно приписывать ему величину intensivam и extensivam;

оно наполняетъ собою и пространство и время; какъ пополняющее собою пространство, имѣетъ величину extensivam, а какъ наполняющее время своею силою и дѣятельностію, имѣетъ величину extensivam, иначе сказать динамическую величину. Quantitas duplex est, какъ замѣтилъ еще прежде Ѳома Аквинатъ, scilicet molis et virtutis — (динамическая величина). Такъ духовная величина всегда есть величина силы и дѣятельности, — динамическая; и въ динамической величинѣ есть различіе, разность степеней силы, разность приложенія силы къ различнымъ предметамъ. Когда величина относится къ чистому пространству и чистому времени, она въ этомъ разумѣніи есть математическая, формальная величина. Когда пространство и время наполнены, то и величина будетъ физическая, или матеріальная. По связи вещей, по связи частей величины между собою, величина бываетъ или непрерывною, или прерванною (continuata et discreta). — Когда сія категорія величины прилагается къ Существу Безконечному: то должно разумѣть сіе только о величинѣ Божіей Силы, которая для нашего конечнаго духа совершенно неопредѣлима. Quantitas in Deo non est quantitas spatii, sed tantum quantitas virtutis. Далѣе къ категоріи количества относится категорія числа. Схема величины есть число; потому что всякій предметъ, наполняющій пространство и время, опредѣляемъ ли мы измѣряя величину его, опредѣляется посредствомъ числа. Измѣрять величину предмета и опредѣлять число его — одно и тоже. Величину опредѣляемъ мы посредствомъ числа. Итакъ понятіе числа важнѣе, нежели понятіе величины, одно другимъ опредѣляется. Отысканная величина вещи есть число ея. Опредѣленіе числа дано уже Эвклидомъ, который сказалъ, что число есть множество, изъ единицъ составленное. Когда прилагается единица къ единицѣ, когда единица повторяется, изъ этого образуется число, такъ что опредѣленное какимъ нибудь образомъ число есть повторенная единица. Самая же единица, по всеобщему согласію философовъ, не въ числѣ числъ, но она прежде ихъ, она начало числъ ἀρχὴ τῶν ἀριθμῶν. Двойственностію начинается число: binarius numerus est principium numerorum. Это математическія опредѣленія числа! Впрочемъ,

есть и приложеніе числа къ жизни. — Для каждаго конечнаго существа, для каждаго царства изъ сферы существъ, есть коренное число, число числъ, родовъ, видовъ недѣлимыхъ. Всякое физическое бытіе, всякая физическая сила существуетъ, дѣйствуетъ, движется по числу, какое врождено ей отъ Творца. — Вмѣстѣ съ идеею какого нибудь существа, съ идеею живаго чего нибудь, силы, въ немъ содержащейся, законовъ ея движенія, дано число такому существу, по которому оно существуетъ и дѣйствуетъ. Не безъ основанія древніе называли число σωφοτατον των ονταων мудрѣйшимъ въ вещахъ. Пиѳагорейцы же называли числа началами вещей, жизни вещей. —

Такъ какъ въ числахъ повторяется единица, различно сопрягается ихъ множественность, сосредоточивается, въ единство опять приводится, и единица даетъ главное направленіе движенію, главный тонъ въ звукахъ: то единица и есть основаніе всякаго согласія, всякой гармоніи. Въ этомъ смыслѣ Августинъ въ книгѣ своей de libero arbitrio, такъ выражается о числѣ: посмотри на небо, на землю, море и все, что въ нихъ и надъ ними: всѣ существа летающія, плавающія, движущіяся какимъ нибудь образомъ, имѣютъ свою форму отъ того, что имѣютъ свое число; отними число, онѣ будутъ ничто. Отъ кого же сія форма существуетъ, какъ не отъ Того, отъ котораго и сотворено бытіе вещей, потомъ тѣ признаки вещей, по коимъ врождено имъ число. И сотворенные земные художники, какія бы ни производили, ни вымышляли, ни образовали тѣлесныя формы въ художествѣ своемъ, всегда предполагаютъ число, по которому образуютъ свои произведенія. Да и самое ихъ физическое дѣйствованіе руками, орудіями не иначе совершается, какъ по числу, живущему во внутренности ихъ. Числомъ опредѣляются возможное совершенство художественнаго произведенія; отъ того представляется прекраснымъ внѣшнему или внутреннему чувству, что держится числомъ, и внутреннее чувство, открывая правильность числа, даетъ вѣрное сужденіе о красотѣ. Разсмотри красоту благообразнаго тѣла, ты найдешь, что красота его есть ничто иное, какъ число, въ пространствѣ задержанное; разсмотри красоту тѣлесную въ движеніи, она явится тебѣ въ числѣ, движущемся во вре-

мени. Что касается до самаго искусства, изъ котораго происходитъ самое произведеніе искуства, оно выше времени и пространства; нельзя сказать, оно здѣсь; но и оно содержится числомъ, которое оживляется въ произведеніяхъ искуства. Число само въ основаніи своемъ выше области пространства, выше состарѣнія; хотя дѣйствія его являются въ пространствѣ и времени.

Къ категоріи количества относится мѣра. Опредѣленное количество бытія, такая форма, въ которой и которою количество опредѣляется. Mensura est illud говоритъ Ѳома Аквинатъ, per quod cognoscitur quantitas rei,—то, что мѣрою опредѣляется, для этой мѣры неразнственно, т, е. качество предмета, опредѣляемаго мѣрою, не входитъ въ расчетъ при измѣреніи; одно, что здѣсь требуется, есть то, чтобы содержаніе составляло количество непрерывное, непрерывно простирающееся. Мѣра бываетъ и внутренняя и внѣшняя. Всякое существо рождается и развиваетъ свою жизнь въ опредѣленномъ количествѣ, содержитъ въ себѣ внутреннюю мѣру, прирожденную ему, которая въ идеѣ того существа заключается. Но есть и внѣшняя мѣра, прилагаемая отвнѣ къ вещамъ, мѣра произвольная. Такъ измѣряемъ линіею, произвольно опредѣленною и утвержденною, пространство, время—временемъ, которому произвольно опредѣлено продолженіе, которое представляемъ себѣ, какъ постоянную единицу въ отношеніи къ тѣмъ частнымъ временамъ или пространствамъ, къ которымъ прилагается.

По категоріи качества бытіе субстанціальное, соотвѣтствующее идеѣ, имѣетъ новыя ограниченія или опредѣленія. 1) Опредѣленія качества, ограниченности, далѣе отрицанія, различія и тожества. Бытіе субстанціальное, когда представляемъ не пустымъ, но наполненнымъ, въ этомъ наполненіи должно имѣть свойства, составляющія его сущность; въ такихъ свойствахъ оно непрестанно и поддерживаетъ само себя въ своей сущности, а не случайныхъ, свойствахъ и пребываетъ одинаково съ самимъ собою, утверждаетъ само себя. Эти свойства составляютъ его утвержденіе, и посредствомъ такого утвержденія свойствъ существенныхъ предметъ отдѣляется, отличается отъ другихъ. Здѣсь мы переходимъ къ отрицанію и ограниченію вещей. Когда уже суб-

станціальное бытіе посредствомъ своихъ внутреннихъ качествъ опредѣляется, такъ что отличается ими отъ всего прочаго: то симъ самимъ исключаетъ отъ себя, отрицаетъ другія свойства, ему неприличествующія. Omnis negatio fundatur in aliqua affirmatione, говоритъ Ѳома Аквинатъ, negatio dicitur, quando res non habet aliquid, quod alterum habet. Такимъ образомъ бытіе субстанціальное, поставленное въ отношеніе къ другому бытію, имѣетъ свои качества, не имѣетъ качествъ, принадлежащихъ другому. Это уже и есть причина ограниченности—defectus realilatis. Существо старается раскрывать себя, какъ можно, обширнѣе, но ограничивается свойствами другихъ существъ, не имѣетъ того, что имъ принадлежитъ. Такимъ образомъ утвержденіе и положеніе соединяются въ немъ съ отрицаніемъ, а это и есть ограниченіе. Оно не теряетъ въ своей самостоятельности своихъ качествъ,—въ томъ состоитъ положительная его сторона: но оно отличается и отъ субстанціальнаго бытія другихъ предметовъ, не имѣетъ того, что имъ принадлежитъ, въ этомъ состоитъ отрицаніе соединенное съ положеніемъ и есть ограниченность.—Къ категоріи качества относится разность—различіе и тожество. Поколику субстаціальное бытіе, удерживая въ своей самостоятельности свои качества, ограничивается другимъ, не имѣетъ того, что въ другомъ, потолику представляетъ намъ свое различіе отъ другихъ существъ, различіе существенное, всегда ему принадлежащее—неотъемлемое. Сюда относится различіе родовъ и видовъ qenerica et specifica differentia, по коему роды и виды одни отъ другихъ отличаются; напр. человѣкъ отъ животнаго отличается разумомъ и свободою. Но бываетъ различіе существъ одного и тогоже рода; это различіе индивидуальное (numerica) численное; въ нравственныхъ существахъ нравственное, и оно можетъ быть постояннымъ, можетъ быть и случайнымъ. Различію противоположно тожество. Сначала посмотримъ на тожество въ понятіяхъ. Тожественными называются два понятія, имѣющія одинаковое содержаніе и одинаковые признаки. Но тутъ слѣдуетъ вопросъ: что соотвѣтствуетъ понятіямъ, дѣйствительно ли это есть, или нѣтъ? въ самой области творенія есть ли дѣйствительно два существа, которыя имѣли бы одинаковое содержаніе и совершенно оди-

наковыя признаки? На это должно отвѣтить отрицательно. Такого бытія двухъ существъ въ самой дѣйствительности, въ самомъ мірѣ, коимъ бы принадлежало одинаковое содержаніе, совершенно одинаковые признаки, нѣтъ; что и выражается in principio indescernibilium seu identistatis indescernibilium. Но хотя и нѣтъ полнаго и совершеннаго тожества между двумя существами; есть однако относительное тожество, иначе сказать, сходство. Отрѣшенное, абсолютное тожество только въ одной вещи находится; одна вещь—совершенно равная сама съ собою представляетъ примѣръ абсолютнаго тожества. Но въ двухъ или многихъ вещахъ можетъ быть тожество только относительное, или сходство, сродство. Это категорія качества.

Далѣе о категоріи отношенія.—Здѣсь уже невидно строгаго выведенія, и представляется сборъ многихъ общихъ понятій. По категоріи отношенія принадлежатъ субстанціальному бытію опредѣленія сущности и явленія, субстанціи и случайныхъ принадлежностей, внутренняго и внѣшняго, содержанія и формы, причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія, безконечнаго и конечнаго, возможнаго, дѣйствительнаго и необходимаго, пространства и времени, силы, дѣйствія и цѣли, единаго, множественности и всесовокупности, рода, вида и недѣлимаго. Отношеніе можно представить себѣ въ разныхъ видахъ: такъ какъ субстанціальное бытіе и въ самомъ себѣ заключаетъ кругъ относительныхъ опредѣленій его: то есть отношеніе и къ самому себѣ; далѣе есть отношеніе къ другимъ существамъ, съ коими въ связи поставлено его бытіе, есть отношеніе къ Высшему.—Основаніе относительности содержится въ самомъ существѣ предмета. Тѣ отношенія существенны, въ коихъ предметъ по своей сущности относится къ другимъ. Поколику существо какое нибудь достигаетъ полнаго своего совершенства только тогда, когда развивается и довершается во всѣ стороны, по всѣмъ отношеніямъ, принадлежащимъ къ полному объ немъ понятію: потолику относительность есть необходимая принадлежность существа, и выражаетъ, безъ сомнѣнія, нѣкоторую зависимость. Всѣ существа конечныя суть существа зависимыя, относительныя, относятся и къ тому, что ниже, и что сродно съ ними, и что выше. Внѣшнее можетъ на нихъ дѣйствовать и сно-

спѣшествуя ихъ развитію и останавливая оное. Конечнымъ существамъ принадлежитъ и зависимость отъ другихъ, и дѣйствіе на другія, собственное ограниченіе другихъ. Таково взаимодѣйствіе конечныхъ существъ, основанное на всеобщемъ ихъ порядкѣ!—Частныя отношенія существъ, частные порядки отношенія держатся на всеобщемъ, наибольшемъ порядкѣ, который есть порядокъ міра. Кромѣ этого отношенія сущности къ своимъ принадлежностямъ случайнымъ, въ ней находящимся, ей принадлежащимъ, и отношенія къ окружающимъ предметамъ, съ коими вмѣстѣ каждое существо составляетъ порядокъ міра, входитъ въ порядокъ міра, есть еще отношеніе конечнаго къ Божеству, къ Всевысочайшему, отношеніе какъ по происхожденію, такъ и по продолженію и сохраненію бытія. Deus non potest habere relationem ad nos, nisi per modum principii, scilicet causae efficientis, finis, non autem materiae inhaerentis; Ѳома Аквинатъ выразилъ въ короткихъ словахъ совокупность отношеній конечнаго къ Безконечному. Богъ относится къ намъ и вообще къ существамъ конечнымъ, какъ причина дѣйствующая, какъ конецъ—цѣль всего, какъ форма—образецъ prototypon всего, но не какъ форма inhaerens — субстанція, и не какъ матерія. Для конечныхъ существъ такая относительность необходима, существенно связана съ понятіемъ ихъ конечности, но для Существа Безконечнаго она не необходима. Конечныя существа не могутъ быть безъ Бога и отношенія къ Нему, а Богъ можетъ быть безъ существъ конечныхъ. Это общія понятія категоріи отношенія. Потомъ Штаубенмауеръ разбираетъ частныя категоріи, подходящія подъ эти общія категоріи, различая сущность и явленіе. Опредѣленность вещи, понятіе опредѣленныхъ признаковъ—неотъемлемыхъ составляетъ сущность вещи. Но въ понятіяхъ сущность можетъ быть и только возможною, то есть такою, которая можетъ быть и не быть, которой еще нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

. . . . . .

она держится на субстанціи, составляетъ опредѣленія оной, измѣненія въ пространствѣ и времени. Случайная принадлежность не есть бытіе самостоятельное, но на самостоятельномъ, т. е. на субстанціи держащееся. Случайное такъ называется случайнымъ потому, что оно подвержено измѣ-

неніямъ, выражаетъ субстанцію въ измѣненіяхъ. Каждое изъ этихъ измѣненій есть случайное. Вообще проходить чрезъ измѣненія, выражать себя чрезъ измѣняемое бытіе, это есть необходимое условіе, необходимый законъ каждой конечной субстанціи. Но въ рядѣ этихъ измѣненій есть случайное, а не необходимое, что можетъ быть и не быть, такъ и иначе быть. Еще отличается въ этой категоріи одно отъ другаго—внутреннее и внѣшнее. Конечно тутъ должно смотрѣть на разные виды существъ или предметовъ, къ чему онѣ прилагаются. Ежели будемъ прилагать къ логическимъ понятіямъ, то ихъ внутреннее составляютъ существенные признаки, а внѣшнее—несущественные. Ежели будемъ смотрѣть на духъ, то онъ самъ есть внутреннее, а дѣйствія его—внѣшнее проявленіе его. Ежели будемъ смотрѣть на тѣло, то внутреннее его есть качественное опредѣленіе, а внѣшнее—границы, которыя полагаются ему въ отношеніи къ другимъ тѣламъ. Если будемъ смотрѣть на сложныя существа, состоящія изъ духа и тѣла, то духъ будетъ внутреннее; тѣло—внѣшнее. Сюда же относится содержаніе и форма. Содержаніе или качественная опредѣленность какой нибудь вещи называется также и матеріею той вещи, но вмѣстѣ съ содержаніемъ дано вещи и назначеніе, какъ и какимъ образомъ ей дѣйствовать; въ этомъ состоитъ форма вещи. Въ Божіей мысли о мірѣ, въ понятіи о каждой вещи не только заключается бытіе ея, но и способъ бытія, способъ дѣйствованія;—это послѣднее есть форма вещи.

Къ категоріи отношенія принадлежитъ понятіе причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія. Штаубенмауеръ различаетъ причину и основаніе, произведеніе и слѣдствіе при посредствѣ понятія свободы. Что содержитъ въ себѣ основаніе бытія другой вещи свободно, то есть causa—причина другой вещи, а происходящее отъ свободной причины есть effectus—произведеніе и дѣйствіе. Если причина потому и бываетъ причиною, что она свободна, можетъ полагать въ бытіе свое произведеніе или не полагать: то съ другой стороны основаніе и слѣдствіе иначе относятся другъ къ другу, между ними есть необходимая связь, въ основаніи положено уже слѣдствіе, слѣдствіе изъ основанія необходимо проистекаетъ, такъ какъ день отъ солнца, разсвѣтъ отъ восхожденія солнца. Вмѣстѣ

съ основаніемъ въ семъ уже положено и слѣдствіе, не зависитъ отъ свободной силы основанія то, придетъ ли въ бытіе слѣдствіе или нѣтъ, одно другимъ опредѣляется. Причиною можетъ быть въ собственномъ смыслѣ одинъ Богъ, который есть свободный, отрѣшенный Виновникъ міра. Въ обширнѣйшемъ смыслѣ можетъ быть причиною и человѣкъ, поколику онъ дѣйствуетъ по своей свободѣ. Далѣе въ концѣ отношенія разсматривается Безконечное и конечное. Первою причиною, причиною причинъ можетъ быть только Безконечное; Абсолютное въ сущности своей опредѣляется только самимъ собою, ничѣмъ другимъ, кромѣ Его; въ своей безпредѣльности Оно совершенно не зависитъ отъ пространства и времени, которыя суть категоріи бытія конечныхъ существъ и опредѣляются абсолютною причиною. Такимъ образомъ весь міръ, происходящій отъ первой вины, посему самому есть уже конечное, то, чему указаны предѣлы и границы. Міру можетъ быть приписана неопредѣленность, но не безконечность; онъ самъ въ себѣ конеченъ, ограниченъ; но духъ, конечный не можетъ обозрѣть дѣйствительныхъ его предѣловъ, не можетъ опредѣлить своимъ созерцаніемъ предѣловъ его; такимъ образомъ для человѣка, какъ конечнаго духа, міръ необозримъ, необъятенъ; но это не объятное не есть безконечное въ собственномъ смыслѣ, а неопредѣленное.

Далѣе, въ этой же категоріи отношенія разсматриваются возможность, дѣйствительность, необходимость. Сравнивая отношеніе этихъ понятій между собою, должно положить, что каждое изъ двухъ послѣдующихъ заключаетъ уже въ себѣ предшествующее; но не на оборотъ. Простая возможность еще не заключаетъ въ себѣ дѣйствительности и необходимости. Дѣйствительность не заключаетъ въ себѣ необходимости. А на оборотъ: дѣйствительность содержитъ въ себѣ возможность, необходимость содержитъ въ себѣ возможность и дѣйствительность. Что дѣйствительно, то и возможно; что необходимо, то возможно и дѣйствительно; но не наоборотъ. Возможное таково, что оно можетъ быть и не быть; потому въ ней нѣтъ внутренней способности и постановить само себя въ бытіе; оно должно быть приведено въ бытіе только другимъ,— такимъ су-

ществомъ, которое въ себѣ и отъ себя имѣетъ эту мощь—силу, чтобы возможность превратилась въ дѣйствительность, и по отношенію къ дѣйствительному бытію одинъ только Богъ имѣетъ эту возможность. Дѣйствительность не есть еще необходимость, непремѣнно бываетъ дѣйствительностію истинно необходимое, т. е. что по своей природѣ не можетъ не быть. Таково оно только само по себѣ, по своей отрѣшенной природѣ, которой свойственна не возможность не быть, отсюда является необходимость; и въ этомъ смыслѣ отрѣшенную, безусловную необходимость должно приписать единому Божеству. Принадлежитъ необходимость и конечному бытію, поколику оно положено отрѣшенно необходимымъ существомъ, коимъ уже однажды приведено въ бытіе, послѣ того уже не можетъ быть иначе, не можетъ не быть. Впрочемъ когда конечное бытіе бываетъ необходимымъ, то необходимость эта не отъ него самого происходитъ, но отъ высочайшей, внѣ его сущей свободной причины, сообщившей ему бытіе. И въ этой причинѣ то и другое соединено неразрывно – и необходимость высочайшая и свобода высочайшая; здѣсь онѣ не составляютъ противорѣчія.

Затѣмъ отношеніе выражается въ формахъ пространства и времени. Осуществленіе идеи о сотворенномъ,—о тваряхъ, осуществленіе Силы Божіей непосредственно полагаетъ для міра и содержащихся въ немъ тварей бытіе пространства и времени. Съ понятіемъ творенія понятіе пространства и времени нераздѣльно. Подъ пространствомъ должно разумѣть тотъ порядокъ, по которому отдѣльныя вещи находятся одна подлѣ другой; пространство есть бытіе многихъ тварей одно подлѣ другой. Тутъ два различаются момента: 1) тотъ, что бытіе вещей есть simultanea—совмѣстное; 2) тотъ, что эти вещи не сліянны, а отдѣльны; безъ отдѣльности все бытіе возвратилось бы въ одинъ пунктъ, а совмѣстность simaltaneitas тогда не была бы, отдѣльностію сотворенныя существа разграничиваются одно отъ другаго; потому и возможно пространство, какъ бытіе вещей въ ихъ внѣшности, въ ихъ внѣшней разграниченности. Въ семъ смыслѣ пространство можно назвать мѣстомъ множественности существующихъ совокупно вещей. Какъ пространство есть непрерывное подлѣ —существованіе, подлѣ—положеніе вещей (extra-

positio et juxta—positio), такъ и время есть непрерывная преемственность или положеніе вещей одной послѣ другой. Пространство—порядокъ совмѣстности, совокупнаго бытія вещей, время порядокъ преемственности. Преемственность происходитъ чрезъ движеніе вещей. Ежели въ собственномъ смыслѣ разумѣть—движеніе внѣшнее, т. е. перемѣну мѣста: то опредѣленіе времени будетъ тѣснѣе своего опредѣляемаго. Ибо измѣреніемъ времени можетъ быть не только движеніе времени внѣшнее, но и внутреннее движеніе мысли, преемственное послѣдованіе мыслей: время такая категорія, которой подвержено движеніе вещей. Пространство представляетъ въ себѣ три измѣренія—длину, широту, высоту или глубину; время представляетъ собою какъ бы одну линію, какъ бы одну длину. Какъ теперь представить пространство и время? имѣютъ ли онѣ дѣйствительное бытіе? и могутъ ли быть названы опредѣленными качествами вещей? Ежели подъ дѣйствительнымъ бытіемъ разумѣть и то, чтобы предметъ дѣйствовалъ, оказывалъ себя чрезъ дѣятельность: въ этомъ смыслѣ нельзя приписать дѣйствительнаго бытія пространству и времени. Пространство и время и сами по себѣ не дѣйствуютъ, и не дѣйствуютъ на тѣ вещи, которыя въ нихъ находятся, и не принимаютъ дѣйствія отъ этихъ вещей.— Только остается сказать, что творенія, принадлежащія къ видимому міру, живутъ и дѣйствуютъ въ этихъ формахъ, дѣйствуютъ въ нихъ, а не на нихъ, и не отъ нихъ получаютъ дѣйствіе. Но нѣтъ ни одной вещи, о которой можно бы было сказать, что она внѣ пространства и времени. Такимъ образомъ пространство и время во всемъ сотворенномъ, равно и въ нихъ все. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣйствительное ихъ бытіе! Все дѣйствительное необходимо въ нихъ находится и можетъ существовать только подъ этимъ условіемъ, что существуетъ въ пространствѣ, во времени. Такимъ образомъ имъ принадлежитъ дѣйствительность относительная, и даже отрицательная, какъ думаетъ Штаубенмауеръ. Впрочемъ, это не то, что одна возможность; что возможно, то можетъ быть и не быть. Пространство и время при тварях необходимы, но могутъ не быть; впрочемъ, они не заключаютъ въ себѣ необходимости безусловной, отрѣшенной, а имѣютъ относительную, условную необходимость;

когда есть сотворенныя вещи, то пространство и время для нихъ необходимы. Необходимость ихъ опредѣляется и условливляется бытіемъ сотворенныхъ существъ. Итакъ пространство и время, по ихъ отдѣльному понятію взятыя, не безусловно необходимы; но когда есть сотворенныя существа, то онѣ не могутъ быть иначе, какъ во времени и пространствѣ. Съ этимъ связанъ отвѣтъ и на другой вопросъ: должно ли называть пространство и время свойствами—качествами сотворенныхъ существъ? онѣ суть только отрицательная дѣствительность. Итакъ не можно назвать ихъ качествами; частныя вещи, пришедши въ бытіе, могутъ и прейти; между тѣмъ время и пространство не перестаютъ существовать и быть тѣмъ, чѣмъ они суть. Нельзя ли назвать ихъ отношеніями вещей? Всѣ отношенія между вещами видимыми, конечными существуютъ при предположеніи времени и пространства. Итакъ время и пространство суть необходимыя предположенія отношеній; что существуетъ подлѣ другаго, при другомъ то въ пространствѣ; что существуетъ послѣ другаго, то во времени. Безъ пространства не было бы вмѣстѣ — бытія, подлѣ—бытія вещей, безъ времени не было бы преемственности, послѣ—бытія, прежде—бытія. Итакъ онѣ суть необходимыя условія того и другаго бытія.—подлѣ—бытія и послѣ — бытія; всеобщія необходимыя формы бытія — совмѣстность его или преемственность.

Далѣе Штубенмауеръ разсматриваетъ отношеніе понятія времени къ понятію движенія. Время есть порядокъ преемственности вещей; преемственность происходитъ чрезъ движеніе вещей. Потому мы описываемъ движеніе временемъ. Время есть мѣра движенія.—Впрочемъ только разумная душа знаетъ эту мѣру, и ею измѣряетъ движущіяся вещи. Изъ этого слѣдуетъ, что время существуетъ только съ тѣхъ поръ, какъ движеніе существуетъ; впрочемъ, оно произошло вмѣстѣ съ міромъ; поелику и движеніе произошло вмѣстѣ съ міромъ. Творческое постановленіе міра привело въ бытіе и время. Но Творческое слово Божіе и есть самое первое движеніе, основаніе всѣхъ послѣдующихъ движеній, непрерывно за нимъ слѣдующихъ, а также и первое начало времени. Какъ существенно свойственно твари—начинаться, происходитъ изъ ничего, быть приведеннымъ въ бы-

тіе: такъ существенно ей принадлежитъ прехожденіе. Впрочемъ есть разность между происхожденіемъ и прехожденіемъ; прехожденіе твари не есть уничтоженіе ея, погруженіе ея опять въ ничтожество, а разрѣшеніе во всеобщую субстанцію натуры. Человѣкъ подверженъ закону прехожденія; поколику онъ принадлежитъ натурѣ; а ей принадлежитъ онъ по своему тѣлу. Кромѣ этого происхожденія и прехожденія ко времени относится характеръ мгновенности (momentaneitas). Время состоитъ изъ мгновеній, моментовъ, и они непрестанно протекаютъ и изчезаютъ. Мгновеніе, въ которое мы теперь существуемъ, исчезаетъ, на это мѣсто наступаетъ другое, и едва это сдѣлается настоящимъ, тотчасъ дѣлается прошедшимъ, исчезаетъ. Такимъ образомъ время, теперь наступившее, чрезъ одно мгновеніе принадлежитъ уже прошедшему, есть прошедшее мгновеніе, и будущее время, превращающееся въ настоящее, только держится однимъ мгновеніемъ, и опять упадаетъ въ прошедшее. Такъ характеръ времени есть мгновенность (momentaneitas). Поколику же мгновенія времени для продолженія бытія какого нибудь творенія составляютъ длинный рядъ, потолику принадлежитъ ему и нѣкоторая постоянность, продолжительность. Одно состояніе уступаетъ мѣсто другому, въ этомъ видна перемѣнчивость бытія, превращеніе бытія; и однако изъ мгновеній, одно за другимъ,—слѣдующихъ, составляется цѣлый рядъ, и такимъ образомъ мгновенность времени какъ бы нарушается и уничтожается; въ этомъ состоитъ продолжительность жизни каждаго творенія, такъ что въ немъ одно съ другимъ связано и бытіе и прекращеніе бытія. Одно состояніе отходитъ, другое приходитъ; слагающаяся изъ различныхъ состояній жизнь продолжается нѣсколько времени, но члены ея составляющіе непрестанно преходятъ. Такъ понятія о сущности временныхъ существъ есть безотрадное, печальное понятіе о жизни конечныхъ вещей. Впрочемъ есть же въ нихъ и возможность—торжествовать надъ законами времени—этого непрестаннаго прехожденія, тлѣнности.

Что среди тлѣннаго, преходящаго не преходитъ и остается въ немъ постояннымъ, что при этихъ преходящихъ состояніяхъ только раскрывается, при теченіи моментовъ,

времени пребываетъ, то и есть бытіе истинное, основаніе жизни существа, независящее отъ этой превратности непрестанной, держащее на себѣ скоро пробѣгающія явленія жизни, которымъ по скоротечности не принадлежитъ истинное бытіе. Такое истинно живое бытіе есть бытіе въ идеѣ. Хотя міръ находится въ состояніи отпаденія отъ Божества, и слѣдовательно и идеи Божества, міръ, какъ духовный, такъ и физическій: но не совсѣмъ разторгнута связь его съ идеею. Идея и есть законъ для существующаго, она же сообщаетъ и силу продолжающагося бытія существующему; онъ подаетъ ему силу для достиженія единственной цѣли бытія, для возстановленія и достиженія первоначальной цѣли. Итакъ самое время имѣетъ связь съ вѣчностію посредствомъ идеи міра и идей, составляющихъ міръ. Поэтому не несправедливъ Платонъ, когда, опредѣляя время, назвалъ его протекающимъ образомъ вѣчности.

Еще относятся къ категоріи частныя понятія силы, дѣйствія, цѣли. Въ идеѣ субстанціальнаго бытія не только это бытіе полагается, но и внутреннее начало его дѣятельности; это внутреннее начало дѣятельности и есть сила (vis), которая иначе называется potentia, поколику можетъ дѣйствовать, а поколику уже начинаетъ дѣйствовать, называется ενεργεια (дѣйствующая сила). Безъ силы дѣйствіе не имѣло бы основанія своей возможности. Отношеніе между силою и дѣйствіемъ сходно съ отношеніемъ между причиною и произведеніемъ, основаніемъ и слѣдствіемъ; впрочемъ,—не одно и тоже. Основаніе не бываетъ уже слѣдствіемъ и на оборотъ слѣдствіе — основаніемъ, а сила можетъ быть какъ свободнымъ, такъ и несвободнымъ основаніемъ чего нибудь другаго; но въ свою очередь можетъ быть и произведеніемъ. Сила, чистѣйшимъ образомъ дѣйствующая, нисколько не страждущая, нисколько не зависящая отъ дѣйствія другихъ силъ, иначе сказать, абсолютная сила есть только одна—Богъ, который чѣмъ можетъ быть, тѣмъ вѣчно и есть, и по справедливости можетъ быть названъ ens realissimum. Но конечныя существа подчинены закону развитія; въ нихъ сила съ теченіемъ времени доходитъ до того, чтобы перейти изъ возможности въ дѣйствительность, и въ дѣйствительности возрастать, обо

гащаться, достигать до полноты раскрытія. Истиннымъ былъ бы человѣкомъ вполнѣ выразившій все относящееся къ его идеѣ; то, что побуждаетъ, ведетъ его къ этому, и есть идея его, которая дѣйствуетъ въ немъ, какъ сила и какъ законъ силы. Но въ это самое время, какъ движетъ его и ведетъ внутри его сущая сила или идея, онъ не достигаетъ еще своей цѣли; идеальная сущность его полна, но въ дѣйствительности она не вдругъ выражается и достигается, остается для него цѣлію, къ которой онъ въ продолженіи дѣйствительнаго бытія стремится. Не такъ въ Богѣ. Въ Немъ и возможность и дѣйствительность всегда уравнены, сила всегда осуществлена (ens actualissimum).

Послѣ сего разсматриваетъ Штаубенмауеръ, какъ подчиненныя, категоріи отношенія, единичнаго, множественности и всесовокупности. Здѣсь принимается въ соображеніе изложенное уже прежде понятіе числа, которое онъ относилъ къ категоріи количества. Когда единица повторяетъ себя, то чрезъ это становится множественностію, и по числу самоповторенія множественность возрастаетъ болѣе и болѣе. Когда же множественность вполнѣ объемлется единствомъ, изъ этого происходитъ omnitudo, всесовокупность, цѣлость. Если изъ этихъ численныхъ отношеній перейдемъ къ тому единству, которое въ самыхъ вещахъ,—въ мірѣ живо существуетъ и дѣйствуетъ, то увидимъ, что и здѣсь живымъ началомъ въ субстанціальномъ бытіи должна быть единица; въ каждомъ субстанціальномъ бытіи, поколику оно опредѣлено, находится уже вмѣстѣ съ этою опредѣленностію постоянаго начала единство сущности. Сущность безъ единства и представить нельзя. Въ каждомъ существѣ есть совокупность внѣшнихъ и вещественныхъ опредѣленій, коими оно отличается отъ другихъ существъ, которыя ему неотъмлемо принадлежатъ. Такъ иныя опредѣленія принадлежатъ духу, иныя существамъ физическимъ; и у физическихъ существъ есть много различій качественныхъ и количественныхъ, но вмѣстѣ и единство каждаго существа, по коему оно должно быть различно отъ единства другихъ существъ. Такъ для каждаго существа есть своя идея въ Умѣ Божіемъ; въ идеѣ содержится сущность вещи, идеею опредѣляется сущность; всякая идея, коею опредѣляется сущность вещи, есть единое, одно и тоже на-

чало, постоянно всегда себѣ равное. Потому Платонъ не усумнился идеи назвать единствами или единицами вещей. Хотя въ сущности вещей и можетъ представляться множественность, различіе силъ; но необходимо для нихъ одна связь, чтобы онѣ составляли одно цѣлое. Такъ въ духѣ различаемъ силы ума, воли, чувствованія; къ этимъ силамъ относятся многія подчиненныя силы, Три главныя силы, равно какъ и подчиненныя имъ составляютъ множественность въ духѣ, онѣ конечно существенны въ духѣ, безъ нихъ онъ не былъ бы духомъ: но нельзя представить ихъ въ отдѣльности—разторгнутыми, разорванными. Духъ самъ по себѣ не есть только умственная способность, не есть только воля, не есть только способность чувствованія, а въ немъ то и другое и третье должно быть соединено въ одно; такъ составляется его цѣлость, т. е. множество въ немъ объемлется единствомъ. Цѣлость omnitudo и есть не иное что, какъ объятіе множества единствомъ. Тоже начало усматриваемъ и во всякомъ цѣломъ; будемъ ли разумѣть тѣло, какъ организмъ, въ немъ различаемъ члены, — это множественность, но чтобы члены составляли одну цѣлость, для этого они должны быть связаны въ одно, надобно, чтобы ихъ обнимало единство. Въ мірѣ понятіе порядка не разрывно съ понятіемъ единства. Единое, въ жизни выражающеся, и есть не иное что, какъ порядокъ міра, и главное единство здѣсь разлагается на частныя единства, главный порядокъ—на частные порядки. Такъ отличать можно нравственный порядокъ, гдѣ единствомъ служитъ идея добра, но его многочисленныя проявленія связываются въ одно; отличить можно порядокъ права, законный порядокъ, гдѣ одна идея—идея права соединяетъ въ себѣ множество частныхъ обязанностей, относящихся къ праву; также—порядокъ эстетическій, но и тутъ долженъ быть одинъ порядокъ, одна идея красоты, хотя много областей, въ которыхъ она выражается. Опять иной порядокъ физическій; но и здѣсь многое должно быть поддерживаемо единствомъ, — единою идеею міра, которая въ Умѣ Божіемъ. Высочайшій изъ порядковъ есть порядокъ царства Божія. Послѣ онаго частнаго понятія, относящіяся къ той же категоріи есть понятія рода, вида и недѣлимаго, въ которыхъ отражается понятіе всеобщаго, частнаго и единичнаго.

Въ подробномъ объясненіи категорій, какое мы находимъ у Штаубенмауера, усматриваются многія здравыя, нужныя мысли; но удовлетвориться этимъ выведеніемъ категорій нельзя. Тутъ множественность, и именно въ категоріи отношенія. Хотя и можно видѣть относительность между всѣми частными понятіями, подводимыми подъ эту категорію: но это одно не даетъ права подводить ихъ подъ одну категорію. Такое отношеніе можно найти между всѣми понятіями. Такъ не нужно бы было говорить объ особенномъ отношеніи качества, потому что есть отношеніе между утвердительнымъ, отрицательнымъ и ограничительнымъ, есть отношеніе между тожествомъ и разностію,—что авторъ приписываетъ категоріи качества. Но потому одному, что есть отношеніе между понятіями, не слѣдуетъ всѣ ихъ причислять къ одной категоріи. Такимъ образомъ многія изъ причисленныхъ категорій къ категоріи отношенія правильнѣе бы было отнести къ другимъ. Понятіе единаго, многаго всего вѣрнѣе Кантъ относилъ къ категоріи количества. Постоянно исчисляемыя частныя понятія величины, числа и мѣры зависятъ уже отъ этихъ понятій единаго, многаго, всего. Такъ все еще задача неразрѣшена; все еще не видно строгаго выведенія и въ первоначальныхъ понятіяхъ разума и категоріяхъ, которыми бы были опредѣляемы самыя общія свойства вещей.

Для начертанія полной таблицы категорій Кантъ правильно обращается къ одному изъ дѣйствій мышленія человѣческаго, именно къ сужденіямъ. Ближайшій предметъ познанія, который непосредственно представлялся нашему сознанію, составляютъ дѣйствія собственной нашей души; главное изъ внутреннихъ нашихъ дѣйствій есть дѣйствіе мышленія. Мышленіе связываетъ въ единство сознанія разнообразное, что доставляютъ чувственныя впечатлѣнія; въ непостоянное, перемѣняющееся, преходящее, вводитъ твердость и постоянство. Въ этомъ дѣйствованіи мышленія должно имѣть руководителями, такъ сказать, основныя понятія, или, какъ выражался Кантъ, категоріи, съ которыми бы, какъ съ вопросами, данными природѣ человѣческой,—прирожденными душѣ нашей, мыслительная сила выступала къ разнообразію вещей. Неизчислимы видоизмѣненія и качества вещей, какъ онѣ представляются посредствомъ чувствъ. Такъ, ежели бы

душа не имѣла въ себѣ твердыхъ признаковъ, которые вмѣстѣ должны составлять признаки существующаго: то она, при изслѣдованіи главныхъ предикатовъ существъ потерялась бы въ безчисленномъ разнообразіи вещей и признаковъ, представляющихся въ опытѣ. Такъ нужно отыскать въ душѣ прежде опытныя, всеобщія, немногія понятія, которыя бы сообщали твердость и постоянство мышленію, и подъ которыя бы, какъ подъ наиболѣе общія подводимы были многоразличные, частные признаки вещей, представляемыхъ опытомъ. Впрочемъ въ выведеніи и раскрытіи категорій нельзя не замѣтить у Канта неправильности. Онъ такъ располагаетъ свою таблицу категорій: сперва ставитъ категорію количества, потомъ качества, далѣе отношенія вещей между собою, наконецъ категорію модальности или отношенія вещей къ нашимъ представленіямъ. Къ послѣдней категоріи отнесъ онъ понятія возможнаго, дѣйствительнаго, необходимаго. Эту послѣднюю категорію правильнѣе надлежало бы назвать категоріею вообще бытія вещей; понятія возможнаго, дѣйствительнаго и необходимаго относятся къ бытію въ разныхъ его видахъ; правда, относятся и къ нашимъ представленіямъ, но это не необходимо. Это видно изъ того, что хотя бы не существовало ни одно изъ конечныхъ существъ разумныхъ, представляющихъ, и въ такомъ случаѣ бытіе существовало бы. Для насъ, какъ мы теперь существуемъ, очевидно отношеніе предметовъ къ нашимъ мыслямъ, возможныхъ ли то, или дѣйствительныхъ, или необходимыхъ; но вообще бытіе съ различными формами не зависитъ отъ нашихъ представленій, и безъ нихъ можетъ существовать. Потому категорію модальности, поставленную у Канта послѣ всѣхъ, правильнѣе было бы назвать категоріею бытія и съ нея начинать. Прочее все, качество и количество и отношеніе вещей между собою принадлежитъ, какъ признаки, бытію вообще и существамъ, положеннымъ въ бытіи.

Предметъ Онтологіи вообще существующее, въ какомъ бы то ни было видѣ, въ какомъ бы порядкѣ міра, или выше міра, оно ни находилось: все существующее—высшее и низшее и называется и есть существующее. Это самое общее въ Онтологіи понятіе и ближайшее къ нему, непосредственно съ нимъ связанное, понятіе бытія!

Категорія модальности.

Какіе же виды бытія? Представимъ себѣ, что мы остаемся только съ самими собою, съ своими мыслями, не обращая вниманія на существующее внѣ насъ, не увѣрены въ дѣйствительномъ, имѣемъ дѣло только съ своими мыслями: та общая, такъ сказать, часть между мышленіемъ и бытіемъ, на которой и возможенъ только переходъ отъ перваго къ послѣднему, есть *возможное*—первый видъ категоріи бытія. Возможность въ своей всеобщности не есть еще дѣйствительность, въ нашихъ представленіяхъ она есть нѣчто дѣйствительное, существующее. Прежде всего обратимъ вниманіе на этотъ видъ категоріи бытія—на возможное.

Противоположная категорія бытія—вообще nihilum—*ничто*. Nihilum — *ничто* и представить себѣ нельзя. Слово это есть, но когда станемъ углубляться въ понятіе этого слова, выйдетъ только отрицаніе, разрушеніе; то, чего нѣтъ, что даже и быть не можетъ, чего и представить нельзя, что само себя разрушаетъ, въ чемъ самомъ есть разрушеніе, противорѣчіе—это есть nihilum. Существенно мышленію человѣческому—связывать представленія въ одно понятіе, далѣе въ одно сужденіе, наконецъ умозаключеніе. Что никакъ не связывается, ежели бы хотѣли связать, разрушается, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, то и называется ничто (nihilum). Такъ напримѣръ кругъ четвероугольный; въ понятіи о томъ же кругѣ берутся два признака, которые и въ возможности и въ дѣйствительности существуютъ отдѣльно, но бывъ одинъ съ другимъ связаны, ничего не даютъ, одинъ другому противорѣчатъ; одно пространство прямою линіею обведенное, другое—непрямою, тамъ качества кривизны, здѣсь противорѣчущее качество, уничтожающее понятіе прямоты. — Чего представить нельзя, въ чемъ внутри есть противорѣчіе, то и называется nihilum.—Напротивъ ens—*сущее* вообще, (возможное ли, дѣйствительное ли, необходимое ли), есть то, что можемъ себѣ представить. Не все, что можемъ представить себѣ, дѣйствительно существуетъ и внѣ представленій нашихъ; доколѣ что нибудь въ представленіяхъ нашихъ существуетъ, не разрушая себя, не заключая въ себѣ противорѣчія, дотолѣ оно остается

возможнымъ. Possibile est illud, quod coqitari seu representari potest, quod itaque nullam in se contradictionem involvit, quod aliquid est in sola repraesentatine existens.

Къ первому понятію категоріи бытія—къ понятію о возможномъ и невозможномъ относится и первый законъ мышленія, который есть вмѣстѣ и законъ бытія—principium contradictionis. Ежели бы кто сталъ отвергать это очевидное положеніе: idem non potest simul esse et non esse,—что бы онъ этимъ выразилъ? то, что признаетъ ложнымъ начало противорѣчія, потому не соглашается допустить его, называя ложнымъ, вмѣстѣ съ этимъ отрицаетъ истинность этого начала. Что же это, что въ его дѣйствіи будетъ ложнымъ? онъ самъ допуститъ, что то не есть истинное, что ложно; а это и есть видоизмѣненіе начала противорѣчія, основыванное на немъ. Ежели вѣрно, что истинное не ложно, то вѣрно и сіе начало. Вообще кто покушается опровергать это начало,—тотъ уже дѣйствіемъ своихъ опроверженій выражаетъ его. Вотъ я признаю за ложное такое-то начало, отрицаю его, слѣдовательно не признаю за истинное. Когда не признаю за истинное ложное, то этимъ выражаю то, что истинное не можетъ быть ложнымъ; и слѣдовательно выражаю то, что не можетъ быть того, чтобы одно и тоже вмѣстѣ было и не было. Принимающій начало противорѣчія несомнѣвается. Скептикъ сомнѣвается, представляя свои сомнѣнія, онъ этимъ же выражаетъ, что не можетъ быть одно вмѣстѣ съ другимъ, что нибудь одно должно быть истинно, или его опроверженіе истинно, тогда начало противорѣчія ложно, или начало противорѣчія несомнѣнно истинно, тогда сомнѣніе его ложно. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ въ самомъ дѣйствіи сознаетъ, что не можетъ въ одномъ дѣйствіи быть сомнѣніе и несомнѣнность, т. е. что два противорѣчущія дѣйствія въ одномъ дѣйствіи мышленія совмѣщены быть не могутъ. Такъ самымъ споромъ своимъ онъ доказываетъ вѣрность этого начала. Оно касается самаго перваго, самаго существеннаго акта нашего мышленія, которымъ связываются въ единство сознанія разнообразныя представленія, и полагается, что при семъ сочетаніи не можетъ быть, чтобы одно вмѣстѣ существовало и не существовало. Касаясь самаго перваго нашего дѣйствованія

мысленнаго, оно по этому самому есть уже первое начало,— principium indemonstrabile. Противъ этого возражалъ Локкъ.... Надобно различать мышленіе, ясно сознаваемое, и сохраненіе какого либо закона въ мысляхъ своихъ, въ самомъ устроеніи мышленія.—Многіе философы ясными словами выражаютъ это начало; а въ общежитіи не говорятъ о немъ, не выражаютъ его словами; но всякій выражаетъ его дѣйствованіемъ, предлагая основываемыя на этомъ началѣ производныя положенія, примѣненныя къ опыту. Всеобщая несомнѣнность или достовѣрность этого начала не подлежитъ сомнѣнію, потому что иначе всякая мысль разрушается, когда вмѣстѣ станемъ полагать и отрицать—уничтожать (ponere et tollere) одно и то же. Какъ въ мысли невозможно тому быть, чтобы въ одномъ и томъ же представленіи — понятіи, сужденіи и умозаключеніи совмѣщались два эти дѣйствія —утвержденіе и отрицаніе: такъ и вообще въ самой дѣйствительности не возможно тому быть, чтобы что нибудь вмѣстѣ существовало и не существовало. Въ этомъ состоитъ законъ противорѣчія, котораго положительная сторона та, что все мыслимое, представляемое въ одномъ представленіи одинаково съ самимъ собою, *а* есть *а*.

Возможность не есть еще дѣйствительность, — бытіе дѣйствительное. Чтобы перейти къ понятію дѣйствительнаго бытія, обратимся мыслію къ собственному своему мышленію, какъ ближайшему, обратимся къ настоящему напр. нашему мышленію о началѣ противорѣчія. Когда мы выражаемъ это начало противорѣчія, которое насъ теперь занимаетъ, тогда видимъ противорѣчущее состояніе, или дѣйствіе мышленія нашего—одно утверждаемъ, другое отрицаемъ, и сравнивая ихъ между собою видимъ, что въ одномъ и томъ же актѣ мышленія утвержденіе и отрицаніе одного и того же не могутъ совмѣститься между собою, въ чемъ и состоитъ начало противорѣчія. Утверждать и отрицать, полагать и уничтожать — это уже суть дѣйствія. Ежели бы предметъ нашего мышленія и никогда не существовалъ въ дѣйствительности, оставался только въ области возможнаго, и никогда мы не слышали и не видали его, а только предполагали бы совмѣщеніе, не противорѣчіе въ одномъ мышленіи (можетъ быть, что тысячеугольникъ не существуетъ въ на-

турѣ, по крайней мѣрѣ, не видимъ, не слышимъ объ немъ, но мыслить объ немъ можемъ, и касательно возможности нѣкоторыхъ признаковъ, свойствъ, какія ему принадлежатъ, можемъ мыслить); пусть предметъ мышленія нашего о возможномъ и невозможномъ еще неизвѣстенъ намъ, какъ онъ дѣйствуетъ, но то уже извѣстно намъ, что мы при самомъ мышленіи, или утвержденіи, или отрицаніи или сравненіи того и другаго—положенія и отрицанія, уже дѣйствуемъ,—это самое—полагать и отрицать—суть два дѣйствія. Въ самой первой мысли, какая бы она ни была, какая теперь занимаетъ насъ, какъ напримѣръ мысль о началѣ противорѣчія, и въ ней находимъ, что утверждаемъ и отрицаемъ, сравнивая утвержденіе и отрицаніе видимъ, что они несовмѣстны въ одно и тоже время. Восходя далѣе въ сознаніи, въ воспоминаніи своемъ, можемъ это свое мысленное дѣйствованіе отличить отъ простой возможности въ насъ самихъ. Теперь мы занимаемся мыслію о началѣ противорѣчія, но сознаніе свидѣтельствуетъ, что мы нѣкогда не занимались ею, оно свидѣтельствуетъ и то, что съ тѣхъ поръ, какъ мы стали мыслить объ немъ, хотя ясно и не сознавали этого начала, по нему совершали свое мышленіе, въ частныхъ сужденіяхъ, примѣненіяхъ выражалось уже это начало. Это значитъ, что мысль эта, сужденіе это, коимъ выражается начало противорѣчія, теперь въ насъ ясно выражается, проявляется въ дѣйствіяхъ нашихъ—самосознательно выражается, а прежде оно, какъ ясно сознаваемое сужденіе, было только въ возможности. Ежели будемъ разсматривать вообще мышленіе наше, то можемъ различать при пособіи памяти одинъ отъ другаго, тотъ періодъ, когда мы начали связывать представленія въ одно, и другой когда мы жили, но еще не умѣли связывать мыслей,—понятій, сужденій и умозаключеній; наблюденія надъ другими, надъ младенцами подтверждаютъ эту мысль. Такъ въ этомъ періодѣ жизни, когда мы еще не дѣйствовали мыслительною способностію, она находилась только въ возможности, а не въ самой дѣйствительности;—дѣйствительное бытіе ея началось съ того времени, когда возможность стала проявляться въ частныхъ дѣйствіяхъ жизни. Такого рода возможность больше, нежели просто логическая возможность. Она суще-

ствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ субъектъ существуетъ, она лежитъ въ немъ какъ способность; (способность есть возможность дѣйствовать). Мышленіе, какъ способность, не отъемлема отъ насъ; я не былъ бы и человѣкомъ, ежели бы не имѣлъ способности или внутренней возможности—мыслить. А пришло время, когда эта способность, внутренняя возможность (realis possibilitas) могла выразиться въ дѣйствіяхъ. Когда эта способность имѣетъ въ себѣ стремленіе къ дѣятельности (nisum, conatum ad agendum): тогда на языкѣ философскомъ называется она (vis). Вотъ различіе возможности реальной отъ возможности логической! При реальной возможности есть уже способность, сила, могущая нѣкогда проявляться въ дѣйствіяхъ, сила, незаключающая въ себѣ,—въ своемъ составѣ противорѣчія, между тѣмъ какъ логически возможные предметы могутъ быть чисто entia mentalia, такими, гдѣ нѣтъ ни субъекта, ни силы, представляется нѣчто не противорѣчущее, но на чемъ бы оно держалось, въ чемъ раскрывалось изъ своего состоянія неразвитаго, этого ничего нѣтъ. А въ реальной возможности, хотя нѣтъ еще дѣйствій, проявляющихъ ее, но основаніе ея, т. е. способность есть, и этотъ принадлежитъ ей характеръ, — не противорѣчіе; частныя способности, какія въ ней закрыты, одна другой не противорѣчатъ; ежели бы противорѣчили, то разрушалось бы самое понятіе силы; но эти способности силы раскрываются и нѣкогда могутъ проявляться въ дѣйствіяхъ. Это ближайшимъ образомъ можемъ усматривать на самихъ себѣ. Когда разсматриваемъ то, что въ насъ является, теперешнее наше дѣйствованіе—мышленіе объ опредѣленномъ предметѣ, то въ немъ можемъ различать два состоянія; состояніе возможности, когда это мышленіе не раскрывалось въ насъ самосознательно, но было только возможнымъ, такъ какъ законъ этотъ, которымъ ограждается и направляется сила, существовалъ еще прежде проявленія, выраженія своего; и самое состояніе различаемъ и отъ новаго состоянія, когда въ самомъ дѣлѣ выражаемъ возможность мышленія о законѣ противорѣчія. Понятіе о возможности реальной, въ которой не только нѣтъ противорѣчія, но есть основаніе проявленія себя въ дѣйствительности, въ которой есть способность,

или, когда она переходитъ въ дѣйствительность,—сила, это поставляетъ переходъ къ понятію бытія дѣйствительнаго.

Трудно опредѣлить бытіе. Оно по самому имени своему, по первому упоминанію о немъ, для каждаго уже ясно; когда захотѣли бы анализировать это попятіе, сравнивать его съ другими понятіями, выводить изъ чего нибудь предшествующаго: то здѣсь найдутся затрудненія. Не мало находимъ опредѣленій бытія у философовъ, но онѣ частію не важны, частію не точны. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій.

Локкъ и Крузій такъ опредѣляютъ бытіе: existentia est esse in spatio et tempore,—бытіе есть существованіе въ пространствѣ и времени. Это опредѣленіе не обнимаетъ всего существующаго. Оно нейдетъ къ Премірному Существу, которое существуетъ внѣ пространства и времени. Если бы даже сказано было раздѣльно: въ опредѣленіи бытія: aut in spatio, aut in tempore: и тогда бы оно не относилось къ Существу Безконечному; а когда сказано совокупно: in spatio et tempore, то, и кромѣ Безконечнаго, не можетъ быть отнесено къ нѣкоторымъ конечнымъ существамъ. Въ насъ самихъ существуютъ мысли, но онѣ не въ пространствѣ.

Шейблеръ такъ опредѣляетъ бытіе: existentia est actus, secundum quem res est extra suas causas. (Lib. 1. Metaph. c. XVI). Примѣтно, что основаніемъ къ этому опредѣленію служило то, что когда какое-нибудь произведеніе заключено еще внутри своей причины, когда не выражается во внѣшнемъ, внѣ своей причины, тогда оно не поступило еще въ рядъ существующихъ вещей; произведенію нужно отдѣлиться отъ своей причины, чтобы самому быть.—Когда, напримѣръ, дерево заключено въ своемъ сѣмени, оно еще не существуетъ, но когда выходитъ изъ сѣмени, даетъ ростокъ, распускаетъ свои вѣтви, то выходитъ изъ своей причины,—это и значитъ быть extra suam causam. Шейблеръ могъ сдѣлать приложеніе своего опредѣленія въ большемъ размѣрѣ; сравнивая міръ съ своею Причиною—съ Богомъ, скажетъ: доколѣ міръ существовалъ въ своей идеѣ, тогда онъ не былъ въ дѣйствительности, а когда онъ въ дѣйствительности явился, онъ явился внѣ

своего Начала — внѣ ума Божественнаго (extra suam causam).—Это опредѣленіе бытія въ примѣненіи ко многимъ случаямъ тѣснѣе опредѣляемаго. Возможны мысленныя произведенія; представимъ себѣ какое-нибудь дѣйствительное произведеніе мысленной способности,—напр., какое-нибудь стихотвореніе; мы можемъ различать два состоянія съ этимъ стихотвореніемъ, когда оно было intra suam causam и extra suam causam. Причины его въ нашихъ способностяхъ;—разумъ и фантазія—вотъ его причины; оно могло существовать и прежде выраженія своего внѣшняго, прежде нежели оно выражено въ словахъ и написано; когда оно въ словахъ выражается, то находится внѣ своей внутренней силы, т. е. разума и фантазіи. Но не тогда только оно существуетъ; оно существуетъ и въ томъ случаѣ, когда не только написано—выражено въ словахъ, но и когда оно обдумано внутри насъ, въ возможности оно существовало, когда еще не было обдумано; напр. идея материнской любви могла быть въ насъ, но она не выражалась въ частныхъ образахъ, въ образѣ какой-нибудь матери чадолюбивой; а когда внутри насъ получила образъ, форму, выразилась въ частныхъ представленіяхъ, она не только въ возможности, но и въ дѣйствительности существуетъ внутри насъ. Внѣшнее выраженіе не придаетъ этому бытію особеннаго чего-нибудь, это только видоизмѣненіе бытія внутренняго, проявленіе во внѣшности. При томъ это опредѣленіе отрицательное: extra suas causas.

У Баумгартена такое опредѣленіе бытія: existentia est quod est quoad essentialia, naturalia et accidentalia determinatum. Въ этомъ опредѣленіи самое слово: determinatum—неопредѣлено. Какъ это разумѣть? въ понятіяхъ ли опредѣлено, или въ самой дѣйствительности? въ томъ и другомъ смыслѣ это опредѣленіе къ Существу Безконечному нейдетъ. И къ нѣкоторымъ конечнымъ предметамъ оно не можетъ относиться. Возьмемъ, напр. субстанцію; она существуетъ: но можно ли объ ней сказать, что она опредѣлена по всѣмъ своимъ принадлежностямъ,—существеннымъ, естественнымъ и случайнымъ? Существенное неразлучно съ субстанціею. Поэтому можно еще сказать, что она по отношенію къ существующему опредѣлена,

опредѣлена идеею Творца и закономъ, вложеннымъ въ нее изъ идеи Творца; но можно ли сказать, что она и по случайнымъ принадлежностямъ опредѣлена? Случайное въ существенномъ развивается не вдругъ, субстанція не вдругъ выражаетъ всѣ случайныя свои принадлежности, онѣ постепенно, современемъ раскрываютъ себя; слѣдовательно есть время, когда они не были опредѣлены, а будетъ время, когда субстанція далѣе будетъ раскрываться по случайнымъ своимъ проявленіямъ, между тѣмъ она существуетъ, съ того времени, какъ введена Всемогущимъ Творцемъ въ рядъ существъ.

Вольфъ опредѣляетъ *бытіе*, какъ complementum possibilitatis. По этому опредѣленію представляется, что есть нѣкоторая неполнота, для которой нужно дополненіе, когда вещь переходитъ въ дѣйствительное бытіе, она чрезъ это получаетъ дополненіе своей возможности.—Это опредѣленіе бытія тогда бы было правильно, когда бы можно было почитать бытіе качествомъ; въ понятіи о вещи, и въ сущности заключается понятіе о качествѣ вещи, положимъ, что ихъ нѣсколько, напр. сущность духа—быть простымъ, познающимъ и хотящимъ — разумнымъ и свободнымъ, —, вотъ нѣсколько признаковъ или качествъ; теперь тутъ недостаетъ одного качества, именно дѣйствительнаго бытія; когда оно прибавится, этимъ дополняется совокупность качествъ, почему и можетъ быть названо дополненіемъ возможности. Ежели бы можно было представлять бытіе, какъ качество вещи, тогда можно бы было принять это опредѣленіе, хотя и въ семъ случаѣ оно осталось бы неопредѣленнымъ, и было бы только относительнымъ, выражало бы отношеніе бытія къ возможности. Но бытіе нельзя представлять качествомъ; оно есть нѣчто такое, во что всѣ качества вмѣщаются; всѣ качества, относящіяся къ сущности вещи, составляютъ нѣчто цѣлое, полное, бытіе не есть качество новое, къ нимъ прилагаемое, а нѣчто такое, въ чемъ всѣ эти качества выражаются. Такъ возможность заключаетъ уже къ себѣ качества вещи, хотя и осталась бы возможностію. Понятіе о предметѣ полно, будетъ ли онъ въ возможности или дѣйствительности, бытіе не придаетъ никому новыхъ качествъ, слѣдовательно не дополняетъ возможности. И то правильно,

можно замѣтить, что бытіе и тогда остается бытіемъ дѣйствительнымъ, когда внутреннія качества вещи не вполнѣ выразятся, раскрытіе внутреннихъ силъ у конечныхъ вещей происходитъ не вдругъ—почастно, преемственно, послѣдовательно.

Изъ Лейбницевой школы другой философъ,—Бильфингеръ, лучше Вольфа, понимавшій Лейбница, опредѣляетъ бытіе такъ: existentia est status rei, quo apta est vel ad agendum vel ad patiendum—Это опредѣленіе замѣчательнѣе другихъ. Конечно и въ него введено слово: status, подчиненное слову existentia, выражающее частное понятіе. Понятіе бытія—existentia общее. А введено для поясненія бытія—понятіе *дѣйствованія*, вѣрно. Доколѣ сила въ возможности, она еще не дѣйствуетъ; а коль скоро она въ бытіи, то уже дѣйствуетъ. Но при этомъ понятіи можетъ встрѣтиться недоумѣніе: хорошо это опредѣленіе прилагать къ субстанціямъ, гдѣ есть дѣйствующая сила; но есть предметы дѣйствительно существующіе, въ которыхъ невидно никакой силы; возмемъ тѣнь; она безсущественна, относительна, зависитъ только отъ предмета и отъ дѣйствія на него свѣта; въ тѣни нѣтъ силы, нѣтъ причины. Но и въ такихъ предметахъ есть дѣйствованіе, только не самостоятельное, не свое, а относящееся къ причинѣ, положенной внѣ безсущнаго произведенія, какова тѣнь.

Въ философіи Карпе, который слѣдовалъ Кантовой философіи, встрѣчаемъ довольно обширное опредѣленіе бытія: „дѣйствительно существующее есть то, что составляетъ предметъ чувственнаго ощущенія и опыта, или можетъ быть таковымъ, или же что съ такимъ предметомъ связано какъ соотносительное (correlativum), какъ напр. или какъ субстанція съ своими качествами, или какъ цѣлое съ частями, или какъ основаніе съ послѣдствіемъ, или какъ причина съ произведеніемъ, или какъ цѣль съ своими средствами“.— Два главныхъ понятія въ этомъ опредѣленіи: дѣйствительно существующее есть a) предметъ опыта или что можетъ быть предметомъ опыта, и b) необходимо связанное съ предметомъ опыта, съ тѣмъ что есть, и что можетъ быть предметомъ опыта, или соотносительное. Въ первой части *что есть или можетъ быть предметомъ ощущенія*, есть

лишнее дополненіе. Послѣднее дополненіе: *что можетъ быть предметомъ ощущенія*, весьма неопредѣленно. Причина, почему Карпе не ограничилъ опредѣленія бытія этимъ понятіемъ только, *что есть предметъ опыта*, — видна. Мы, и всѣ наблюдатели въ родѣ человѣческомъ осмотрѣли не все; въ дѣйствительномъ мірѣ существуетъ много предметовъ, которые не подлежатъ еще нашему наблюденію. Поэтому Карпе представилось нужнымъ ввести въ опредѣленіе бытія это дополненіе: *что можетъ быть*. Но дополненіе слишкомъ обширно, простирается на предметы, существующіе только въ возможности; придетъ время, придутъ другія условія, и возможное будетъ предметомъ ощущенія, — наблюденія. Потомъ о послѣдней части правильно — можно замѣтить, что ежели бы бытіе тогда только имѣло мѣсто, когда мы существуемъ, мы наблюдаемъ; конечныя существа представляютъ; то такъ. Но и конечныхъ существъ представляющихъ, не было, а между тѣмъ существовало Безконечное Существо, которое не есть предметъ чувствъ, выше пространства, и слѣд. выше ощущенія.

У послѣдователей Канта есть еще опредѣленіе бытія: „existentia estrelatio possibilitatis ad ego nostrum coqitans surepresentans, vi cujus (relationis) possibile vel qua realeie vel qua aliquid ab eqo nostro diversum, vel qua intuibile ponitur". Въ словахъ сего опредѣленія: relatio ad ego nostrum — заключается главная мысль! Vel qua reale ponitur — тутъ тавтологія; опредѣляется дѣйствительное бытіе и между тѣмъ говорится: relatio, vi cujus possibile qua reale ponitur. Reale взято изъ опредѣляемаго, слѣд. тутъ idem per idem. Другая детерминація vel qua aliquid ad ego nostro diversum ponitur! Самъ Кантъ такое даетъ опредѣленіе бытія: „бытіе есть такое отношеніе предметовъ къ нашему *я*, по которому предметъ сообразенъ матеріальнымъ условіямъ опыта" Онъ различаетъ формальныя условія опыта — пространство и время и матеріальныя — дѣйствованіе вещей на наши чувства, — внутреннее и внѣшнее. Конечно, тутъ не исключаются и духовныя силы, въ насъ находящіяся, которыя дѣйствуютъ на внутреннее чувство; но это не относится къ Существу Безконечному. Вообще главное понятіе de relatione ad ego nostrum, невѣрно потому, что бытіе и тогда осталось бы

бытіемъ, когда не существовало nostrum ego. Тотъ же недостатокъ, который замѣтили въ первой части опредѣленія Карпе,

Если исправить опредѣленіе Белфингера: то оно точнѣе объяснитъ непосредственно извѣстное понятіе о бытіи.—Когда философу нужно перевести непосредственное — извѣстное на посредственное, то ближайшее къ понятію бытія есть понятіе *дѣйствованія*.

Разсматривая понятіе возможнаго, переходя отъ возможности логической къ реальной, мы прикасались уже и къ понятію дѣйствованія. Въ реальной возможности должны быть силы дѣйствованія. Не можно ли и бытіе объяснять такъ, что оно есть *проявленіе силъ въ дѣйствованіи* manifestatio virium, или, если сказать общѣе и отвлеченнѣе: manifestatio potentiae sive essentiae per actus? — Въ понятіи возможности уже заключается понятіе силы. Сила есть основаніе дѣйствованія. Дѣйствованіе можетъ быть или внутреннее или внѣшнее. Когда сила выражаетъ себя въ отношеніи къ другимъ существамъ, внѣ предмета, въ которомъ она находился: то здѣсь является внѣшнее дѣйствованіе. Но и прежде обнаруженія себя во внѣ, — въ отношеніи къ другимъ существамъ, существо можетъ существовать само въ себѣ, внутри дѣйствовать; что въ немъ просто, единообразно, одинаково, то можетъ оно проявлять внутри себя въ многоразличіи, хотя бы это и не приражалось къ другимъ существамъ. Такъ въ дѣйствованіи художника можетъ быть обнаруженіе его силы внутреннее и такимъ можетъ оставаться безъ сношенія съ другими, внѣ его находящимися существами, оставаться только въ душѣ художника; въ немъ есть сила творчества, хотя не въ собственномъ смыслѣ называемая,—сила мышленія и фантазіи; она можетъ, такъ сказать, разрождаться на многія различныя частныя мысли, или формы — образы, — и все это можетъ происходить только въ душѣ художника. Выраженіе простаго, единовиднаго въ многоразличіи,—частныхъ образахъ, частныхъ мысляхъ, можетъ не выходить во внѣшность, и не приражаться къ видамъ, не выражаться въ звукахъ или письмѣ, въ образахъ матеріи, выражающихъ мысли. Таково внутреннее дѣйствованіе! Даже и то въ субстанціяхъ — конечныхъ суще-

ствахъ будетъ внутреннимъ дѣйствованіемъ, когда сила внутри ихъ стремится къ выраженію себя,—и такое внутреннее стремленіе не будетъ только возможнымъ, въ возможности только существующимъ, умопредставляемымъ только дѣйствованіемъ, а будетъ дѣйствительнымъ; — состояніемъ силы. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ съ понятіемъ бытія дѣйствительнаго неразлучно понятіе дѣйствованія. Даже когда отъ силъ обратимся къ ихъ произведеніямъ, къ случайнымъ, такъ сказать, ихъ выраженіемъ: то и въ нихъ нельзя незамѣтить дѣйствованія, коль скоро онѣ дѣйствительно существуютъ. Тутъ есть дѣйствованіе силы, какъ причины внѣ существующей. Итакъ можно опредѣлить, или точнѣе—перевести на понятіе посредственное каждому непосредственно извѣстное понятіе бытія; въ такомъ видѣ бытіе есть дѣйствованіе силы, или силъ, бытіе есть выраженіе силы или силъ въ дѣйствіяхъ внутреннихъ или внѣшнихъ: existentia est operatio virium, s. manifestatio potentiae sive essentiae per actus sive internos, sive externos.

Спрашивается относится ли къ Высочайшему Существу—Неограниченному manifestatio virium sive essentiae? конечно относится. Потому что явленіе Его совершенствъ, Его Силы не есть только наружное явленіе въ устройствѣ міра и управленіи имъ; и прежде бытія міра въ немъ внутреннія совершенства, внутренняя его сила простая и единая проявляли себя въ множественности идей о томъ мірѣ, который въ опредѣленное время дѣйствіемъ Его воли и могущества приведенъ въ бытіе. Представлять Божество когда нибудь недѣйствующимъ—значило бы разрушать самое понятіе Божества. Справедливо о Немъ выражаются философы, когда говорятъ: Deus est Ens actualissimum.—Дѣятельность Его и слѣд. проявленіе Силы Его, совершенствъ Его есть и внутреннее и внѣшнее; внѣшнее—въ устроеніи міра, внутреннее прежде бытія міра.

Относится ли это понятіе о бытіи; operatio virium къ самымъ силамъ? Намъ скажутъ, что есть такое еще состояніе силы, въ которомъ она существуетъ, но не дѣйствуетъ; въ младенцѣ напр. сила мышленія существуетъ, но не дѣйствуетъ. Это сужденіе: *не дѣйствуетъ*—не можетъ быть приложено и къ состоянію младенца. Поелику всякой силѣ,

какъ скоро она есть въ существѣ, неотъемлемо принадлежитъ стремленіе къ сродному себѣ дѣйствованію; ежели нѣтъ еще въ младенцѣ внѣшняго выраженія силы мышленія въ словахъ, ежели даже нѣтъ и того внутренняго выраженія общаго въ частномъ, единичнаго въ многоразличномъ, какое находимъ мы въ самихъ себѣ уже взрослыхъ, все же повторяемъ, есть стремленіе, напряженіе, порывъ къ дѣйствованію; только это стремленіе въ существахъ ограниченныхъ, которымъ не дано вдругъ проявить свою возможность въ дѣйствительномъ положеніи, совершенно задерживается, воспящается въ своемъ проявленіи преобладаніемъ другихъ причинъ, перевѣсомъ другихъ силъ, дѣйствующихъ на то существо. Но коль скоро есть въ какомъ нибудь существѣ сила, то ей принадлежитъ стремленіе къ проявленію себя, и это стремленіе есть уже дѣйствованіе, хотя нераскрывающееся въ многоразличіи. Слѣд, объясненіе понятія бытія чрезъ понятіе дѣйствованія справедливо и въ отношеніи къ силамъ, еще не проявившимъ себя въ многоразличіи дѣйствій, потому что имъ принадлежитъ по крайней мѣрѣ напряженіе, стремленіе къ дѣйствованію; и это есть actus internus.

Operatio virium s. interna, s. externa: принадлежитъ ли это объясненіе понятія бытія къ такимъ произведеніямъ, въ которыхъ даже и силы не видно? таковы, такъ сказать, отдаленныя отраженія, въ которыхъ и силы не видно, какъ эхо, или тѣнь и т. под. чистыя произведенія? Принадлежатъ и имъ дѣйствованіе силъ потолику, поколику въ нихъ выражается дѣйствованіе той силы, которой въ себѣ не заключаютъ, которой онѣ суть отраженія. Такъ ежели бы сила эта и внѣ была, не заключалась въ произведеніяхъ: все же есть ея дѣйствованіе на нихъ. Когда бы ея вовсе не было, то и отдаленныхъ, такъ сказать, произведеній ея не было бы. Когда бы не было силы, выражающей себя въ звукѣ, тогда и отголоски не отразились бы, не явились бы въ бытіи. Когда не было бы силы свѣта, и непрозрачнаго вещества, не было бы и тѣни. Собственно нельзя сказать, чтобы эти произведенія были внѣ своихъ причинъ; хотя онѣ и внѣ ихъ заключаются, но связь ихъ съ своими причинами продолжается. Такъ великая эта тѣнь—ночь есть сама въ себѣ явленіе, въ которомъ не заключена сила; и однако оно существуетъ.

Чувства внѣшнія свидѣтельствуютъ о существованіи сего явленія, хотя бы мы и назвали его отрицаніемъ, все же оно существуетъ. Какое же тутъ дѣйствованіе? дѣйствованіе не внутреннее, а внѣшнее; т. е. шаръ земной—твердое и непрозрачное тѣло, противостоя прозрачному тѣлу—свѣту, недаетъ ему далѣе распространяться, дѣйствуетъ ограничительно и отрицательно, но все же дѣйствуетъ, ограниваетъ это дѣйствіе свѣта и произведеніе этого есть ночь.

Теперь — какія основанія нашей увѣренности въ бытіи дѣйствительномъ? Силы проявляютъ себя или непосредственно, или посредственно; дѣйствія ихъ непосредственныя открываются чувству внутреннему и внѣшнему, непосредственно же открываетъ себя Безконечное невидимо высшей силѣ нашего духа—уму. На срединѣ между чувственностію и умомъ находимъ способность умозаключеній, общѣе сказать, разумъ — способность мышленія, высшее дѣйствованіе коей есть — умозаключеніе, гдѣ уже посредствомъ являющихся чувствамъ дѣйствій, или произведеній, необходимо заключается о причинѣ, отъ которой онѣ зависятъ, — происходятъ, на которой держатся, какъ на основаніи.

Ближайшее показаніе бытія и самое непосредственное — въ чувствѣ внутреннемъ. Что существуютъ во мнѣ мысли, желанія, ощущенія, въ этомъ я никакъ не могу усумниться; даже никакой скептикъ, опровергающій дѣйствительное бытіе не можетъ отвергнуть этого. Ибо онъ самъ дѣйствуетъ, самъ противополагаетъ догматическому философу свои сомнѣнія; сомнѣнія его дѣйствительно существуютъ, и онъ хочетъ утвердить ими нѣчто дѣйствительное, именно то общее положеніе, что нѣтъ ничего достовѣрно извѣстнаго. Такъ самый скептикъ, предлагающій свои сомнѣнія, этимъ уже сознается, что онъ дѣйствуетъ; сомнѣнія суть видъ мышленія, онъ мыслитъ, и отрицаніе все же есть видоизмѣненіе мышленія. Ежели онъ и все будетъ отрицать, самое отрицаніе его есть уже дѣйствительное: дѣйствіе его мышленія. Такъ самое непосредственное, что сознаемъ въ себѣ дѣйствительно существующимъ, — это наши дѣйствія, наши представленія чувственныя, мышленіе, ощущенія удовольствія или неудовольствія, желанія.

Сознавая въ себѣ различныя дѣйствія души нашей, не

можемъ вмѣстѣ не видѣть, что онѣ во времени происходятъ,—это самый общій признакъ, имъ принадлежащій! Другіе признаки частные; свой характеръ у мыслей, свой— у желаній, свой — у чувствованій. Но ежели всѣ частные характеры, отличающіе частныя дѣйствія души нашей, отвлечемъ во вниманіи своемъ: все останется нѣчто общее всѣмъ дѣйствіямъ души, — именно это общее — происхожденіе во времени. Въ нихъ мы можемъ замѣчать — и продолженіе и перемѣну — преемственность, но то и другое составляютъ признаки времени, ограниченіе, принадлежащее времени. Временемъ ограничиваются силы въ своихъ дѣйствіяхъ такъ, что не вдругъ переводятъ въ дѣйствительность возможное для себя, задерживаются условіями времени въ томъ, чтобы полноту возможности вдругъ перевести въ дѣйствительность. Напротивъ изводятъ въ дѣйствительность возможное для себя почастно, одно прежде, другое послѣ и такъ далѣе. Одно проявилось, другое не проявляется, другое является, первое или совершенно сокрывается, иногда же поступаетъ въ составъ вновь являющагося. Что будетъ черезъ часъ, черезъ минуту, того въ дѣйствованіи моемъ нѣтъ еще теперь, а что теперь есть, того не было прежде. Эту преемственность, эти измѣненія—проявленія внутренней возможности не перестаемъ замѣчать въ себѣ внутреннимъ чувствомъ. Душа наша переходитъ или отъ одного дѣйствія къ другому, или отъ выраженія одной способности къ выраженію другой—отъ мыслей къ желаніямъ, или она одною способностію, дѣйствуя нѣсколько времени, въ порожденіяхъ своихъ переходитъ отъ однихъ ограниченій къ другимъ;—въ этомъ выражаетъ преемственность — перемѣнчивость. Впрочемъ, замѣчаемъ при измѣненіяхъ и продолжительность — нѣкоторое постоянство, когда напр. одна мысль порождается во мнѣ, предъ сознаніемъ моимъ она не исчезаетъ вдругъ, какъ появилась, но, такъ сказать, повторяется съ каждымъ моментомъ непрерывно. Ежели даже по ней дѣлается приложеніе, потому это существо, во времени находящееся, въ каждую минуту получаетъ какія нибудь новыя ограниченія, или объясненіе, дополненіе, подтвержденіе какой нибудь мысли и рождается душею, то она сама, слагаясь съ этимъ дополненіемъ, не уничтожается, все выходитъ продолженіе

ея. Могу я одно желаніе, хотя оно и разнообразится въ частностяхъ, въ общемъ его направленіи держать долго, не одно мгновеніе, а много мгновеній. Такъ форма феноменовъ внутренняго чувства, дѣйствій душевныхъ, подлежащихъ внутреннему чувству, есть форма времени, по которой принадлежитъ внутреннимъ дѣйствіямъ и перемѣнчивость — переходъ отъ одного въ другое,—преемственность и принадлежитъ также продолжительность. Итакъ ближайшее, что непосредственно знаемъ какъ дѣйствительно существующее въ самихъ себѣ, это — дѣйствія души нашей, подлежащія внутреннему чувству.

Потомъ второй видъ предметовъ дѣйствительно существующихъ,—составляютъ феномены чувства внѣшняго, явленія, внѣшними чувствами усматриваемыя. Противъ бытія этихъ предметовъ, феноменовъ чувства внѣшняго не мало встрѣчаемъ возраженій у философовъ — и у скептиковъ и у идеалистовъ, изъ которыхъ тѣ и другіе полагаютъ, что бытіе внѣшняго міра, вещей, подлежащихъ внѣшнему чувству, есть только порожденіе нашей дѣятельности; слѣдовательно увѣренность въ дѣйствительномъ бытіи внѣшнихъ вещей есть самообольщеніе, обманъ. Обыкновенно это сомнѣніе о дѣйствительности внѣшнихъ предметовъ тѣмъ подкрѣпляютъ, что не можетъ быть повѣрки касательно этой дѣйствительности; душа всегда сама съ собою, вся заключена въ своихъ представленіяхъ, и изъ нихъ выйти не можетъ, имѣетъ дѣло только съ ними. А для того, чтобы утвердить ей дѣйствительность внѣшнихъ предметовъ, надлежало бы ей выйти изъ самой себя, поставить себя на высотѣ, предъ которою бы стояли по одну сторону ея представленія, по другую предметы дѣйствительные,—и смотрѣть на соотвѣтствіе между тѣми и другими. Какъ скоро есть соотвѣтствіе между представленіями и предметами, то есть основаніе къ увѣренности въ дѣйствительномъ бытіи. Ежели же не открывается такое соотвѣтствіе: то нѣтъ и основанія къ увѣренности. То, что называютъ обыкновенно познаніемъ внѣшнихъ предметовъ, есть не иное что, какъ воображеніе, такъ какъ мы во снѣ представляемъ себѣ дѣйствительно существующими такія вещи, которыя воображеніемъ только нашимъ порождены, и происходятъ только внутри насъ. И вся здѣшняя жизнь наша,

говорятъ, есть не иное что, какъ сонъ, въ которомъ мы мечтаемъ, будто имѣемъ дѣло съ дѣйствительными вещами, а въ самомъ дѣлѣ только сами дѣйствуемъ. Вотъ общее основаніе скептицизма и вмѣстѣ идеализма рѣшительнаго и полнаго, въ которомъ одно только наше — *я* полагается дѣйствующимъ! Много и другихъ основаній частныхъ, но тамъ въ частности показываются посредствующія между предметами и нашею душею причины, которыя препятствуютъ тому, чтобы предметы въ истинномъ видѣ своемъ отразились въ нашемъ сознаніи, причины или со стороны тѣла, или со стороны ограниченности познавательныхъ способностей, или со стороны посредствующихъ вещей. Общее же это основаніе!

Но противъ этого надобно то замѣтить: откуда бы въ насъ породилась такая множественность разнообразныхъ представленій? Откуда бы въ этихъ представленіяхъ происходило постоянство, одинаковость, т. е. при сближеніи съ одинаковыми предметами, которые мы нѣсколько разъ прежде видѣли, тотчасъ одинаковыя представленія возбуждаются? Подобіе состоянія души во снѣ, гдѣ она свои мечты признаетъ за дѣйствительныя вещи, еще ничего не говоритъ въ пользу скептицизма; потому что сновидѣнія бываютъ въ насъ уже послѣ чувственныхъ представленій. Мы ясно различаемъ разныя состоянія, когда чувства наши открыты, и когда онѣ закрываются, а душа сама въ себѣ дѣйствуетъ. Поелику сонное состояніе никогда не предшествуетъ первому состоянію, а послѣдуетъ за нимъ: то и въ сонныхъ представленіяхъ повторяется или въ томъ же видѣ, или въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ то, что мы усматриваемъ съ открытыми чувствами. Такъ основаніе, которымъ объясняется дѣятельность души въ сновидѣніяхъ, находится въ предшествующемъ дѣйствованіи души съ открытыми чувствами. Но ежели всю жизнь нашу представить, какъ продолжительный сонъ: то какое будетъ основаніе безконечнаго разнообразія представленій, которыя мы имѣемъ? Когда допускается бытіе внѣшнихъ предметовъ: основаніе многоразличія представленій есть; многоразличіе предметовъ, также и различіе внѣшныхъ чувствъ заключаютъ въ себѣ основаніе безчисленнаго разнообразія чувственныхъ представленій. Но когда уничто-

жается бытіе внѣшнихъ предметовъ, душа остается сама съ собою: то какое основаніе несвязнаго этого многоразличія представленій? во внутреннихъ дѣйствіяхъ души безъ всякихъ внѣшнихъ возбужденій не вышло бы такой многосложности. Ежели допустимъ, что въ ней есть различныя внутреннія способности и законы; все не можемъ объяснить, почему эти немногіе простые законы изъ простаго своего состоянія переходятъ въ разнообразное. Положимъ, что есть въ насъ форма пространства, тогда какъ соотвѣтствующихъ ей феноменовъ совсѣмъ нѣтъ: много ли разнообразія можно было бы вывести изъ чистой формы пространства? Дѣятельность души подобна дѣятельности свѣта. Ежели бы свѣтъ не отражался ни обо что, сколько нибудь твердое, о земные предметы, атмосферу: онъ былъ бы безцвѣтенъ, терялся бы въ своемъ однообразіи въ безпредѣльность, различныхъ цвѣтовъ не отражалъ бы: такъ ежели допуститъ и въ душѣ законы и формы, для чувственности—свои, для разума—свои: онѣ повторяли бы только себя. Ежели бы душа пришла въ движеніе, дѣйствованіе внутреннее: ни формы пространства ни времени, ни какъ не провели бы различныхъ цвѣтовъ, различныхъ звуковъ различныхъ вкусовъ, запаховъ. Отъ чего это происходитъ, что душа наша, сколько можемъ сознавать, такъ сказать, осязать себя, въ нѣкоторое время не имѣла этихъ разновидныхъ представленій? Восходя къ началу жизни нашей, по сознанію представляемъ необходимо, что не всегда имѣли мы разнообразныя представленія, а былъ и нѣкоторый моментъ въ жизни нашей, когда начались эти разнообразныя представленія; прежде того ихъ не было. Ежели бы душа только съ собою оставалась: на чемъ бы основывался переходъ ея изъ состоянія безсознательнаго, темнаго, о которомъ ничего не помнимъ, въ новое состояніе, гдѣ является разнообразіе чувственныхъ представленій? Чтобы не остаться безъ основанія, безъ причины, надобно представить, что подѣйствовало что нибудь на душу, привело ее къ тому состоянію, чтобы образовались въ ней разнообразныя представленія. Опять ежели бы душа только съ собою имѣла дѣло, не получала представленій отъ внѣшнихъ предметовъ: то какъ объяснить несвязность чувственныхъ представленій? Уже пришедши въ возрастъ, замѣчаемъ внезапные перерывы дѣятель-

ности; напр., я устремляю свое вниманіе на одинъ предметъ, когда пишу сочиненіе, проходитъ много минутъ, и между тѣмъ одинъ предметъ занимаетъ меня, мысли связно текутъ, доказательства къ одному предмету прибираются;—но вдругъ раздается какой нибудь трескъ, напр. ударъ грома, неимѣющій никакой связи съ тѣмъ, что я обдумывалъ. Въ слѣдствіе этого явленія я получаю чувственное представленіе. Какъ объяснить это изъ одной дѣятельности души? вся ея дѣятельность прежде устремлена была на одинъ предметъ мысленный—сочиненіе, и въ это долгое время прибирались представленія связныя;—вдругъ рождается во мнѣ представленіе, неимѣющее никакой связи съ прежними представленіями. Все это показываетъ, что чувственныя представленія не могутъ быть только порожденіемъ дѣятельности одной души, такъ чтобы не дѣйствовали при этомъ внѣшніе предметы. Почему я изъ состоянія одновиднаго, несознательнаго, гдѣ есть только nisus animae—стремленіе къ дѣятельности, изъ состоянія, въ которомъ никакого разнообразія нѣтъ, почему перехожу въ такое состояніе, гдѣ является разнообразіе представленій? Потомъ, какимъ образомъ, ежели я и принимаю различные законы и способности души, изъ этихъ простыхъ и немногихъ законовъ породилась пестрота чувственныхъ представленій? Въ прирожденныхъ душѣ способностяхъ, въ законахъ, въ нихъ находящихся, не можетъ быть такихъ частныхъ начертаній, каковы различные законы, различные цвѣта и пр. Далѣе — какимъ образомъ объяснилось бы это множество предметовъ. Ежели бы мы только изъ себя дѣйствовали: то не было бы тутъ насильственныхъ переходовъ отъ мыслей связныхъ къ представленіямъ несвязнымъ. Но мы часто усматриваемъ тогда, какъ воля устремилась дѣйствовать связно, чтобы мысли вести въ порядкѣ и одинаковости, дѣйствія ея внезапно воспящаются, и она получаетъ совсѣмъ невытекающія изъ прежнихъ представленій новыя представленія, которыхъ поэтому причина не должна быть единственно въ дѣятельности души.

Итакъ въ бытіи внѣшнихъ предметовъ убѣждаемся мы какъ непосредственно общимъ всѣмъ людямъ ощущеніемъ, такъ и посредственно, — чрезъ умозаключенія,—чрезъ восхожденіе отъ дѣйствій къ причинѣ.

Чрезъ восхожденіе отъ дѣйствій къ причинѣ—чрезъ умозаключеніе убѣждаемся мы въ бытіи многихъ такихъ предметовъ, которыхъ ни внѣшнія чувства, ни даже внутреннее не показываютъ, — увѣряемся въ бытіи предметовъ невидимыхъ, сверхчувственныхъ, каковы суть силы, законы, и средоточія тѣхъ и другихъ— собстанціи. Конечно, такъ какъ силы, законы и субстанціи невидимы, то внѣшними чувствами ихъ видѣть не можемъ. Итакъ какъ внутреннему чувству подлежитъ всегда измѣняемое,—перемѣны, происходящія въ душѣ нашей: то даже и внутреннее чувство не ощущаетъ этихъ сверхчувственныхъ причинъ, — силъ, законовъ, субстанцій. Но между тѣмъ не можемъ не признавать дѣйствительнаго ихъ бытія; иначе дѣйствія, усматриваемыя въ сознаніи, ни на чемъ держались бы, не было бы для нихъ основанія; мы приняли бы нѣчто существующее отъ ничего, a nihilo ortum. Исканіе причинъ или основаній есть всеобщая, всѣмъ людямъ прирожденная, потребность. Еще и въ младенческомъ возрастѣ, гдѣ мысль слабо дѣйствуетъ, только что начинаетъ развиваться, — на дѣтяхъ видимъ множество опытовъ, въ коихъ выражается потребность искать причины—дѣти, не какъ животныя, любопытствуютъ, спрашиваютъ старшихъ, отъ чего что и для чего? Это и есть выраженіе внутренней потребности—искать основанія вещей. И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая всѣ явленія и феномены чувства внѣшняго и внутренняго, находимъ, что ни одно изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ полноты бытія. Все держится, основывается одно на другомъ. Мы часто видимъ зависимость однихъ дѣйствій души нашей отъ другихъ; это ясно сознаемъ, когда напр. разсматриваемъ, какъ одно представленіе приводится въ бытіе, рождается изъ другаго представленія. Въ дѣятельности практической видимъ, что извѣстныя движенія нашего тѣла опредѣляются постоянно одинаковыми, соотвѣтствующими имъ желаніями души. Прежде рождаются въ душѣ желанія, потомъ въ соотвѣтствіе имъ происходятъ движенія въ тѣлѣ. Прежде хочу говорить, потомъ привожу въ движеніе органъ слова; прежде хочу смотрѣть, когда еще закрыты глаза, потомъ открываю ихъ и устремляю на предметы; прежде хочу идти, потомъ привожу въ движеніе ноги. Такъ движенія наружныя, какъ проявленія нашей дѣятельности душевной, не

сами отъ себя; по свидѣтельству сознанія, имъ предшествуютъ душевныя хотѣнія. Далѣе, разсматривая душевныя хотѣнія, опять доискиваемся до ихъ причинъ, и находимъ ихъ; желаемъ сроднаго, соотвѣтственнаго настроенности духа природной ли, или привычной, образованной нашею свободою, желаемъ того, что намъ нравится, и отвращаемся того, что не нравится, будетъ ли истинно или обманчиво чувство удовольствія; но обыкновенно самыя хотѣнія основываются, кромѣ свободы, на нѣкоторыхъ побужденіяхъ. Такъ и въ самыхъ хотѣніяхъ воли есть причинность. Что движенія за соотвѣтственными хотѣніями, хотѣнія за побужденіями, неслучайно послѣдуютъ во времени, это во власти нашей повѣрить. Повѣряется же это одинаковостію произведеній отъ одинакихъ причинъ. Ежели одно и тоже хотѣніе повторяется и въ другой, и въ десятый и въ сотый разъ, то сейчасъ въ слѣдъ за нимъ является въ тѣлѣ такое движеніе, которое и прежде происходило отъ этого же самаго хотѣнія. Отъ чего эта одинаковость, ежели не отъ того, что есть необходимая связь между хотѣніемъ и движеніемъ тѣла неслучайная, но необходимая, постоянная? Тоже постоянство, одинаковость находимъ, сравнивая побужденія хотѣній. Такъ въ одно время побужденіемъ къ какому нибудь желанію послужило то ожиданіе, что предпринимаемое мною произведеніе будетъ пріятно, такъ и въ другое время, такъ и всегда; всегда желаемъ въ произведеніяхъ своихъ того, что неразрушительнымъ образомъ дѣйствуетъ на насъ, а соотвѣтствуетъ нашей настроенности, что доставляетъ намъ удовольствіе. Но отыскивая такимъ образомъ, разсматривая въ самихъ себѣ причины наружной дѣятельности,—не можемъ остановиться на множествѣ хотѣній, на множествѣ частныхъ побужденій. Ежели отыщемъ и одно главное побужденіе, напримѣръ это желаніе удовольствія, обращаясь къ дѣйствіямъ познавательной нашей способности, найдемъ новыя причины для нихъ, новыя побужденія для образованія нашихъ познаній. Ежели мы находимся не въ страдательномъ положеніи, а сами произвольно построеваемъ мысли, то и эта самодѣятельная работа познавательной силы не будетъ безъ нѣкотораго постояннаго закона, безъ постоянной потребности, которою мы водимся при каждомъ повторяющемся умствен-

номъ дѣйствіи. Такая постоянная потребность, побужденіе къ построенію познаній есть стремленіе, познать истину;— никто не хочетъ умомъ своимъ трудиться для того, чтобы построить противорѣчущее—нелѣпое. Такъ по причинѣ множества и разнообразія нашихъ душевныхъ дѣйствій предполагаемъ и находимъ мы различныя причины, различныя основанія въ душѣ. Но хотя бы число ихъ было и гораздо ограниченнѣе и меньше, хотя бы мы возвели всѣ дѣйствія душевныя къ 3-мъ основаніямъ, къ тремъ кореннымъ способностямъ души: все здѣсь нельзя не видѣть множественности, на которой остановиться не можемъ; потому что внутри себя имѣемъ основаніе — искать одного при множествѣ дѣйствій и внутреннихъ причинъ; это основаніе есть познаніе единства нашего субъекта. Размышляю ли я, чувствую ли, хочу ли чего нибудь, вездѣ остаюсь я одинъ и тотъ же: дѣйствовалъ я прежде въ раннемъ возрастѣ жизни, или дѣйствую теперь, или дѣйствовать за 10 лѣтъ: сознаніе свидѣтельствуетъ одно: я тотъ же, который дѣйствовалъ въ младенчествѣ, и который дѣйствую теперь въ зрѣломъ возрастѣ; о единствѣ и тождествѣ моего субъекта свидѣтельствуетъ сознаніе не только тогда, какъ я дѣйствую въ различныя времена различными силами, и имѣю различныя дѣйствія, но оно противъ моей воли, хотя бы я того не хотѣлъ, увѣряетъ, что я одинъ и тотъ же, хотя дѣйствія мои противорѣчатъ однѣ другимъ, хотя бы дѣятельность предшествующая явно противорѣчила настоящимъ моимъ дѣйствіямъ. Такъ при ближайшемъ къ сознанію разсмотрѣніи собственной дѣятельности, необходимымъ находимъ — не останавливаться на произведеніяхъ, не теряться во множественности частныхъ дѣйствій души, но открывать общія причины ихъ, не такъ многочисленныя, и дотолѣ не успокоиваться, доколѣ не дойдемъ до сознанія одной причины, одной субстанціи, или такой силы, которой вся жизнь наша основывается и въ произведеніяхъ и въ частныхъ причинахъ.

Въ насъ самихъ это изысканіе причинъ и основаній дѣйствій и наконецъ одной причины, на которой и частныя причины и частныя дѣйствія основываются, такъ необходимо, что если бы мы отказались отъ этого, то погрѣшили бы противъ перваго закона мышленія—начала противорѣчія. Потому что, от-

казавшись принимать одно основаніе, одну причину и довольствуясь только множественностію дѣйствій, вмѣстѣ съ этимъ мы имѣли бы въ себѣ нѣчто противорѣчущее именно единство сознанія. Когда уже съ внутреннимъ нашимъ свидѣтельствомъ о множественности душевныхъ дѣйствій неразрывно соединено убѣжденіе въ бытіи одного субъекта, сознаніе единства: то принимать только множественность дѣйствій и не принимать вмѣстѣ съ тѣмъ одной причины, единой силы всей жизни—значитъ противорѣчить свидѣтельству своего сознанія. Чтобы не противорѣчить сознанію, намъ необходимо многія дѣйствія подводить подъ одно основаніе, хотя невидимое, но свидѣтельствуемое единствомъ сознанія, подъ единую причину дѣйствій,—субстанцію, безъ которой и многія причины и произведенія способности и дѣйствія ихъ немогли бы существовать. Такимъ образомъ разсматривая самихъ себя, находимъ, что не только феномены внутренняго чувства, — дѣйствія перемѣнчивыя дѣйствительно существуютъ, но и то, безъ чего они и быть не могли бы, — силы и средоточіе силъ — одна субстанція имѣетъ дѣйствительное бытіе; гдѣ есть силы, должны существовать и законы для нихъ, хотя бы мы ихъ сами въ простомъ бытіи и неощущали. Но потому же мы убѣждаемся въ ихъ дѣйствительномъ бытіи, что, разсматривая дѣйствія силъ, находимъ при всѣхъ ихъ измѣненіяхъ постоянство, при случайностяхъ необходимость. Такимъ образомъ посредствомъ восхожденія отъ произведеній къ причинамъ увѣряемся въ дѣйствительномъ бытіи субстанцій, силъ и законовъ въ вещахъ.

Наконецъ не можемъ не признать дѣйствительнаго бытія и того единаго Существа—Безконечнаго, которое для всѣхъ субстанцій, силъ и законовъ служитъ единымъ основаніемъ, единымъ началомъ. Здѣсь основаніемъ увѣренности нашей служитъ и непосредственное свидѣтельство ума, и подкрѣпляющее его посредственное восхожденіе отъ произведеній къ причинѣ—умозаключеніе. — Конечно ежели бы не было въ духѣ нашемъ прирожденнаго непосредственнаго свидѣтельства о бытіи Существа Безконечнаго: то чрезъ одно умозаключеніе отъ вещей конечныхъ мы не достигли бы до истиннаго понятія о Существѣ Безконечномъ, потому что отъ конечнаго къ Безконечному нѣтъ перехода. Такъ это и ви-

димъ на доказательствахъ бытія Божія, заимствуемыхъ не изъ идеи о Богѣ, а изъ разсмотрѣнія конечныхъ вещей. Такъ напримѣръ въ физикотеологическомъ доказательствѣ,—усматривая порядокъ вещей конечныхъ, порядокъ всеобщій, въ силу начала достаточнаго основанія убѣждаемся въ томъ, что долженъ быть единый виновникъ оного порядка. Но такъ какъ міръ весь конеченъ, и порядокъ его поэтому не будетъ безконечнымъ: то и слѣдствіе, на одномъ этомъ разсмотрѣніи основанное, будетъ то, что долженъ быть единый Виновникъ этого порядка, стройности всѣхъ частей міра и великихъ и малыхъ,—и только; а что виновникъ порядка въ мірѣ есть Существо Безконечное, неограниченное ни пространствомъ, ни временемъ, Существо столь всемогущее, что Оно изъ ничего можетъ привести въ бытіе, этой мысли нельзя еще вывести, какъ изъ своей посылки, изъ разсмотрѣнія всеобщаго порядка міра. Такъ и всѣ доказательства бытія Божія посредственныя, т. е. не непосредственно выводимыя изъ идеи о Существѣ Безконечномъ, будутъ вести къ понятію о Существѣ Величайшемъ, но не Безконечномъ. Между тѣмъ, по необходимости всѣ мы убѣждены въ бытіи Существа Безконечнаго; разсуждая о Немъ, находимъ, что Онъ долженъ быть Виновникомъ всего конечнаго. Откуда бы взялось такое размышленіе и убѣжденіе, ежели бы не было въ духѣ человѣческомъ непосредственнаго свидѣтельства о бытіи такого существа. Ежели бы этого свидѣтельства не было: то и размышлять мы не могли бы о Вѣчномъ, о Неизмѣримомъ, Всемогущемъ, Неограниченномъ и по духовнымъ совершенствамъ, по вѣдѣнію и благости и т. д.; мы представляли бы нѣчто величайшее, обширнѣйшее всего конечнаго, но не Безконечное. А какъ есть въ насъ непосредственное, прирожденное свидѣтельство о Существѣ Безконечномъ, dictamen rationis, то мы и прилагаемъ къ доказательствамъ изъ различныхъ сторонъ конечныхъ вещей характеръ безконечности. Даже это всеобщее начало мышленія—начало достаточной причины потому въ насъ есть, что прирождена духу нашему идея о Безконечномъ. Мы видимъ множество вещей зависимыхъ, которыхъ бытіе неполно и заимствовано,—начавшееся, (такъ и у себя сознаетъ и у внѣшнихъ предметовъ начало бытія) бытіе въ продолженіи своемъ

зависящее отъ бытія другихъ предметовъ, даже неуравненное съ возможностію внутренняго своего развитія, возрастающее. Почему мы такимъ бытіемъ и не довольствуемся, какъ животныя, ищемъ высшаго? потому что въ нашемъ духѣ есть идея о Существѣ, вмѣщающемъ въ себѣ полноту бытія. Она хотя еще не раскрыта, такъ сказать, въ борьбу входитъ съ этимъ раскрывающимся наблюденіемъ зависимости конечныхъ вещей, потому мы этою зависимостію не довольствуемся, потому и ищемъ причинъ; сначала мы обращаемся къ причинамъ ближайшимъ конечнымъ, зависимымъ, но на нихъ остановиться не можемъ, потому что въ нихъ нѣтъ полноты бытія, — и для всего конечнаго, для произведеній и причинъ конечныхъ необходимо признаемъ бытіе такого Существа, которое уже ни отъ кого не зависитъ, — бытіе причины самосущей, ничѣмъ неограниченной, Существа Безконечнаго. Такъ, когда есть уже въ умѣ нашемъ непосредственное убѣжденіе о Безконечномъ, о такомъ существѣ, въ которомъ вся полнота бытія, независимомъ, безъ предѣловъ; тогда естественно намъ — привязывать къ этой причинѣ и все прочее. Восходя отъ существъ конечныхъ, и не находя въ нихъ полной причины бытія, естественно намъ успокоиться на этой увѣренности, уже данной намъ, въ бытіи Безконечнаго. Итакъ не одно свидѣтельство чувства внутренняго, которому подлежитъ измѣненія духа нашего, но и непосредственное свидѣтельство ума о Безконечномъ и на немъ основывающаяся потребность разума восходить отъ произведеній къ причинамъ служатъ для насъ критеріями бытія существъ.

Общее понятіе бытія то, что бытіе есть дѣйствованіе силы, или силъ, внутреннее или внѣшнее. Гдѣ есть дѣйствованіе внутреннее и внѣшнее, тамъ есть бытіе. Справедливо Лейбницъ замѣчаетъ, что какъ съ понятіемъ возможнаго соединяется начало противорѣчія или тожества, такъ и съ понятіемъ дѣйствительно бывающаго или существующаго соединяется понятіе достаточнаго основанія—principium rationis sufficientis. Что заключаетъ въ себѣ внутри противорѣчіе, то и есть невозможное; возможное должно быть свободно отъ противорѣчія. Такъ начало противорѣчія простирается на всю область возможнаго; равно какъ и далѣе на всю область дѣйствительно существующаго — простирается начало достаточнаго

основанія. Что только дѣйствительно существуетъ, должно имѣть достаточное основаніе своего существованія. Въ самомъ дѣлѣ если касательно дѣйствительно существующаго не принять этого закона: то вовсе нельзя было бы и мыслить о дѣйствительномъ; въ мысль о дѣйствительномъ вводилось бы противорѣчіе. Мы представляли бы множество вещей дѣйствительныхъ, существующихъ подлинно, но отвергали бы причинныя ихъ соотношенія, внутри каждой вещи и во внѣшнихъ ея отношеніяхъ, отвергали бы зависимость и связь между вещами, слѣдовательно допускали бы множество вещей несвязныхъ.

Обратимъ ли вниманіе на вещи ближайшія, подлежащія опыту нашему: въ нихъ не видимъ полноты бытія; посмотримъ ли на дѣйствія души, на феномены сознанія, и на производящія ихъ внѣшнія феномены: усматриваемъ, что здѣсь также нѣтъ полноты бытія, въ нихъ бытіе измѣняющееся, зависимое, начинающееся и переходящее въ новые виды, и у многихъ вещей прекращающееся. Такъ, не принимая достаточной причины, мы приняли бы множество вещей, внутреннему и внѣшнему опыту подлежащихъ, — несвязныхъ; каждая изъ нихъ случайна, не самобытна, да и внѣ ихъ нѣтъ подпоры, поддержанія, на которомъ бы несамобытное держалось. Это значитъ — основывать бытіе на началѣ. Основывать же бытіе на началѣ, связывать въ одно сужденіе два совершенно противорѣчущія понятія, т. е. существующее и ничто—значитъ нарушать первый законъ мышленія—начало противорѣчія. По этому закону не могутъ быть приписываемы одному и тому же вмѣстѣ противорѣчущіе признаки. А *быть* и *не быть*, *сущее* и *ничто* — суть понятія противорѣчущія. Итакъ все существующее 1) конечное, измѣняемое, несамобытное, зависимое, —необходимо должно имѣть достаточное основаніе бытія своего. Но 2) кромѣ конечнаго, несамобытнаго дѣйствительно существуетъ самобытное Существо—Ens a se: итакъ, ежели начало достаточнаго основанія относится вообще къ дѣйствительно существующему: то спрашивается: можно ли относить его къ тому Существу, которому причины нѣтъ? И къ такому Существу имѣетъ приложеніе начало достаточной причины; для Него нѣтъ внѣшней причины; и никакая внѣшняя причина не дѣй-

ствовала и не дѣйствуетъ на Существо самобытное и Его дѣйствія. Но Оно само въ себѣ заключаетъ основаніе своего бытія и дѣйствій. И въ Существѣ Высочайшемъ должно различать проявленіе сущности и Его сущность. Высочайшее Существо дѣйствуетъ: что же сказать объ Его дѣйствіяхъ? то ли, что Его дѣйствія не имѣютъ для себя никакой причины, никакого основанія?—но это было бы несправедливо. Тогда можно бы было принимать ту нечестивую мысль, что дѣйствія Высочайшаго Существа не въ связи съ Его совершенствами, не основываются на Его совершенствахъ; дѣйствія Его чисто произвольныя, безъ основанія. Но такое понятіе было бы нечестиво. Всѣ безчисленно многія дѣйствія Существа самобытнаго имѣютъ совершенное согласіе съ Его свойствами, съ Его совершенствами; противорѣчущаго въ Немъ ничего нѣтъ. Возмемъ ли внѣшнія дѣла Его, дѣла творенія и промышленія: не погрѣшая противъ закона противорѣчія, никакъ не можемъ допустить, чтобы какое нибудь изъ сихъ дѣйствій не было согласно съ Его совершенствами, съ Его Премудростію, Благостію; всякое частное дѣйствіе согласно съ вѣчными Его совершенствами. Значитъ, есть связь дѣйствій съ основаніемъ, проявленія силъ съ вѣчными законами силъ. Вѣчный законъ тотъ, что Богъ, какъ Благій не можетъ производить ничего злаго. Этотъ законъ выражается во всѣхъ частныхъ Его дѣйствіяхъ. Это значитъ, что есть въ частныхъ Его дѣйствіяхъ связь, согласіе съ вѣчными законами силъ, Его совершенствъ, слѣдовательно въ Богѣ не безосновность, а есть основаніе. Посмотримъ ли на бытіе Высочайшаго Существа: это уже очевидно и по разуму, что Его совершенства какъ и Его дѣйствія, не зависятъ ни отъ чего внѣшняго, но Онъ самъ въ себѣ носитъ основаніе бытія своего. Какъ понимать это, что и въ самобытномъ есть основаніе бытія Его, на это удовлетворительный отвѣтъ даетъ откровеніе, на основаніи котораго одинъ изъ великихъ учителей Церкви (Аѳанасій) сказалъ: Πατηρ ριζα εστι θεοτητος. Такимъ образомъ законъ достаточнаго основанія простирается на все дѣйствительно существующее. Ежели его не принять: то надлежало бы отвергнуть и тотъ первый законъ—законъ противорѣчія. Ибо, не принимая principium rationis sufficientis, надлежало бы предположить, что нѣчто существующее

отъ ничего бываетъ,—соединить въ одномъ сужденіи и бытіе и ничто.—Основаніемъ къ принятію дѣйствительнаго бытія въ насъ самихъ служитъ или опытъ внѣшній и внутренній, или умозаключеніе,—восхожденіе отъ произведеній къ къ причинамъ, или непосредственное свидѣтельство идей ума. Во всемъ этомъ есть необходимость. Не отъ нашей воли зависитъ, когда что нибудь внутри насъ открывается внутреннему чувству, или когда что нибудь отвнѣ на насъ дѣйствуетъ, не отъ насъ зависитъ принимать и не принимать это, хотя бы мы и не хотѣли, но должны принимать. Равнымъ образомъ не въ нашей власти состоитъ изгладить въ себѣ непосредственное свидѣтельство ума о бытіи Существа Безконечнаго; не въ нашей же власти изгладить въ себѣ законъ достаточной причины, который во всѣхъ людяхъ дѣйствуетъ, и обнаруживается даже не въ зрѣломъ состояніи—еще въ младенчествѣ. Такъ всѣмъ этимъ тремъ основаніямъ убѣжденія нашего о бытіи дѣйствительномъ—и опыту и свидѣтельству ума и посредственному восхожденію отъ того, что опытомъ познается,—отъ произведеній къ причинамъ—присуща необходимость. Потому справедливо ихъ принимать за *критеріи бытія*.

Еще есть видъ категоріи бытія—мысль о *необходимомъ*. 1) Возможное есть то, что не заключаетъ въ себѣ противорѣчія, но оно можетъ еще и не дѣйствовать, не обнаруживать себя въ дѣйствіяхъ. 2) Дѣйствительное—existens—существующее—то, что обнаруживаетъ себя въ дѣйствіяхъ внѣшнихъ или внутреннихъ. 3) Необходимое—есть такое бытіе, гдѣ предметъ не можетъ не быть: necessarium est id, quod non esse, aut alias esse non potest.—Противоположно необходимому случайное. Случайное есть то, что можетъ и быть и не быть, и иначе быть; quod tam esse, quam non esse, imo etiam alias esse potest.

Различны степени необходимости. Necessitas est vel absoluta vel hypothetica. Necessitas absoluta enti adscribitur, cum ejus oppositum per se est impossibile. Necessitas hypothetica est cum entis oppositum sub certis conditionibus possibile est.—Въ отрѣшенной необходимости никакія сторонніе условія не принимаются въ соображеніе. Отрѣшенно необходимое—то существо, которое ни въ какомъ отношеніи, ни въ

какомъ разсмотрѣніи не можетъ не быть. Условная необходимость (conditionata, hypothetica necessitas) есть нѣчто такое, что не можетъ не быть при извѣстныхъ условіяхъ, предположеніяхъ. Въ первомъ смыслѣ—отрѣшенная необходимость принадлежитъ одному только Существу Безконечному; ни въ какомъ разсмотрѣніи нельзя представить, чтобы Оно не было. Въ Немъ и сущность и бытіе неразрывны. Условная необходимость предполагаетъ внѣ себя нѣкоторыя условія, при которыхъ предметъ не быть, или иначе быть не можетъ. Такъ необходимость условная принадлежитъ напримѣръ законамъ бытія, — законамъ математическимъ; необходимо, чтобы 2 и 3 составляли 5; необходимо, чтобы въ трехъугольникѣ три угла, вмѣстѣ взятые, равны были двумъ прямымъ угламъ. Но при всѣхъ этихъ положеніяхъ есть нѣкоторое предположеніе, условіе - то, если только субъектъ приведенъ будетъ въ бытіе, то предикаты уже необходимо съ нимъ связываются. Ежели только приведены будутъ въ бытіе числа: 2—3: то въ связи ихъ необходимо и цѣлое, изъ нихъ состоящее—5; или какъ Декартъ объясняетъ гипотетическую необходимость: если будетъ гора, то будетъ и долина, одно оругимъ опредѣляется, и въ неразрывной связи поставляется, безъ горы и долины не будетъ. Но очень можетъ быть и то, что условія или предположенія представляемыя и не существуютъ, и никогда не будутъ существовать. Когда есть трехъугольникъ, то необходимо, чтобы три угла его, вмѣстѣ взятые равны были 2-мъ прямымъ; но очень возможно, чтобы и не существовалъ трехъугольникъ; доколѣ не существовало пространство, и трехъугольника не было. Но когда субъектъ представляется истинно существующимъ, что необходимо вмѣстѣ съ этимъ представлять и предикаты, существенно ему принадлежащіе. Предикатовъ можетъ быть и много; между ними и случайные, т. е. которые могутъ быть и не быть. Такъ человѣкъ можетъ быть и богатымъ и бѣднымъ, и добродѣтельнымъ и порочнымъ, и умнымъ и глупымъ. Всѣ эти принадлежности: быть богатымъ или бѣднымъ и пр,—случайныя принадлежности, которыя могутъ быть и не быть; и безъ нихъ человѣкъ останется человѣкомъ. Но есть и необходимые признаки или принадлежности этого существа—

это разумъ и свободная воля. Это уже такіе признаки, безъ которыхъ самое понятіе человѣка разрушается, не можетъ человѣкъ не быть разумнымъ и свободнымъ, вотъ необходимость условная, впрочемъ; все еще тутъ предполагается то условіе: ежели приведенъ въ бытіе человѣкъ; а можетъ быть, что онъ и не приведенъ въ бытіе; проходили вѣка, когда человѣка и не было. Такъ различіе между необходимостію отрѣшенною и условною въ томъ состоитъ, что по первой во всякомъ случаѣ, во всякомъ разсмотрѣніи невозможно, чтобы не существовалъ представляемый субъектъ; условная необходимость, гдѣ при извѣстныхъ предположеніяхъ или условіяхъ необходима связь субъекта съ предикатами.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію понятій возможнаго, дѣйствительнаго и необходимаго, и посмотримъ, какія положенія имѣютъ силу отъ каждаго изъ этихъ понятій, разсматриваемыхъ самихъ въ себѣ и во взаимномъ отношеніи одного къ другому. Понятіе безусловнаго или отрѣшенаго прилагается и къ понятію возможнаго. И возможный предметъ можетъ быть или отрѣшенно возможнымъ, или условно возможнымъ. Что не только не заключаетъ въ себѣ противорѣчія, но и внутри самого себя заключаетъ это могущество, чтобы быть, въ силахъ своихъ заключаетъ уже основаніе дѣйствительнаго своего бытія, то отрѣшенно—безусловно возможно; и напротивъ безусловно невозможное есть то, quod in se in sua natura involvit contradictionem. Hypothetica possibilitas est id, cujus existentia sub certis conditionibus repuquantiam non continet.

Возможное то, что не заключаетъ въ себѣ противорѣчія; не возможное то, что заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Это опредѣленіе выражается и въ самомъ законѣ противорѣчія. Невозможно то, чтобы одно и тоже вмѣстѣ и было и не было. Свойство мышленія нашего — связывать многое въ единство сознанія: какъ же связать въ единство сознанія такіе два момента, которые разрушаютъ и уничтожаютъ другъ друга: est et non est. 2) Отъ возможности логической нельзя заключать къ возможности реальной. Многое возможно логически — въ умственныхъ представленіяхъ, но оно можетъ еще оставаться только

въ умственныхъ представленіяхъ, доколѣ еще неизвѣстно, есть ли въ этомъ умственно представляемомъ субъектѣ дѣйствующія силы, — дѣйствіе силъ. Можемъ себѣ представить, безъ противорѣчія такой предметъ, которому въ опытѣ ничего соотвѣтствующаго еще не видали, и можетъ быть этого и не будетъ въ опытѣ; такъ это только логическая возможность. Можемъ представить себѣ такую многоочертанную фигуру, такой многоугольникъ, которому соотвѣтствующаго чувственнаго предмета опытъ не показываетъ, и при томъ можемъ разсуждать объ этомъ многоугольникѣ, опредѣлять его по числу угловъ и другимъ свойствамъ, что требуется, дабы не было противорѣчія въ этомъ представляемомъ предметѣ, при чемъ онъ былъ бы возможенъ. Это будетъ только логическое построеніе, которому возможность есть, потому что въ немъ противорѣчіе не заключается; а въ натурѣ есть ли чувственный предметъ соотвѣтствующій 900-угольнику, этого опытъ не показываетъ. Происхожденіе (γενεσις) фигуръ зависитъ отъ нашей производительной фантазіи; такъ мы видимъ весь объемъ построеваемой нами какой нибудь фигуры и всѣ ея принадлежности; тутъ мы можемъ рѣшительно заключать отъ невозможности и возможности въ нашихъ представленіяхъ, когда они правильны, къ самому опыту; хотя бы и не видѣли въ опытѣ предмета, напередъ можемъ говорить, что невозможно бытіе такого то предмета, или возможно; хотя бы и не-видѣли 20-угольника, но напередъ уже можемъ сказать; невозможно, чтобы въ немъ было 40 сторонъ; потому что напередъ видимъ противорѣчіе въ двухъ этихъ связываемыхъ понятіяхъ количества сторонъ или угловъ. Но не всѣ же предметы такъ вполнѣ нами осмотрѣны, какъ математическія фигуры. Мало ли есть такихъ и во внѣшней, и во внутренней нашей природѣ силъ, которыя не дознаны еще нами, но со временемъ открываются? Мы были бы опрометчивы въ заключеніи, когда,—не осмотрѣвши всѣхъ силъ въ предметѣ, напередъ стали бы утверждать невозможность его. И эту опрометчивость часто допускали философы въ своихъ сужденіяхъ. Напримѣръ, разсматривая условія нашихъ чувственныхъ представленій, признавая необходимымъ дѣйствованіе внѣшнихъ предметовъ на чувственныя представленія, нѣкоторыя утверждали, что невозможно человѣку

видѣть что нибудь дѣйствительное съ закрытыми чувствами, воображаемое онъ можетъ видѣть въ себѣ, сколько угодно, но дѣйствительныхъ внѣшнихъ предметовъ онъ не можетъ видѣть при закрытомъ, напримѣръ, чувствѣ зрѣнія. Послѣ представились опыты такого рода, что съ закрытыми чувствами въ магнетическомъ состояніи люди видѣли отдаленное отъ нихъ и неосмотрѣнное внѣшними чувствами. Значитъ прежнее положеніе касательно невозможности видѣть дѣйствительные предметы съ закрытыми чувствами — было опрометчиво. Такъ о чудесахъ многіе осмѣливались говорить, что онѣ невозможны; потому что было тутъ противорѣчіе законамъ природы. Между тѣмъ опытъ давно показалъ дѣйствительное бытіе чудесъ. Слѣдовательно была поспѣшность въ умозаключеніи; не всѣ были осмотрѣны условія возможности чудесъ, и только по усмотрѣніи извѣстныхъ условій поспѣшно сдѣлали заключеніе къ невозможности чудесныхъ дѣйствій вопреки свидѣтельству опыта.

Касательно дѣйствительнаго бытія надобно замѣтить слѣдующее 1) ab esse ad posse valet consequentia et a non—posse ad non esse, et a non—esse ad non—posse non valet consequentia. —Не все возможное дѣйствительно, но все дѣствительное возможно. На оборотъ невозможное и на самомъ дѣлѣ быть не можетъ. Объемъ одного понятія обширнѣе объема другаго понятія;—объемъ понятія возможности обширнѣе, нежели объемъ понятія дѣйствительнаго бытія; — на этомъ основываются всѣ тѣ четыре положенія.

2) Все дѣйствительно существующее должно имѣть опредѣленный образъ бытія; только это не надобно простираться на accidentalia, adventitia, contingentia, non ad essentialia.

3) Велико ли, кратко ли продолженіе бытія; но коль скоро оно есть дѣйствительное бытіе, должно имѣть и продолженіе бытія, или продолженіе вѣчное, или продолженіе временное, изъ нѣсколькихъ мгновеній составленное.

Omne existens a repugnantia liberum esse debet; sed quid quid impossibile est, id etiam existere non potest. Ab esse ad posse valet consequentia, et a non posse ad non esse item valet consequentia; a posse ad esse non valet consequentia. Есть одинъ только случай, составляющій исключеніе изъ этого положенія: a posse ad esse valet conse-

quentia,—это бытіе Существа Безконечнаго. Если возможность такого Существа уже уяснена и доказана: то бытіе необходимо уже предполагается. Потому что самое понятіе возможности вводитъ и тотъ признанъ, чтобы Ему существовать вѣчно; ежели этотъ признакъ не будетъ введенъ; ежели не принять, что онъ кореннымъ образомъ неразлучно связанъ съ понятіемъ сущности и возможности Существа Безконечнаго: такъ самое понятіе сущности и возможности Его не будетъ истиннымъ. Въ первоначальномъ составѣ этого понятія сущность и бытіе соединены, сущность, какъ совокупность силъ и совершенствъ, и бытіе соединено съ этимъ неразлучно, безъ этого нѣтъ и возможности Существа Безконечнаго. Такъ Лейбницъ замѣчалъ, что при доказательствахъ бытія Божія главное-доказать возможность Существа Безконечнаго т. е. что въ этомъ понятіи о Существѣ Безконечномъ нѣтъ противорѣчія; когда это доказано, то съ этимъ неразлучно соединяется понятіе бытія;—отъ возможности къ бытію тутъ непостредственное заключеніе.

Но существа ограниченныя поставлены въ многоразличной зависимости отъ другихъ существъ и отъ внутреннихъ своихъ предѣловъ—или ограниченія для проявленія силъ. Такимъ образомъ въ нихъ не уравнена возможность съ бытіемъ. Возможность ихъ удобомыслима и тогда, когда еще другіе предметы, отъ которыхъ онѣ зависятъ, не даютъ имъ придти въ дѣйствительное бытіе — когда другія условія задерживаютъ перехожденіе возможности ихъ въ дѣйствительность,—а главное изъ этихъ условій воля Существа Безконечнаго, которая полагаетъ тотъ терминъ, когда должна придти въ бытіе возможность существа. За этимъ слѣдуетъ и второй признакъ, которымъ условливается дѣйствительное бытіе вещей ограниченныхъ; такъ въ произведеніяхъ человѣческихъ должно различать состояніе ихъ возможности, когда существуетъ уже сила, могущая ихъ произвести, а произведенія еще нѣтъ, — это состояніе возможности; и потомъ второе состояніе дѣйствительнаго бытія, когда та сила начинаетъ опредѣленно дѣйствовать къ произведенію такого или другаго дѣла. Такъ возможность обширнѣе дѣйствительности для всѣхъ конечныхъ существъ; и потому она можетъ быть удобомыслима, тогда какъ нѣтъ ея выраженія въ дѣйстви-

тельности. Поэтому a posse ad esse consequentia non valet—А также ad non esse ad non posse non valet consequentia; опять по той же причинѣ, что понятіе возможности обширнѣе понятія дѣйствительнаго существованія бытій ограниченныхъ.

2, Existens debet esse determinatum quoad essentiallia. Determinatum здѣсь не то значитъ, что limitatum—конечное, ограниченное, а мысленно опредѣленное, такъ что это положеніе можетъ быть отнесено и къ Существу Безпредѣльному. Никакой другой умъ опредѣлить Его не можетъ; но собственный вѣчный Его умъ, какъ сознающій себя отъ вѣка, видитъ всю сущность, и что наполняетъ ее, видитъ во всей полнотѣ; слѣд. и тутъ есть своего рода determinatio per conscientiam, per Mentem Aeternam. Какъ безконечны могущество Его, дѣйствованіе Его, такъ и безконечный—вѣчный умъ его—одно съ другимъ уравнено; иначе представилось бы раздвоеніе Существа Безконечнаго; когда бы Оно само для себя не было постижимо, объято своимъ умомъ, могущество Его было бы обширнѣе Его самосознанія;—а это не возможно, это значитъ вводить Его въ предѣлы. Такъ existens quoad essentialia praedicata determinatum не означаетъ конечности, а означаетъ мысленное опредѣленіе, такое познаніе всего въ существѣ, которое постоянно, твердо, вмѣщаетъ въ себѣ все существенное, принадлежащее вещи или существу, и тѣмъ отличаетъ его отъ другихъ предметовъ. Есть нѣчто такое, чего и въ Безконечномъ нѣтъ, отрицаніе благости, зло; мысленное вѣдѣніе того, что Богъ безконечно благъ, и потому совершенно отличается отъ всего злаго, и никогда не можетъ вмѣщать въ себѣ зла, и дѣйствовать какъ существо злое, это мысленное его о себѣ сознаніе и есть то, что здѣсь называется determinatio, но не limitatio. Всѣ качества въ существахъ конечныхъ, въ которыхъ есть limitatio, всѣ въ мысляхъ создавшаго ихъ имѣютъ уже опредѣленный характеръ, которымъ одно существо отъ другихъ отличается, и даже въ умѣ сотворенныхъ существъ познаются такъ опредѣлительно, что отличаемы бываютъ чрезъ эти качества отъ всѣхъ извѣстныхъ прочихъ существъ.

3. Omne existens durare sive existentiam suam continuare debet, alias enim dicere non possemus quod existat.

Разность въ длинномъ и краткомъ продолженіи; но продолженіе, каково бы оно ни было, длинно ли, кратко ли, должно существенно приличествовать дѣйствительно сущему или бывающему,— безконечному вѣчное продолженіе, т. е. безначальное и нескончаемое, конечнымъ существамъ начинающееся, и высшимъ изъ нихъ непрестающее, другимъ начинающееся и преходящее.

4) Omne existens rationem sui sufficientem habere debet vel in se, vel in alio. Первое—in se habere rationem sui sufficientem—принадлежитъ одному Существу Безконечному; второе—существамъ конечнымъ,—они имѣютъ достаточное основаніе бытія своего не въ себѣ, а въ другихъ существахъ, и послѣднее основаніе имѣютъ въ Существѣ Самобытномъ. Но достаточное основаніе для своихъ дѣйствій имѣютъ и въ себѣ, заключая въ себѣ субстанцію и силы, принадлежащія ей. Ежели не простирать этого положенія на дѣйствительно существующія вещи: то нарушился бы необходимый всѣми сознаваемый всеобщій законъ мышленія.—Невидя въ нихъ самосущности (иное — самостоятельность substantia), иное — самосущность, самобытность — (esse a se) не видя этого, потому самому, что видимъ начало бытія этихъ существъ, слѣдовательно бытіе не отъ себя, а отъ другихъ, необходимо побуждаемся принадлежащимъ намъ внутреннимъ закономъ — спрашивать: откуда же онѣ? Это примѣромъ поясняется. Мы существуемъ, съ нѣкотораго времени, помнимъ начало нашей дѣятельности, а того не сознаемъ, чтобы дѣятельность эта была безначальна; смотря на подобныхъ намъ, видимъ начало ихъ жизни и дѣятельности, а прежде бытія этихъ существъ не видѣли: откуда же онѣ? отъ родителей. Откуда родители? отъ своихъ родителей. И если все такъ будемъ отвѣчать, что существа отъ конечныхъ, конечныя причины отъ другихъ конечныхъ, другія отъ третьихъ, и не захотѣли бы остановиться на Существѣ Самобытномъ, которому причины нѣтъ, которое основаніе своего бытія только въ самомъ себѣ заключаетъ: то и будетъ regressus causarum in infinitum, какой въ системахъ философовъ, принимавшихъ вѣчность міра, — понятіе носящее въ себѣ самомъ противорѣчіе. Въ этомъ понятіи de regressu causarum in infinitum

безпрестанное отверженіе требованій закона достаточной причины; указываются причины не полныя, которыя сами вмѣстѣ суть произведенія, такимъ образомъ не удовлетворяющія требованіямъ прирожденнаго закона, не суть достаточныя основанія; и это основаніе отсылка причинъ къ причинамъ должно идти въ безконечность. Что это значитъ? значитъ совершенно не давать отвѣта на вопросъ, необходимо предлагаемый по силѣ разумной нашей природы,—давать такой отвѣтъ, который въ самомъ себѣ заключаетъ противорѣчіе. То говорится о безконечномъ рядѣ, которому начала нѣтъ, а рядъ этотъ составляютъ существа конечныя, причины конечныя; но изъ конечныхъ частей цѣлое безконечное ни какъ составлено быть не можетъ. Говорить, что рядъ конечныхъ причинъ безконеченъ, — значитъ допустить въ самомъ этомъ объясненія противорѣчіе, составлять изъ множества конечныхъ звеньевъ цѣпь безконечную. Но какъ бы ни увеличиваемо было это множество, изъ конечныхъ частей безконечное цѣлое не можетъ быть составлено. Итакъ, какъ бы ни продолжали этотъ рядъ, должны остановиться на такомъ Существѣ, которое далѣе себя не предполагаетъ причины, которое основаніе бытія своего и дѣйствованія только въ самомъ себѣ заключаетъ, которое отъ себя, чрезъ себя—въ полной независимости существуетъ, въ себѣ самомъ полноту бытія вмѣщаетъ. Если бы мы не остановились на томъ Существѣ, если бы приняли regressum causarum in infinitum: то производили бы что нибудь отъ ничего.

Даже въ матеріальныхъ вещахъ можно видѣть разныя степени бытія. Одно менѣе, другое болѣе прочно; и грубое осязаемое въ матеріальныхъ вещахъ имѣетъ низшій степень бытія, нежели тончайшее что нибудь матеріальное; потому что перемѣны въ грубыхъ матеріальныхъ вещахъ производятся не ими самими, а тончайшими стихіями, и главнымъ образомъ силами, которыя заключаются въ нихъ. Тѣмъ вещь тоньше, чѣмъ ближе къ духовности, потомъ чѣмъ духовнѣе, тѣмъ она высшій степень дѣйствительнаго бытія имѣетъ; и объ этомъ судить можно и по продолжительности, и по могуществу. Грубое въ матеріальномъ зависитъ отъ дѣйствій могущества того, что тоньше; огонь хотя матеріальная стихія, но тоньше

грубыхъ веществъ, и великую имѣетъ силу и на оживленіе и на разрушеніе; огонь невидимый не какъ пламя, иначе сказать теплотворъ, напримѣръ, огонь солнечный имѣетъ великую силу на поддержаніе бытія вещей. Огонь земной видимый имѣетъ великую силу на разрушеніе вещей матеріальныхъ. Тѣмъ болѣе то, что выше, тоньше матеріальнаго, духовное, простое, субстанціи заключаютъ еще высшій степень бытія. Ибо и силы, дѣйствующія въ матеріальной природѣ, держатся на нихъ, какъ на своихъ началахъ; и продолжительность имъ принадлежитъ большая, нежели случайнымъ принадлежностямъ, которыя ихъ окружаютъ, и матеріальнымъ предметамъ, на которые силы дѣйствуютъ.—Скажутъ: самое продолжительнѣйшее въ матеріальной природѣ есть самое грубое, напримѣръ каменныя горы. Но слѣдуетъ спросить: отъ чего продолжительность эта зависитъ, отъ матеріи ли, или отъ силъ? конечно отъ равновѣсія силъ. Доколѣ равновѣсіе силъ продолжается, дотолѣ матеріальныя частицы составляютъ огромное матеріальное тѣло, хотя другъ съ другомъ борятся, другъ противъ друга направлены, упираются другъ въ друга, но доколѣ равновѣсіе силъ есть, дотолѣ частицы, составляющія тѣло, твердо держатся,

Теперь нужно замѣтить нѣсколько положеній, относящихся къ категоріи необходимаго. Есть разные виды необходимости: necessitas, absoluta et necessitas hypothetica, necessitas physica et moralis. Necessitas absoluta enti adscribitur, cum ejus oppositum per se impossibile est, — безъ всякаго условія. Такая необходимость принадлежитъ одному Существу Безконечному. Necessitas hypothetica adest, cum entis seu alicujus entis praedicati oppositum sub certis tantum conditionibus impossibile est. Одно изъ наиболѣе общихъ условій — то, si modo existat subjectum, necesse est, ut et alia praedicata ejus adsint. Necessitas physica obtinet, cum entis alicujus oppositum secundum leges naturae materialis impossibile est. Очевидно и эта необходимость не абсолютная,а условная; такъ какъ самое бытіе міра видимаго, натуры внѣшней есть условное. Necessitas moralis existit, cum actionis alicujus liberae oppositum secundum leges voluntatis impossibile est. De necessitate hae positiones sunt obsservanda. Quod absolute necessarium est, hypothetice necessarium nun-

quam esse potest. Въ самомъ понятіи будетъ противорѣчіе; когда безусловно необходимо существо, то никакія условія мѣста тутъ имѣть не могутъ. Quod physice necessarium est, non propterea moraliter necessarium esse potest.

Ens absolute necessarium existit et rationem existentiae sui in se ipso habere debet, ни отъ какихъ условій незасивитъ: то въ самомъ себѣ только и содержитъ основаніе бытія своего и дѣйствованія, — Ens contingens est in sua existentia essentialiter dependens ab alio; — est itaque tantum hypothetice necessarium, можетъ быть и не быть; слѣдовательно въ самомъ себѣ не заключаетъ необходимаго основанія бытія своего, зависитъ отъ другаго. Omne, quod in ente necessarium est, est etiam in ente constans, sed non omne constans, necessarium est constans, itaque determinatio permanens, non tamen necessarium.

О субстанціи.

Послѣ общихъ объясненій бытія въ трехъ его видахъ— возможнаго, дѣйствительнаго, необходимаго, первый слѣдуетъ вопросъ: кто или что? Прежде разсужденія о качествѣ, или о количествѣ, или объ отношеніи существа, въ бытіи поставленнаго, первый вопросъ слѣдуетъ: что это такое? такъ какъ и въ логическомъ мышленіи первый вопросъ о субъектѣ, потомъ уже о предикатахъ его. Предикаты держатся на субъектѣ, принадлежатъ ему; самый же субъектъ и въ логическомъ мышленіи не можетъ быть уже никогда предикатомъ въ одномъ и томъ же предложеніи; въ каждомъ предложеніи субъектъ есть первое, а второе то, что ему приличествуетъ. Такъ и въ рядѣ вещей, дѣйствительно существующихъ, прежде всего нужно отыскать субъектъ, потомъ опредѣлять его качества, количество, отношеніе. Такой субъектъ, который уже не есть предикатъ другаго существа, называется у философовъ *субстанціею*. — Substantia est ultimum subjectum praedicatorum entis perdurans, cui praedicata inhaerent, quod autem ipsum praedicatum entis cujusdam alterius esse nequit. Esse substantiae reale vocatur subsistentia; esse accidentium et determinationum substantiae inhaerentium inhaerentia audit.

Руководясь чувствомъ внѣшнимъ, и внутреннимъ, прежде

всего познаемъ множество случайныхъ принадлежностей, видоизмѣняющихся явленій, но не можемъ на нихъ остановиться, когда обратимся къ требованіямъ разума; для измѣняемаго необходимо нѣчто постоянное, неизмѣняемое, продолжительное, на чемъ измѣненія держатся. Въ феноменахъ, въ этихъ измѣняемыхъ видахъ бытія,—представляющихся нашему чувству, нѣтъ постоянства, въ нихъ бытіе непрестанно ограничивается не бытіемъ, явленія показываются, предстаютъ предъ наблюдателя на большее или меньшее время; впрочемъ, въ совершенно одинаковомъ видѣ не могутъ долго держаться, тотчасъ уже явленіе по закону времени подвергается перемѣнамъ, — или возрастанію или умаленію; тутъ безпрестанное измѣненіе, ограниченіе бытія небытіемъ; такія измѣненія не могутъ быть допущены, по закону достаточнаго основанія, безъ прочнаго, постояннаго начала, на которомъ бы они держались. Такое внутреннее, прочное и продолжительное (perdûrans) начало, на коемъ держатся эти измѣненія и силы, ихъ производящія, многія силы и начала постоянныя и называются субстанціею.—

Нельзя не замѣтить и въ измѣненіяхъ однообразія, одинаковыхъ законовъ, по которымъ повторяются измѣненія. Всего ближе усматриваемъ это надъ нами самими,—дѣйствія безпрестанно измѣняются, но когда сравниваемъ ихъ между собою въ разныя времена нашей жизни, то усматриваемъ постоянный характеръ тѣхъ или другихъ дѣйствій, подчиненіе ихъ постоянному закону; не такъ съ нами бываетъ, чтобы въ жизни нашей нѣчто появлялось совершенно новое, съ прежнимъ совершенно несходное, напротивъ повторяются дѣйствія сходныя. Отъ чего сходство это зависитъ? ежели бы не было внутренняго основанія, или основаній постоянныхъ: то не напечатлѣвался бы характеръ однообразія на нашихъ разнообразныхъ дѣйствіяхъ и обнаруженіяхъ. Всегда есть нѣчто общее у мыслей съ мыслями, у желаній съ желаніями, у чувствованій съ чувствованіями; это общее на томъ основывается, что есть общія силы, которыми производятся эти измѣненія, повторяющія и выражающія, впрочемъ, одинаковый характеръ дѣйствія. Но когда дойдемъ до немногихъ внутреннихъ основаній—силъ: все еще онѣ не будутъ одно; все еще нѣсколько силъ; на

этомъ не можемъ остановиться, потому что по внутреннему своему сознанію отличаемъ силы отъ своего—*я*, отличаемъ, какъ принадлежности, какъ сказуемое одного субъекта, которому всѣ онѣ сознаніемъ нашимъ приписываются. Иное—сила мышленія, иное—сила желанія; но при томъ и другомъ постоянно сознаю я себя дѣйствующимъ; *я* въ то время размышлялъ, и теперь *я* же размышляю, *я* желалъ и опять желаю; при многихъ силахъ остается одно—*я*; въ разное время, при разныхъ возрастахъ, при разныхъ раскрытіяхъ все остается одно—*я*. Ближе всего въ самихъ себѣ усматриваемъ единство внутренняго начала жизни. Такъ и во внѣшнихъ предметахъ, замѣчая что нибудь какъ цѣлое органическое, продолжающееся нѣсколько времени, замѣчая въ немъ среди всего разнобразія измѣненій одинаковые законы, по которымъ измѣненія происходятъ и немногія общія силы, коими измѣненія производятся также, какъ и въ самихъ себѣ признаемъ нѣсколько силъ. И если ихъ нѣсколько, опять ищемъ для нихъ одного основанія, хотя и сознанія нѣтъ въ этихъ существахъ, напримѣръ въ растеніи; но не можемъ остановиться на предположеніи нѣсколькихъ силъ безъ одного начала, въ которомъ сосредоточивались бы онѣ, какъ въ своемъ центрѣ; тогда было бы нѣсколько жизней не связанныхъ въ одну жизнь. Но въ органическихъ существахъ одна жизнь нѣсколько времени продолжается; разныя силы, напримѣръ, въ органическомъ царствѣ, но двѣ главныя эти силы,—усвоеніе себѣ инородныхъ веществъ, и потомъ другая сила,—размноженіе себя — распространеніе своего рода, сила родотворенія, рожденія изъ себя новыхъ органическихъ существъ: вотъ двѣ силы!—Но не можемъ остановиться на этомъ, чтобы признать двѣ жизни отъ двухъ этихъ силъ и не искать единства. И наружное наблюденіе показываетъ единство—одно растеніе; одно растеніе раждается, одно и умираетъ съ силами, въ немъ положенными. Такъ при разныхъ видахъ органическихъ существъ;—будетъ ли это растеніе, или животное или животно-разумное существо, дотолѣ не можемъ остановиться на нѣсколькихъ основаніяхъ дѣятельности, доколѣ не дойдемъ до послѣдняго основанія или центра, къ которому силы относятся, какъ предикаты,—и это есть уже субстанція.

Субстанція съ своими проявленіями частныхъ началъ, то есть съ силами неразлучна, современна, не такъ, чтобы все, что изъ нея можетъ проявиться, было равновременно съ нею, но такъ, что въ чемъ нибудь изъ сроднаго съ собою должна она проявляться; сила проявленія себя присуща субстанціи постоянно, сначала до конца бытія, хотя проявленіе силъ, видоизмѣненія присущи ей въ преемственномъ ходѣ; но безъ всякаго совершенно проявленія себя невозможно и представить субстанціи. Съ дѣйствительнымъ бытіемъ неразрывно дѣйствованіе; дѣйствованіе это можетъ быть и внутреннее и наружное. Когда есть силы, имъ уже принадлежитъ стремленіе дѣйствовать сообразно съ своими законами. Это стремленіе и есть внутреннее дѣйствованіе, внутреннее проявленіе. Субстанція отъ причины (causa) тѣмъ отличается, что причина предшествуетъ своему произведенію; — родители прежде, чѣмъ ихъ дѣти; растеніе прежде, чѣмъ его плодъ, оно относится къ плоду не какъ субстанція, а какъ причина; — а субстанція одновременна съ принадлежностями своими, то есть съ принадлежащими ей силами, равновременна также съ какимъ нибудь дѣйствіемъ этихъ силъ, хотя не со всѣми; дѣйствія преемственно раскрываются одно за другимъ; но ежели есть субстанція: то должно быть какое нибудь проявленіе ея. Такъ когда есть солнце, должно быть отъ него сіяніе, хотя лучи его короче простираются.

Всякой субстанціи даже и безпредѣльной insunt vires, одна ли сила, или многія, кои служатъ началами дѣйствій, и находятся въ стремленіи къ дѣйствію или уже въ самомъ изведеніи дѣйствій въ кругъ предметовъ окружающихъ, — къ внѣшнему явленію себя. А всякая конечная сила двоякимъ образомъ выражаетъ свою дѣятельность: или изъ себя дѣйствуетъ, или ежели ея стремленіе во внѣшность встрѣчается съ дѣйствіями другихъ силъ, сама на себѣ отражается, — это и называется страданіемъ. Впрочемъ и въ страданіи нѣтъ совершенно страдательнаго состоянія, въ которомъ бы субстанція и ея силы не дѣйствовали. Во всякомъ страданіи есть то и другое — и стремленіе дѣйствовать изъ себя и потомъ принимать дѣйствія другихъ силъ, по которому она сама на себя возвращается, и отражается. Такъ напримѣръ

въ силахъ познавательныхъ нашей души изведеніе намѣреній во внѣшность есть дѣйствованіе изъ себя такое, въ которомъ страданіе въ меньшемъ видѣ; нельзя сказать, что тутъ вовсе нѣтъ страданія. Одно Высочайшее Существо совершенно безстрастно, Ему одному принадлежитъ, какъ выражаются философы, purus actus, Оно ничѣмъ въ дѣйствіяхъ своихъ не ограничивается. А мы и въ своихъ дѣйствіяхъ, когда изводимъ ихъ изъ себя во внѣшность, причастны нѣкоторому страданію. Напримѣръ изводимъ изъ себя какое нибудь намѣреніе въ кругъ внѣшнихъ предметовъ и употребляемъ для этого орудіемъ тѣло; тѣло служитъ орудіемъ, но не такъ же служитъ, чтобы не было препятствій и ограниченій. Эта упругая внутренняя пружина—свободная воля въ дѣйствіяхъ, свойственныхъ себѣ, стѣсняется и воспящается орудіемъ своимъ,—тѣломъ и окружающимъ міромъ; духъ дѣйствуетъ быстрѣе всего, а лежащее на душѣ тѣло, задерживаетъ его дѣйствія, не всякому намѣренію и желанію даетъ выражаться съ полною свободою. Такъ и въ свободныхъ дѣйствіяхъ ограниченныхъ существъ есть доля страданія, также и на оборотъ въ другихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ есть, кажется, чистое страданіе, есть и дѣйствіе. Такъ чувственную способность называютъ страдательною способностію, чувственное стремленіе — принимать впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ—пріемлемостію; но нельзя сказать, чтобы эта способность была чисто страдательною. Всякое ощущеніе слагается изъ двоякой дѣятельности, изъ дѣятельности внѣшнихъ предметовъ и дѣятельности души, которая принимаетъ внѣшнія впечатлѣнія сообразно своей натурѣ. Еще прежде дѣйствованія на насъ внѣшнихъ предметовъ мы напрягаемъ вниманіе, сила изъ насъ устремляется и встрѣчаетъ на пути своего стремленія—впечатлѣнія; и предъ этимъ ощущеніемъ бываетъ дѣйствованіе; и потомъ при самой встрѣчѣ душа же должна принимать впечатлѣнія; одинъ и тотъ же предметъ, производящій въ насъ ощущеніе, дѣйствуетъ и на камень, но въ немъ не рождается ощущеніе. Такъ это различеніе двухъ видовъ дѣятельности существъ конечныхъ не есть совершенно противоположно; напротивъ то и другое тутъ участвуетъ, только въ разной мѣрѣ; въ первомъ случаѣ въ наибольшей мѣрѣ самодѣятельность выра-

жается, а во второмъ случаѣ въ наибольшей мѣрѣ страдательность, а тутъ же и дѣятельность.

Есть силы глубже, существенно, неразрывно, необходимо принадлежащія душѣ. Это первоначальныя силы субстанціи; есть же силы, на нихъ основывающіяся, изъ нихъ происходящія, и условливаемыя дѣйствованіемъ внѣшнихъ предметовъ,— это силы производныя (derivativae).

Субстанція есть послѣднее начало дѣятельности и силъ существа, начало, которое продолжительно пребываетъ; тогда какъ дѣйствія, видоизмѣненія перемѣняются, являются на краткое время и уступаютъ мѣсто другимъ, субстанція пребываетъ продолжительно, но также пребываютъ и силы и способности: для этого нужно отличать субстанцію отъ силъ, какъ центръ, какъ intimum principium—глубже силъ;—и силы и видоизмѣненія, ими производимыя, принадлежатъ къ субстанціи, относятся къ ней какъ предикаты къ субъекту, между тѣмъ какъ субстанція не можетъ быть предикатомъ ничего другаго.—Характеръ ея самостоятельность, хотя не самобытность. Конечно, есть различіе между субстанціями ограниченными и Субстанціею Безконечною. Послѣдней принадлежитъ полная независимость отъ другаго и по началу и по продолженію бытія. Конечныя же субстанціи не могутъ быть названы самобытными; ихъ бытіе небезначально, оно начато дѣйствіемъ Всемогущества Творческаго; въ продолженіи своемъ субстанція служитъ основаніемъ и силамъ и дѣйствіямъ—видоизмѣненіямъ существа; нельзя сказать, что бы ея самостоятельность была отрѣшенная; субстанція не есть предикатъ ничего другаго, ни даже Существа Безконечнаго; однако имѣетъ нужду въ поддержаніи отъ той Всемогущей Силы, отъ которой первоначально получила свое бытіе. Самостоятельность субстанціи выражаетъ только то, что она не есть принадлежность, случайное качество, признакъ или предикатъ какого нибудь другаго существа. Она въ конечныхъ существахъ послѣднее основаніе, внутреннѣйшее, на которомъ держатся и силы или способности и видоизмѣненія существа. Вотъ въ чемъ ея самостоятельность. Поэтому Декартово и Спинозино понятіе о существѣ не будетъ правильно. Декартъ опредѣляетъ субстанцію такъ: est res, quae ita existit, ut nulla alia re indigeat ad existendum;—

такое существо, которое не имѣетъ нужды ни въ какомъ другомъ существѣ для того, чтобы быть. Такимъ образомъ и остается одна только субстанція. Одинъ только Богъ—есть существо, ни въ чемъ другомъ не имѣющее нужды для своего существованія. Изъ такого опредѣленія субстанціи естественно произойдетъ спинозизмъ, когда главное положеніе—то, что одна только есть Абсолютная Субстанція—Богъ. Такъ въ этомъ опредѣленіи уже слишкомъ много приписывается субстанціи. Посмотримъ на опредѣленіе субстанціи Спинозино: per substantiam intelligitur id, quod in se est et per se concipitur, h. e. id, cujus conceptus non indiget conceptu alterius rei, a quo formari debeat. Ens, quod in se est et per se concipitur,—это только Богъ. Такимъ образомъ изъ опредѣленія субстанціи и выходитъ у Спинозы въ строгомъ систематическомъ порядкѣ положеніе: una substantia non potest produci ab alia. А вслѣдъ за этимъ и другое положеніе: praeter Deum nulla dari neque concipi potest substantia. Чтоже будетъ основаніемъ дѣятельности, основаніемъ жизни въ конечныхъ существахъ, когда нельзя приписать имъ самостоятельности; они и составляютъ только видоизмѣненія Существа Безконечнаго, какъ и училъ Спиноза, не имѣютъ они собственной самостоятельности, суть только явленія единой Абсолютной Субстанціи. Когда это только явленія, видоизмѣненія Абсолютной Субстанціи, отсюда слѣдуетъ, что ихъ продолженіе, коротко ли оно, долго ли, не должно необходимо простираться въ безконечность. Видоизмѣненія являются и преходятъ, уступая мѣсто другимъ, такъ какъ въ нихъ самостоятельности нѣтъ,—principium intimum, perdurabile—прочнаго внутренняго основанія въ нихъ нѣтъ, они, какъ нѣчто наружное или случайное, относятся къ единой Абсолютной Субстанціи, которой они служатъ проявленіями; такъ и бытіе ихъ поэтому не вѣчно;—что откровенно и выразилъ Спиноза въ своемъ ученіи. Такъ не должно приписывать конечной субстанціи самобытности—esse a se, in se esse, per se esse; это не относится ни къ началу субстанціи, потому что по началу, оказывается, она получила бытіе во времени; и даже къ продолженію ея не относится; потому что въ продолженіе бытія своего, хотя она и есть внутреннее начало, не основывающееся на своихъ видоизмѣненіяхъ, а служащее

основаніемъ видоизмѣненій, впрочемъ, она не независима. Таже Всемогущая Сила, которая первоначально привела въ бытіе, субстанцію, и поддерживаетъ ее: безъ этого поддержанія ни одна субстанція не могла бы продолжать бытія своего. И слово — *самостоятельность*, которое прилично идетъ къ субстанціи, не въ томъ смыслѣ должно понимать, будто она не имѣетъ нужды ни въ какомъ другомъ существѣ; въ продолженіи бытія своего она имѣетъ нужду въ поддержаніи Творческой Силой, но въ томъ смыслѣ, что въ вещи или существѣ она —есть внутреннѣйшее, прочное основаніе, на которомъ силы и явленія держатся, и при томъ такое основаніе, которое не можетъ быть предикатомъ, или признакомъ, принадлежностію, видоизмѣненіемъ другой субстанціи. Зависѣть отъ Всемогущей Силы—не значитъ еще быть ея случайною принадлежностію

Cuique substantiae insunt necesario vires, quae sunt principia operationum. Omnis vis est actuosa....

Съ этимъ объясненіемъ сходно и то положеніе, что omnis substantia continuo est activa: omnes vires positae sunt in conatu, nisu ad agendum. Нѣкоторые философы то и другое иначе понимали, т. е. и о субстанціи говорили, что дѣятельность ея можетъ прерываться, и о силахъ тоже. Между прочимъ, это положеніе было у Локка: — неотъемлемый характеръ субстанціи человѣческой есть мышленіе. Декартъ и Лейбницъ, признавая оное за существенный признакъ, допускали, что душа никогда не перестаетъ быть мыслящею силою. Локкъ, противопоставляя этому доказательство изъ опыта, говорилъ: мы не всегда мыслимъ, долго душа наша живетъ чувственною жизнію, въ это время она не мыслитъ; и начавши мыслить, она прерываетъ эту дѣятельность, занимаясь другими выраженіями силъ; прерываетъ также эту дѣятельность и воображеніе; слѣдовательно не всегда мыслимъ. Лейбницъ отвѣчалъ на это, что надобно различать дѣйствованіе силы выраженное, проявленное во внѣ, и дѣйствованіе силы внутреннее, которое можетъ и не проявляться во внѣ. Первое—субстанціи не принадлежитъ непрестанно, послѣднее—т. е. внутреннее дѣйствованіе, непроявленное во внѣ, въ частностяхъ невыраженное, которое Лейбницъ называлъ nisum, conatum, неотъемлемо отъ

ней съ перваго мгновенія бытія ея. Въ самомъ дѣлѣ, ежели этого не принимать, то каждой субстаціи непрестанно принадлежитъ дѣятельность съ самаго начала бытія до конца; такъ какъ первообразной, коренной силѣ принадлежитъ дѣятельность, которая ежели и не выражается во внѣшности, по крайней мѣрѣ, является подъ формою стремленія къ дѣятельности; ежели этого не принимать: зачѣмъ и говорить о силѣ? тогда надобно было бы допустить, что существо проявляетъ разные виды жизни, переходитъ въ продолженіе жизни своей чрезъ разные роды, т. е. человѣкъ, будучи младенцемъ, нѣсколько времени остается только растеніемъ, потомъ чрезъ нѣсколько времени бываетъ не болѣе, какъ только животнымъ, послѣ этого, укрѣпившись въ силахъ, начавши сознавать себя, онъ переходитъ въ третій родъ, дѣлается мыслящимъ существомъ, вновь получаетъ силы мышленія. И что съ этими силами бываетъ? онѣ на время служатъ, на время прекращаются; когда человѣкъ спитъ, то мышленія въ немъ нѣтъ: что дѣлается съ силами? ежели говоримъ, что онѣ находятся въ состояніи стремленія, это должно сказать и о предшествующемъ періодѣ жизни, когда мышленіе не выражалось во внѣшности. Ежели такъ отрицать самое стремленіе силъ къ сродной себѣ дѣятельности, то и здѣсь слѣдуетъ отрицать... воспоминанія, размышленія, желанія. Такимъ образомъ изъ этихъ примѣровъ видимъ, что несправедливо было бы заключить отъ недѣйствованія наружнаго къ небытію. Такъ точно несправедливо было бы заключать отъ необнаруженія какой нибудь силы къ небытію ея. Въ раннемъ младенчествѣ человѣка не обнаруживается сила разумности, изъ необнаруженія еще не слѣдуетъ, чтобы ея не было. Она есть, но по причинѣ перевѣса,—преимущественнаго дѣйствованія другихъ силъ—чувственныхъ, она не выражается явно, дѣйствуетъ только сама въ себѣ. Въ противномъ случаѣ мы принимали бы новое твореніе, нѣсколько твореній субъекта человѣческаго; (сначала въ томъ, потомъ въ другомъ родѣ, именно: сначала онъ сотворенъ растеніемъ, потомъ животнымъ, а послѣ разумно-животнымъ существомъ); принимали бы опять безчисленное множество вхожденій отвнѣ въ насъ нашихъ силъ; когда дѣйствуетъ сила наружно, она существуетъ; перестаетъ дѣйствовать,—ея не-

стало, опять начинаетъ дѣйствовать:—опять она же приходитъ, невѣдомо, откуда. Чтобы этихъ несообразностей избѣгнуть и остаться при правильномъ заключеніи, необходимо принять, что сродныя человѣку силы — способности всегда въ немъ есть, и всегда находятся въ напряженіи, въ стремленіи къ сродному себѣ дѣйствованію, или въ самомъ уже дѣйствованіи: пока не дѣйствуетъ наружно сила, она находится только въ стремленіи къ дѣятельности, подобно какъ въ пружинѣ эластическая сила—сила упругости очень можетъ быть сдавляема, стѣсняема внѣшними препятствіями, объемлющими ее,—какими нибудь напримѣръ кольцами; но отъ этого сила упругости не перестаетъ быть силою. Какъ только внѣшнія препятствія облегчатся, сила эластическая въ пружинѣ будетъ развертываться. Это не значитъ, чтобы силы упругости въ пружинѣ прежде не было, она была, но задерживалась въ своемъ дѣйствованіи внѣшними препятствіями, между тѣмъ она имѣла опредѣленное направленіе—то, чтобы расширяться, имѣла свой характеръ—непрестанно растягиваться—расширяться, но долгое время только въ пружинѣ и оставалась. Какъ скоро препятствія облегчаются, сила ихъ становится слабѣе силы запертой, сжимаемой, заключенной ими, тогда сила большая начинаетъ преодолѣвать, дѣйствовать по своему, т. е. расширяться.—Такъ точно и въ субстанціяхъ, такъ точно и въ душѣ человѣческой.

Всякая существенная сила или способность дана ей съ первой минуты бытія, и не остается мертвою, совершенно бездѣйственною, а имѣетъ стремленіе къ сродному себѣ дѣйствованію, которое можетъ долго и задерживаться, не проявляться вовнѣ, и имѣя стремленіе, при уменьшеніи внѣшнихъ препятствій, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, усиливается и выражается во внѣшнемъ проявленіи.—Такъ должны мы думать о самыхъ силахъ субстанціи, такъ и о самой субстанціи; онѣ ни въ одно мгновеніе бытія своего не остаются бездѣйственными. Ежели и совершенно не замѣчаемъ дѣятельности субстанціи: все въ ней есть внутренняя дѣятельность, т. е. порывъ къ дѣятельности себѣ сродной. Напримѣръ въ зернушкѣ, въ которомъ заключена субстанція, конечно, растенія не видимъ до тѣхъ поръ, пока оно не дастъ ростка,—наружнаго дѣйствованія,—того, чтобы породить растеніе. Дру-

гія дѣйствія – занимать опредѣленное мѣсто, имѣть тяжесть, непроницаемость и проч., есть; но существеннаго семени,—силы, чтобы родить изъ себя растеніе, долгое время не видимъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что сила — родить растеніе, сродная сѣмени, пропала въ сѣмени, а потомъ сообщена ему отвнѣ; когда оно въ землѣ разбухаетъ, разрушается его оболочка, не тогда дается ему сила, она остается въ немъ сокровенною долго. Такъ недавно писали, что въ Египтѣ въ одной муміи найдены были пшеничныя зерна, и по надписи должно было полагать, что онѣ лежали болѣе 2000 лѣтъ; посѣяли эти сѣмена въ землю, изъ нихъ родилась пшеница. Такъ долго существенная субстанціи сила пребывала,—не изчезая! Нельзя того доказать, чтобы внѣшнее разрѣшеніе оболочки сѣмени, и увлаженіе влагою земли,— дало ему силу родить подобныя растенія; — потому нельзя доказать, что ежели рядомъ посѣять множество разнородныхъ сѣмянъ,—внѣшнія причины будутъ однѣ и тѣже, — холодъ и жаръ, влага земли, но растенія произойдутъ не однѣ и тѣже, разнородныя, сродныя съ натурою семянъ. Это значитъ, что сила—производить себѣ подобное, порождать сродное—не отвнѣ пришла, а хранилась въ сѣмени. Такъ и субстанціи сродныя, существенныя силы не перестаютъ удерживать сродный законъ, какъ развиваться, какой ростокъ дать, и не перестаютъ носить въ себѣ стремленіе къ сродному дѣйствованію; какъ скоро прикасаются благопріятныя обстоятельства, это стремленіе превращается въ развитіе.

Omnis substantia est vel physica vel rationalis.....

Здѣсь взято самое главное и общее свойство существъ физическихъ: vires matrices,—это принадлежитъ всѣмъ вообще существамъ физическимъ; а есть между ними такого рода существа физическія, которыхъ нельзя назвать разумно—животными; тѣмъ кромѣ движенія принадлежитъ и сила чувствованія. Но говорить вообще о субстанціяхъ физическихъ правильнѣе будетъ: substantiae physicae vires matrices insunt sev fundamenta. – Всего виднѣе въ царствѣ органическомъ безпрестанное воспроизведеніе себя въ свойственной себѣ, одинаковой формѣ, рожденіе подобныхъ себѣ новыхъ существъ, изъ малаго сѣмени, которое служитъ оболочкою субстанціи.

Видно сѣмя это или зерно, изъ котораго растеніе, и видно продолжающееся до времени сокровенное дѣйствованіе, не обнаруживающееся, и по времени уже развивающееся. Сѣмя даетъ ростокъ, но нельзя собственно ограничивать количества субстанцій объемомъ этихъ царствъ, царства разумныхъ существъ, животныхъ и растеній.

Нельзя рѣшительно говорить, чтобы и въ царствѣ минеральномъ все дѣйствовали силы механическія и химическія, не было своихъ организмовъ, хотя здѣсь менѣе видимъ, нежели въ организмѣ растеній. Для каждаго изъ такихъ огромныхъ тѣлъ, напримѣръ, небесныхъ, которыя обыкновенно причисляютъ къ неорганическимъ, — для планетъ и центральныхъ тѣлъ — звѣздъ, неужели не нужны особенныя субстанціи? Для каждой изъ нихъ необходимъ центръ, и стремленіе силъ къ центру и изъ него исходящія силы. Силы притяженія и отталкиванія держатъ въ однообразномъ порядкѣ все небо, всѣ тѣла небесныя; эти силы дѣйствуютъ чрезъ окружность на центръ, и изъ центра на окружность; не должно ли быть и въ центрѣ нѣкоторое общее начало дѣятельности каждой планеты, каждой звѣзды, къ которому бы эти силы сбирались, и изъ котораго бы изходили. Ежели и въ травкѣ есть центръ постоянный, — сила или субстанція, которая удерживаетъ одинаковую форму этого растенія, держитъ его въ одинаковой формѣ и даже воспроизводитъ: то и въ этихъ огромныхъ тѣлахъ для поддерживанія свойственнаго имъ образа бытія, свойственнаго отношенія къ окружающимъ тѣламъ,— не должны ли быть внутреннія начала, постоянныя, пребывающія на которыхъ бы прочія частныя ихъ силы и дѣйствованія держались и основывались? И въ такъ называемомъ неорганическомъ царствѣ, ближайшемъ къ намъ на землѣ, нельзя не видѣть, свойственнаго ему организма; для всего назначены Творцомъ роды и виды, въ существо вложены законы, по которымъ повторяются одинаковыя дѣйствія, что ясно можно видѣть на кристализаціи: каждая соль и другіе минералы имѣютъ свойственную себѣ кристаллизацію; при распусканіи и разложеніи даютъ свойственную себѣ форму осадковъ, гдѣ повторяются одинаковыя формы,— фигуры, осадки не смѣшиваются, одни тѣла минераловъ не сообщаются съ другими. Что это, какъ не нѣкоторый орга-

низмъ? только тамъ это менѣе видно, нежели въ растеніяхъ; въ растеніяхъ видимъ зерно, а тамъ сѣмени не видимъ, впрочемъ и сѣмя не есть субстанція, а оболочка субстанціи.

. . . . . .

Нужно дополнить здѣсь эту черту — sui... Это основаніе человѣка. Такимъ образомъ онъ не былъ бы человѣкомъ, ежели бы въ немъ не было стремленія къ воему Виновнику, и потомъ сознанія этого стремленія, сознанія своей зависимости отъ Него. Это основаніе всѣхъ его истинно человѣческихъ потребностей и дѣйствій, — conscientia sui ipsius, — различать должно въ двоякомъ состояніи, какъ дѣйствительно обнаружившееся, и какъ только способность Какъ дѣйствительно обнаружившееся, самосознаніе не вдругъ проявляется въ насъ, но оно какъ способность — сознавать себя — принадлежитъ намъ постоянно, — съ первой минуты бытія во всю жизнь.

Все измѣняющееся, перемѣняющее видъ свой должно имѣть для себя прочное начало, на которомъ бы оно держалось. А ежели представимъ себѣ нѣчто такое разсыпанное, гдѣ трудно усматривать связь (въ субстанціи должна быть связь, связь принадлежностей внѣшнихъ съ внутренними основаніями), ежели представимъ себѣ такое разсыпанное — какъ, напримѣръ, комъ земли: спрашивается: тутъ какая субстанція? тамъ — въ растеніи должна быть субстанція, а тутъ только механизмъ, т. е. внѣшнія причины движенія. Но и кусокъ земли не есть нѣчто совершенно оторванное отъ цѣлаго, совершенно разсыпанное; и онъ поставленъ въ связи съ землею, и въ немъ дѣйствуетъ сила тяжести, сила тяготѣнія и его влечетъ къ центру земли — внизъ, — его субстанція въ центрѣ земли, ежели уже нѣтъ ближе, ежели не вступилъ онъ въ зависимость отъ ближнихъ субстанцій.

In uno subjecto una substantia tantum adesse potest. — Это уже видно изъ самаго выведенія понятія о субстанціи. При выведеніи понятія сего видна была потребность единства, необходимымъ находили — восходить отъ дѣйствій къ причинамъ, отъ проявленій души къ силамъ — способностямъ ея, потомъ, разсматривая силы и способности души, и не находя здѣсь полнаго единства (здѣсь нѣсколько способностей) — опять находили нужнымъ — дойти до общаго средоточія, на коемъ онѣ держатся, почему онѣ слагаются въ одну

общую жизнь, а не разныя жизни. А въ нашей душѣ—въ нашемъ субъектѣ единство ихъ подтверждается самосознаніемъ. Это заставляло насъ утверждать для разныхъ силъ единство субстанціи въ каждомъ существѣ: слѣдуетъ вопросъ; одинаковы ли онѣ, или не одинаковы? когда онѣ одинаковы — тожественны: то нѣтъ нужды говорить, что ихъ двѣ или три. Ежели различны: опять слѣдуетъ вопросъ: въ какомъ онѣ находятся отношеніи другъ къ другу? — въ зависимости: то должно допустить одно общее начало, къ которому, какъ общему средоточію двѣ или три субстанціи тяготѣютъ, — относятся. Ежели онѣ поставлены въ взаимной зависимости, какъ полагалъ Лейбницъ: то въ насъ безчисленное множество субстанцій служебныхъ, но одна господствующая, главная субстанція — душа; теперь въ каждой частицѣ тѣла сокрыта невидимая сила — субстанція и премногія субстанціи служатъ одной субстанціи душѣ;—ежели это допустимъ, то не будутъ ли служебныя субстанціи, какъ въ одинъ организмъ связанныя, какъ неимѣющія самостоятельности, —adjuncta subjecti? онѣ не будутъ послѣдними субстанціями жизни, а принадлежностями главной субстанціи также, какъ силы суть принадлежности одной субстанціи. Когда уже въ одномъ существѣ, имѣющемъ одну жизнь, соединены различныя начала: то изъ этихъ началъ господствуетъ одно. Въ насъ душа и тѣло;—нельзя утверждать, что въ насъ два начала, одно principium animae, другое principium vitae, какъ называетъ Лейбницъ. Хотя совершенно различны дѣйствованія души и дѣйствованія организма, не смотря на то онѣ совмѣщаются; въ то же время, какъ душа мыслитъ, своимъ порядкомъ совершается обращеніе крови и все, относящееся къ организму: но изъ этого нѣтъ причины заключать, чтобы были два движителя въ этомъ одномъ существѣ—человѣкѣ,—одинъ—душа, какъ сила мыслящая, другой — principium vitae, какъ называютъ основную силу организма. Господствующее должно быть одно, и это есть субстанція, къ одной этой субстанціи принадлежатъ различныя силы; такъ какъ ей принадлежитъ сила познанія, желанія, чувствованія, такъ ей же принадлежатъ силы движенія.

. . . . . .

Изъ самосознанія нашего ясно, что образы дѣйствованій нашихъ могутъ быть весьма различны, даже противоположны. Порочный, долгое время бывшій порочнымъ, можетъ сдѣлаться добродѣтельнымъ. И даже могутъ быть противорѣчущими образы нашихъ дѣйствованій; но сознаніе, что это *я* дѣлалъ и *я* дѣлаю, всегда одно. Я былъ въ юношескомъ возрастѣ, я же въ мужескомъ возрастѣ переходилъ различныя состоянія, но все я одинъ, единство самосознанія доказываетъ единство, тожество субстанціи.

Субстанція—существо невидимое и недѣлимое. Ежели бы она была видима и дѣлима: она не была бы нѣчто единое, а многое, изъ многихъ частей составленное. А на многомъ при изслѣдованіи субстанціи остановиться не можемъ. Для многаго требуется общее, что связываетъ многое. Ежели субстанція, какъ многіе выражаются не точно, особенно на французскомъ языкѣ случается встрѣчать неточныя выраженія, есть часть матеріи, то эта часть состоитъ изъ многихъ частей: тутъ слѣдуетъ вопросъ: что же ихъ связываетъ въ единое? что въ нихъ поддерживаетъ единство дѣятельности? Ежели выберемъ изъ тѣхъ частей одну какую нибудь часть, усмотримъ опять, что и она есть нѣчто сложное. И такимъ образомъ вопросъ пойдетъ въ безконечность: чѣмъ же эти многія части опять приводятся въ единство? чѣмъ единство дѣятельности ихъ подерживается? — до тѣхъ поръ, пока не остановимся на силахъ невидимыхъ, нераздѣльныхъ, которыя поэтому будутъ одно, имѣть будутъ послѣднее, внутреннее, центральное начало всего прочаго — и силъ и проявленій силъ и оболочки ихъ, тѣлеснаго и духовнаго существа,—души и тѣла.

Въ каждомъ предложеніи нужно различать подлежащее и сказуемое: такъ и въ разсмотрѣніи существъ и ихъ самыхъ общихъ признаковъ, нужно напередъ различать, что заступаетъ мѣсто субъекта, потомъ слѣдуетъ разсмотрѣть, какіе могутъ быть предикаты этого субъекта, — возможное ли, дѣйствительное ли, или необходимое? Въ дѣйствительно существующей субстанціи — эти самодѣятельныя основанія силъ и дѣйствій въ существѣ, — заступаютъ мѣсто субъекта. Какія же принадлежности самыя общія могутъ быть различаемы для каждаго субъекта, — въ этомъ руководствомъ служитъ намъ

разсмотрѣніе главныхъ стремленій силы мыслительной—разумности человѣческой.

Въ введеніи въ Философію мы замѣтили, что главное направленіе этой силы, потребность ей прирожденная и необходимая — та, чтобы многое и разнообразное приводить въ единство. А какъ приводить разнообразное въ единство? не иначе, какъ вникнувъ въ существенное и основное въ вещахъ. Подъ симъ только условіемъ и возможно возведеніе разнообразнаго въ единство, возможна связь—приведеніе многоразличнаго въ цѣлое; и совершается это на томъ основаніи, что мы въ разнообразномъ—отыскиваемъ существенное и основное, и такимъ образомъ связь въ вещахъ и дѣйствіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, ежели разсмотримъ частныя дѣйствія разума, возьмемъ изъ нихъ высшее дѣйствіе— умозаключеніе: здѣсь ясно увидимъ всѣ эти моменты. Въ умозаключеніи разноообразное приводится въ единство, т. е. нѣсколько сужденій связываются въ одно цѣлое. Также и въ первомъ дѣйствіи разума —въ составленіи понятій разнообразное же связывается въ единство, т. е. многія чувственныя представленія сравниваются, отыскивается въ нихъ единое,— нѣчто общее существенное. и на томъ основаніи составляются понятія. Такъ и въ сужденіяхъ повторяется дѣйствіе — приведеніе разнообразнаго въ единство сознанія. Но какъ можно приводить разнообразное въ единство сознанія, не открывая существеннаго, внутренняго, необходимаго въ вещахъ? И въ первомъ дѣйствіи разума—составленіи понятій, потому разнообразное и сводится въ единство, что отыскиваются существенные признаки извѣстныхъ предметовъ, общее, непротиворѣчущее,— и слагается въ одно понятіе. Ежели бы мы не отыскивали этихъ существенныхъ признаковъ: мы терялись бы въ разнообразіи чувственныхъ представленій, не имѣли бы точки опоры, почему бы сокращать эту неопредѣленную, необъятную множественность представленій въ меньшее число единицъ, въ меньшее число понятій. Какъ въ понятіяхъ, такъ и въ сужденіяхъ, такъ и въ умозаключеніяхъ необходимо отысканіе существенныхъ принадлежностей. Въ сужденіи необходимо связывается предикатъ съ субъектомъ; въ сказуемомъ содержатся признаки вещей; и когда сужденіе

должно быть философское, то и признаки существенные. Такъ и въ умозаключеніи. Но этого еще мало. Разуму также свойственно при приведеніи въ единство различнаго отыскивать основанія вещей. Эта потребность ясно выражается въ составленіи умозаключеній. Въ умозаключеніи для сужденій непремѣнно пріискиваются основанія, и выражается связь основанія съ тѣмъ, что на немъ основывается, въ двухъ ли, трехъ ли предложеніяхъ только отыскиваются основанія;—и вотъ главная потребность мысленной силы. Тогда какъ открыты существенные признаки, основанія вещей, легко могутъ быть слагаемы въ связное цѣлое не только чувственныя представленія—въ единицы—отдѣльныя понятія, но и многія понятія и сужденія въ цѣлое систематическое познаніе. Прилагая это разсмотрѣніе потребностей мысленной силы — разума нашего къ категоріямъ, которыя должны означать собою существенные предикаты, будетъ ли это возможное, дѣйствительное или необходимое, находимъ сродство съ тѣми категоріями, — категоріею качества, количества, отношенія между вещами. Тамъ потребность — отыскивать признаки вещей, и въ высшей степени—существенные признаки: здѣсь сродная категорія качества. Тамъ потребность приводить разнообразное въ единство, многое въ одно цѣлое, и въ высшей степени — цѣлое систематическое; здѣсь многое, единое и все—составляютъ виды категоріи количества. Тамъ потребность отыскивать основанія вещей, безъ чего не было бы и умозаключенія: здѣсь соотвѣтствуетъ тому категорія отношенія, которая главнымъ образомъ и состоитъ въ разсмотрѣніи причинъ и произведеній.

Категорія качества.

Quantitas est nota s. caracter, cujus ope ens ab ente discerni potest,—качество тоже, что признакъ, которымъ одно существо отличается отъ другихъ. Только ничто остается безъ качествъ. И объ немъ можно мыслить, можно давать нѣкоторыя сужденія, но только относительныя; *ничто* само въ себѣ не качество, а разсматривается, какъ только противоположное сущему. Все же существующее, будетъ ли оно

возможное, или дѣйствительное, или необходимое, должно имѣть свои качества, свои предикаты, свои признаки, коими отличается отъ всего другаго. Nihilo nulla sunt priedicabilia—*ничто* не имѣетъ качествъ, говорили въ средніе вѣка. Качества въ вещахъ разсматриваются съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Желая отличить одни предметы отъ другихъ мы или утверждали, что въ нихъ есть, или показываемъ, чего въ нихъ нѣтъ.

Quantitates sunt vel realitates, vel negationes, vel limitationes. Realitas est determinatio affirmativa, aliquid in ente ponens. Neqatio est determinatio negativa, aliquid in ente tollens. Cum dico: anima est ens spontaneum, pono in anima aliquid reale — spontaneitatem nimirum; cum vero dico: lapis non sentit, tollo aliquid in subjecto—notam: sensibilitates, sensiones de lapide tollo. Вотъ два главные противоположные вида качествъ—качества *положительныя* и *отрицательныя*. Уже изъ взаимодѣйствія положенія или утвержденія и отрицанія отрицается нѣчто третіе, именно *ограниченіе*.

Всему положительному противоположно что нибудь отрицательное въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ принадлежитъ ему положительное. Такъ когда говоримъ: душа есть существо простое, вмѣстѣ съ этимъ необходимо выражаемъ, что душа не есть сложное существо, не есть матерія. Отъ того выходитъ положеніе: praedicatum nullum possibile est sine opposito. Всякій признакъ, приписываемый вещи, вмѣстѣ съ тѣмъ исключаетъ изъ той вещи противное ему, такъ что изъ двухъ совершенно противоположныхъ признаковъ, всегда одинъ только можетъ принадлежать предмету. Когда одно приписывается вещи, вмѣстѣ съ тѣмъ исключается, отрицается другое, утвержденіе одного влечетъ отрицаніе другаго; и на оборотъ: отрицаніе противоположнаго признака влечетъ необходимо утвержденіе другаго совершанно ему противнаго.

Положительныя качества (realitates) бываютъ или *существенныя*, или *несущественныя—случайныя*; и существенныя дѣлятся на первообразныя—коренныя и производныя; коренныя служатъ первымъ источникомъ качествъ производныхъ.

Производыя существенны также предмету, но уже осно-

вываются на первообразныхъ, коренныхъ качествахъ. Самое первоначальное понятіе въ трехъ-угольникѣ есть понятіе о трехъ углахъ; частныя качества, существенныя, впрочемъ, что три угла трехъ-угольника равны двумъ прямымъ угламъ, или что уголъ большій противолежитъ большей сторонѣ, составляютъ уже качества второстепенныя, производныя, о коихъ понятіе выводится изъ понятія о первообразныхъ качествахъ. Мы выше замѣтили, что субстанціи принадлежатъ силы; для каждой силы есть свой законъ, безъ этого одна сила не отличалась бы отъ другой; законъ и есть существенное, опредѣленное указаніе дѣйствованія, свойственнаго этому именно существу, отличнаго отъ дѣйствованія другихъ существъ. Силы опредѣляются закономъ.— Постоянно повторяемый въ соотвѣтствіе закону, внутрь данному силѣ, образъ дѣйствованія, и признаки предмета составляютъ качества существенныя, будутъ ли онѣ первообразныя, или производныя. Отъ этого отличаются случайныя качества—не существенныя, которыя могутъ быть и постоянными, но не на самой природѣ вещи основываются, могутъ принадлежать предмету, и могутъ быть отняты отъ него, между тѣмъ предметъ остается тѣмъ же. Таковы напр. навыки, изъ чего Аристотель составилъ особую категорію названную имъ Ἕξις, habitus. Навыкъ тоже есть качество, но не въ основаніи самой вещи непремѣнно положенное, а является въ дѣйствительномъ бытіи существа, сообразно принятому имъ тому или другому настроенію. Навыки—качества не существенныя въ предметѣ; навыковъ можетъ быть весьма много, такъ какъ цѣлей, положенныхъ внѣ предмета, внѣ напр. человѣка, можетъ быть чрезвычайно много, число ихъ даже неопредѣленно. Въ навыкѣ есть постоянство, потому надобно называть его качествомъ. Говорятъ: привычка — другая натура. Точно въ человѣкѣ повторяемое стремленіе воли къ одинаковымъ предметамъ можетъ такъ усилиться въ душѣ, что превращается въ потребность, подобную прирожденнымъ, естественнымъ потребностямъ. Однако при всемъ своемъ постоянствѣ, глубокомъ укорененіи въ душѣ, навыкъ не есть ея существенное, неотъемлемое свойство, безъ котораго она перестала бы быть душею. Душа перестанетъ быть душею, когда въ

мыслях вообразимъ, что нѣтъ въ ней воли, нѣтъ мысленной силы: этимъ разрушились бы существенныя ея признаки, и она не была бы человѣческою душею. Но ежели возмемъ какой нибудь навыкъ, напр. навыкъ въ воздержаніи, или невоздержаніи, онъ не есть неотъемлемое свойство души; навыки вырабатываются уже дѣйствительнымъ напряженіемъ души къ дѣйствованію, усиливаются, и въ дѣйствительной жизни, но не во внутренности природы; можетъ человѣкъ остаться человѣкомъ, и не бывъ добродѣтельнымъ, усвоивъ себѣ противоположный навыкъ—порочность. Такъ и многія состоянія, въ дѣйствительной жизни нажитыя, пріобрѣтенныя, хотя составляютъ ея качества, но не существенныя, а случайныя; образованность и необразованность могутъ принадлежать человѣку, и могутъ быть отъ него отняты; и тогда, какъ отъ понятія человѣка отнимется понятіе образованности, онъ останется человѣкомъ. Такъ внѣшнія состоянія — богатство, здоровье — суть случайныя принадлежности; могутъ быть и не быть въ человѣкѣ, могутъ быть замѣняемы и противоположными качествами; при всемъ томъ человѣкъ въ сущности останется человѣкомъ, будетъ ли онъ здоровъ или постоянно боленъ. Эти случайныя качества измѣняемы, удобоотъемлемы, могутъ быть разсматриваемы или внутри предмета, или въ наружномъ его дѣйствованіи,—въ примѣненіи силъ къ другимъ предметамъ. Въ первомъ случаѣ называются онѣ modi—видоизмѣненіями вещи, во второмъ relationes—отношеніями. Здоровье—внутреннее качество тѣла человѣческаго, которое можетъ быть мыслимо и безъ отношенія къ внѣшнимъ предметамъ, есть modus. А качества сравнительныя, изъ сравненія съ другими предметами открывающіяся случайныя принадлежности,—это уже relationes. Сказать: сынъ—значитъ опредѣлить отношеніе человѣка, — отношеніе его къ родителямъ.

Objectum est vel indeterminatum, vel determinatum.—Доколѣ въ дѣйствительности еще не явилось одно изъ двухъ противоположныхъ качествъ, доколѣ остается въ возможности состояніе предмета, онъ можетъ быть неопредѣленнымъ. Изъ одной и той же глины горшечникъ сдѣлаетъ какой угодно сосудъ, круглый или четырехъугольный и пр. Доколѣ какое

нибудь произведеніе содержится еще въ возможности, а не вступило въ дѣйствительность, доколѣ оно можетъ находиться въ состояніи неопредѣленномъ; а когда уже поступило въ дѣйствительность, тогда изъ двухъ совершенно противоположныхъ, противорѣчущихъ признаковъ—или сказуемыхъ одно должно принадлежать ему. Что касается до качествъ существенныхъ, то по нимъ опредѣлено существо, которому принадлежатъ онѣ, даже и тогда, когда онѣ остаются въ возможности. Но случайныя качества, доколѣ не выступили въ дѣйствительность, неопредѣлены, можетъ то или другое принадлежать предмету. По существеннымъ признакамъ человѣкъ опредѣленъ и тогда, когда они еще въ возможности представляются, а не въ дѣйствительности; и тогда, какъ не началъ онъ жить жизнію разумною, мыслительною, все онъ существо разумное; но, по случайнымъ признакамъ и свойствамъ, доколѣ они въ возможности только, онъ находится въ неопредѣленномъ положеніи; нельзя сказать навѣрное, что онъ непремѣнно будетъ порочнымъ или добрымъ, онъ можетъ быть въ послѣдствіи и тѣмъ и другимъ.

Principium individuationis относится къ субстанціи. — Всякое недѣлимое, хотя бы непрестанно измѣнялось и по внутреннимъ и по внѣшнимъ качествамъ, всегда остается одно и тоже: substantia manet eadem. Замѣтили въ разсмотрѣніи категоріи субстанціи, что при всѣхъ видоизмѣненіяхъ substantia manet eadem. Это названо въ средніе вѣка principium individuationis.

Касательно признаковъ существенныхъ и общаго ихъ состава, который называется сущностію вещей (essentia), много было различныхъ мнѣній у философовъ. Какъ понимать эту сущность (essentia)? Въ Греческомъ языкѣ въ самой терминологіи была сбивчивость, такъ что одно слово — οσια означало и essentiam и substantiam, между тѣмъ понятія того и другаго различны. Сущность можетъ остаться сущностію и тогда, когда она въ мысляхъ опредѣлена, не выражается еще въ существахъ, коимъ она принадлежитъ. Субстанція, — самодѣятельное начало жизни существуетъ только уже въ недѣлимыхъ существахъ, имѣющихъ дѣйствительное бытіе. Сущность для цѣлаго рода одна, недѣлимыхъ въ одномъ родѣ много, равно какъ и субстанцій. Сущность,

какихъ бы то ни было существъ, физическихъ ли или духовныхъ, вѣчна, потому что опредѣлилъ ее Творческій вѣчный Умъ и какъ Всевѣдущій и Неизмѣняемый, не прибавляющійся, невозрастающій, отъ вѣка вѣдаетъ сущность каждой вещи. Такъ сущность, совокупность необходимыхъ признаковъ, неотъемлема отъ вещи; отъ вѣка въ Умѣ Божественномъ имѣетъ мѣсто, хотя бы не была въ дѣйствительномъ бытіи существъ, хотя бы не была субстанціей, въ которую бы она была вложена. А субстанціи, равно какъ и недѣлимыя, невѣчны; нельзя сказать объ нихъ, какъ о сложныхъ существахъ, чтобы онѣ были удоборазлагаемы. Такъ не можемъ представить начало и конецъ ихъ одинаковымъ съ началомъ и концомъ вещей сложныхъ. Но нельзя сказать, чтобы онѣ необходимо были безначальны и нескончаемы. Такова одна только Безконечная Субстанція—Богъ. Сотворенныя субстанціи имѣютъ начало не чрезъ составленіе, сложеніе и какъ выражаются философы, oriuntur in instanti чрезъ одно нераздѣльное дѣйствіе мгновенное въ цѣломъ своемъ содержаніи, въ которомъ нѣтъ количества, нѣтъ величины, нѣтъ сложности. Такъ онѣ не безначальны, но не чрезъ однократное мгновенное дѣйствіе получили бытіе, ortae sunt in instanti. Онѣ также не нескончаемы; хотя онѣ не могутъ разлагаться, какъ существа сложныя, потому что не на что разлагаться, не имѣютъ частей; но могутъ быть прекращаемы опять in instanti—цѣльнымъ прекращеніемъ, что и называютъ философы annihilari. Такъ понятіе субстанціи и понятіе essentiae совершенно различны.

Въ Греческомъ языкѣ не было строгаго означенія двухъ этихъ понятій двумя словами, то, и другое попеременно называлось οὐσία. И отъ того происходила иногда сбивчивость.— Потомъ различно думали философы о познаніи сущностей вещей. Особенно здѣсь замѣчательно положеніе Канта: все, что мы познаемъ, есть измѣняющееся, во времени и пространствѣ являющееся,—phoenomena—явленія; entia in se, или essentia rerum manent aequalia—x, incerta;—сущности вещей мы не можемъ знать, для этого надлежало бы возвыситься надъ своей ограниченностію, выдти изъ предѣловъ пространства и времени, чтобы постигнуть вѣчное, какова сущность вещей. А мы обложены предѣлами пространства и времени, потому не можемъ познать сущности вещей.

Между тѣмъ догматическіе философы еще въ древнія времена признавали возможнымъ познаніе сущности вещей, конечно, въ разныхъ степеняхъ. Такъ напримѣръ въ средніе вѣка извѣстенъ споръ между номиналистами и реалистами. Реалисты допускали дѣйствительное существованіе родовъ и видовъ вещей; изъ номиналистовъ нѣкоторые доходили до положенія Канта, т. е. что всякое наше разсужденіе о родахъ и видахъ—только наше представленіе, именно нами придумано для удобнѣйшаго обмышленія, обозрѣнія вещей. Истина должна быть въ срединѣ. Ежели мы нисколько не понимаемъ сущности вещей, то въ нашихъ познаніяхъ нѣтъ ничего твердаго, остается держаться скептицизма, — признавать всѣ свои познанія случайными, зависящими или отъ нашего произвола, или какъ Кантъ признавалъ, не отъ произвола, а отъ необходимаго устроенія нашей природы. Онъ принималъ необходимые, существенные законы удерживалъ ту мысль, что человѣку не отказано въ возможности—познавать истину. Одна изъ коренныхъ потребностей, для (познавательныхъ силъ)—познавать истину. Чтобы познать истину, для этого недовольно знать только явленія, а нужно знать сущность, безъ сущности нѣтъ истины. И потому должно быть, чтобы человѣкъ могъ познавать существенное. Опытъ это оправдываетъ и касательно истинъ теоретическихъ, и касательно истинъ практическихъ. Много въ истинахъ теоретическимъ такого, въ чемъ положеніями, сужденіями разума даже исчерпывается сущность предмета. Нужно конечно отличать сущности вещей, не отъ насъ зависящія, опредѣленныя Умомъ Творческимъ. Творецъ всегда видѣлъ въ полнотѣ, что творилъ, и по предварительному этому видѣнію сотворилъ. И потомъ нужно отличать сущности предметовъ такія, которыя отъ насъ зависятъ, гдѣ conceptus factitii, не то, что произвольныя понятія, но построеваемыя по необходимымъ законамъ мысленной нашей силы. Это рождающееся отъ нашей мысленной силы, какъ ею творимое, вполнѣ ею и объемлется. Таковы истины математическія; сущность предметовъ, сущность построенія фигуръ математическихъ вполнѣ исчерпывается, вполнѣ объемлется. Относительно тѣхъ сущностей въ вещахъ, которыя не отъ насъ вполнѣ зависятъ, а отъ Ума

Божественнаго,—конечно, не можемъ сказать, чтобы мы видѣли ихъ въ каждой вещи во всей глубинѣ и полнотѣ, но и здѣсь можемъ знать, нѣчто, существенное, что необходимо для вещи, безъ чего вещь не можетъ быть вещію. Въ этомъ отношеніи всего ближе къ намъ собственная наша душа. Конечно, мы не можемъ похвалиться, что мы познали свою душу такъ глубоко, всецѣло, во всѣхъ существенныхъ силахъ и законахъ, что къ этому и прибавить нечего, что и въ послѣдствіи времени могутъ открыться такія существенныя свойства души, которыхъ бы мы теперь не знаемъ. Опытъ показываетъ, что при всѣхъ углубленіяхъ въ сущность души, хотя усмотрѣны были нѣкоторыя неотъемлемыя ея признаки, однако не вдругъ усмотрѣли все существенное, принадлежащее душѣ, а иное и въ послѣдствіи времени открывали мыслители, между тѣмъ эта неполнота, не доказываетъ того, что мы не знаемъ ничего существеннаго въ душѣ. Опредѣляя человѣка, какъ существо разумно—свободное, въ которомъ разумность соединена съ чувственностію, мы не выражаемъ этимъ только феноменъ: но вполнѣ по собственному сознанію убѣждены, что человѣкъ не былъ бы человѣкомъ, ежели бы отнята была отъ него разумность и свободная воля; тогда онъ былъ бы что нибудь другое, а не человѣкъ. Такъ этотъ главный, существенно принадлежащій человѣку характеръ давно знаемъ, хотя не можемъ сказать того, чтобы мы узнали всѣ существенныя свойства человѣка; въ вѣчности можетъ раскрыться для сознанія нашего много такого, чего мы теперь еще не дознали въ себѣ.

Итакъ между стороною догматическихъ и критическихъ философовъ нужно удержать ту средину, что хотя не можемъ вполнѣ похвалиться проницаніемъ въ сущность вещей, во всѣ существенныя ихъ качества, тѣмъ не менѣе знаемъ нѣчто существенное въ вещахъ, безъ чего онѣ не остались бы тѣмъ, что суть. Совершенно это знаемъ въ понятіяхъ и сужденіяхъ, построеваемыхъ нашею мысленною силою, которыя впрочемъ не игра, послѣдованіе которымъ усматриваемъ въ опытѣ, т. е. послѣдованіе математическимъ законамъ. Ежели при преждеопытныхъ построеніяхъ математическихъ не видимъ въ опытѣ предметовъ,

имъ соотвѣтствующихъ: все съ полною увѣренностію утверждать можемъ (послѣ приходитъ опытъ и подтверждаетъ эту нашу увѣренность), что все, необходимо составленное въ умѣ, правильно построено. Потомъ можемъ знать многое существенное, неотъемлемое касательно нашей природы, и также касательно законовъ дѣйствованія внѣшнихъ вещей, хотя здѣсь болѣе доступа ошибкамъ, нежели въ познаніи самихъ себя, потому что онѣ не такъ близки къ намъ, какъ наше—*я*.

Приняты лучшими философами эти положенія касательно вещей, что сущности вещей необходимы, неотъемлемы, неизмѣняемы, вѣчны, неудобосообщимы. Только правильно надобно разумѣть ихъ положенія, и тогда видно будетъ, что онѣ вытекаютъ изъ самаго опредѣленія сущности. Сущность такъ опредѣляется: она есть совокупность необходимыхъ признаковъ предмета, безъ которыхъ предметъ пересталъ бы быть тѣмъ, что онъ есть. Въ этомъ опредѣленіи заключается уже первое положеніе, что сущности вещей необходимы. Не разумѣется здѣсь та безусловная необходимость, по которой сущность и дѣйствительное бытіе предметовъ внѣ представленій и въ самой дѣйствительности не раздѣльно соединены. Такая безусловная необходимость принадлежитъ одному Богу. Но здѣсь разумѣется условная и вмѣстѣ логическая необходимость, которая относится не къ самому бытію предмета, а къ содержанію его—къ совокупности признаковъ; остается ли предметъ, въ мысляхъ или и въ дѣйствительное бытіе изводится, все необходимо, чтобы существенныя его качества пребывали неотъемлемыми отъ него, неизмѣняемыми. По бытію всякое конечное существо измѣняется, но должны быть среди измѣненій постоянные законы, которые дотолѣ неотъемлемы, доколѣ существа продолжаютъ свое бытіе. Такого рода необходимость принадлежитъ сущностямъ всѣхъ конечныхъ вещей. Сущностямъ ихъ принадлежитъ необходимость подъ условіемъ: съ такимъ то субъектомъ, ежели онъ приведенъ въ бытіе, необходимо связанъ въ дѣйствительности такой-то предикатъ, а когда субъектъ не приведенъ въ бытіе, то — въ мысленныхъ представленіяхъ. Никакая сила не можетъ разорвать этого союза. Напримѣръ, когда говорится о кругѣ,

что въ немъ всѣ радіусы, идущіе отъ центра къ окружности, равны (это существенное качество круга), не выражается, что онъ непремѣнно долженъ быть и существовать отъ вѣка; онъ можетъ и не существовать; но въ томъ Умѣ Творческомъ, который привелъ міръ въ дѣйствительное такое построеніе пространства—мысль о сущности круга необходима. И при самомъ Всемогуществѣ Творца не можетъ совершиться это, чтобы въ кругѣ одинъ радіусъ былъ короче, другой длиннѣе; тогда кругъ не будетъ кругомъ, тогда будетъ опредѣленіе другой какой нибудь фигуры.

Правильно также должно разумѣть и то положеніе, что сущности вещей не измѣняемы—essentiae rerum sunt immutabiles. Познаніе о нихъ могутъ перемѣняться въ умахъ существъ ограниченныкъ, но отъ этого онѣ сами не измѣняются. Ихъ главное такъ сказать отечество — мѣсто есть Умъ Божественный, въ немъ отъ вѣка опредѣлены сущности вещей. Какъ умъ Божественный не причастенъ измѣненіямъ, такъ и опредѣленныя имъ сущности вещей должны быть неизмѣняемы. Въ отношеніи къ разнымъ видамъ бытія могутъ быть перемѣны; сущность вещей по отношенію къ бытію конечному можетъ быть только возможною, т. е. въ Умѣ Божественномъ только существуетъ, далѣе можетъ принять ту перемѣну, чтобы изъ возможности перейти въ дѣйствительное бытіе, и потомъ можетъ испытать и ту перемѣну, чтобы опять изъ дѣйствительнаго бытія поступить только въ возможное, когда соотвѣтствующій сущности предметъ по Всемогуществу Творца уничтожился бы. Такъ могутъ переходить сущности изъ возможности въ дѣйствительное бытіе, и изъ дѣйствительности въ мысленное. Но этимъ не нарушается сила положенія о неизмѣняемости сущности. И въ возможности, и въ дѣйствительномъ бытіи содержаніе сущности одинаково опредѣляется въ Умѣ Неизмѣняемаго. Въ этомъ смыслѣ сущностямъ принадлежитъ неизмѣняемость, а не въ томъ, чтобы онѣ были неизмѣняемы, какъ Существо Безконечное, которое и по сущности и по бытію неизмѣняется. Даже если смотрѣть на нихъ уже въ этомъ вторичномъ состояніи, когда онѣ сообщены родамъ и видамъ существъ, и тутъ онѣ остаются неизмѣнными; измѣняются вещи, но сущности въ нихъ пребываютъ одинаковыми то-

жественными. Ежели бы и сущности въ вещахъ въ слѣдъ за явленіями были измѣняемы, то онѣ не были были бы необходимыми, онѣ были бы случайными, т. е. въ одно время принадлежали вещи, въ другое могли бы быть отняты отъ нея, и переведены въ другой родъ. — Это уже съ самимъ опредѣленіемъ сущности не совмѣстно.

Также разумѣть должно и третье положеніе: сущности вещей вѣчны; т. е. что онѣ вѣчны въ Умѣ Творческомъ. А въ связи съ вещами дѣйствительно существующими,—въ бытіи дѣйствительномъ онѣ не могли бы быть названы вѣчными. Какъ только начались конечныя существа, въ тоже мгновеніе сообщены имъ постоянные, существенные законы бытія, сообщена сущность; только ничто можетъ быть безъ сущности, безъ всякихъ существенныхъ качествъ. А въ вещахъ дѣйствительныхъ необходимы постоянные законы, какъ имъ дѣйствовать. Сущности необходимо опредѣлены отъ вѣка Умомъ Вѣчнымъ; въ Немъ онѣ отъ вѣка существуютъ прежде дѣйствительнаго бытія. Иначе должно бы было допустить, что существенныя свойства, существенные законы, опредѣленія вещей въ самомъ Умѣ Божественномъ составились, возникли въ послѣдствіи времени.—Это значило бы, что и Умъ Божественный возрастаетъ, измѣняется, пріобрѣтаетъ нѣчто такое, чего въ Немъ прежде не было отъ вѣка. Какъ о Существѣ Безконечномъ, такъ и объ Умѣ Божественномъ нельзя этого сказать. Богъ есть Существо неизмѣняемое, въ которомъ не можетъ быть ничего привходящаго. Вотъ въ какомъ смыслѣ сущности вещей называются вѣчными, не въ дѣйствительномъ ихъ выраженіи, когда онѣ вводятся въ міръ, въ субстанціи вещей, а въ предначертаніи, въ существованіи ихъ внутрь Ума Божественнаго; тамъ онѣ вѣчны, тамъ отъ вѣка, и никогда неизмѣняются. Изъ этого положенія, что сущности вещей вѣчны, не слѣдуетъ, чтобы и роды существъ, въ которыя онѣ влагаются, были вѣчны, что подавало поводъ къ спорамъ и къ опасеніямъ,—назвать сущности вещей вѣчными.

И четвертое положеніе: essentiae rerum sunt inseparabiles et incommunicabiles, non possunt ab entibus separari, et allis entibus tribui, adeoque sunt inseparabiles et incommunicabiles,—правильно надобно разумѣть.. Inseparabiles—оче-

видно, достовѣрное положеніе: оно вытекаетъ изъ понятія necessarium— необходимости, неотъемлемости сущности вещей. Безъ сущности что будетъ? ничто. Для всѣхъ вещей, дѣйствительно существующихъ должна быть своя сущность. Incommunicabiles — не такъ надобно понимать, чтобы не могло быть и дѣленія какихъ нибудь существенныхъ свойствъ отъ однихъ предметовъ другимъ, но такъ, что для всѣхъ вещей есть опредѣленные закономъ Творца роды и виды, такъ что не одинъ изъ родовъ и видовъ не можетъ быть лишенъ свойствъ ему существенныхъ, и ему свойственная сущность не можетъ замѣнить собою сущности другихъ родовъ или видовъ вещей, такъ чтобы въ другихъ родахъ и видахъ своя сущность пропадала и была другая. Это не тотъ будетъ родъ, не та вещь, это новое твореніе. Существенныя свойства могутъ быть удѣляемы отъ однихъ существъ другимъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, когда сіи другія существа одного и того же рода съ прежними; когда нѣтъ уничтоженія одного рода другимъ, превращенія одного въ другой. Въ одномъ и томъ же родѣ вещей отъ причины къ произведеніямъ существенныя качества могутъ передаваться, такъ что и въ причинѣ остаются, и между тѣмъ сообщаются произведеніямъ: — это законъ рожденія. Въ одномъ родѣ существъ всегда есть распространеніе своего рода, порожденіе подобныхъ себѣ, въ органическомъ ли царствѣ, въ животномъ ли, въ царствѣ ли существъ разумно—нравственныхъ, всегда есть продолженіе своего рода. Чрезъ рожденіе существенныя качества отца переходятъ къ дѣтямъ; существенныя качества растенія, отъ котораго рождаются новыя растенія, переходятъ въ эти новыя. Въ такомъ случаѣ essentialia praedicata seu atributa sunt communicabilia. Сообщеніе существенныхъ свойствъ, имѣетъ мѣсто даже въ отношеніи Существа Безконечнаго къ конечнымъ. Конечно, вся сущность Безконечнаго въ безконечной своей мѣрѣ не можетъ быть передана никакому другому сотворенному существу. Но принадлежащія къ ней, существенныя свойства въ степени конечной, могутъ быть сообщены сотвореннымъ; воля не есть что нибудь сотворенное изъ ничтожества, но образъ Высочайшей, Безконечной Свободы Божественнаго Существа, отъ Него удѣ-

ленное свойство, только въ формѣ конечности. Вѣдѣніе человѣческое о Божествѣ, какъ бы оно ни было ограниченно, неполно, не изъ ничего сотворено, а есть удѣленіе Безконечнаго Самосвѣдѣнія Божественнаго, только въ другой степени, въ степени конечности. Отъ Творца же нѣчто подобное Его существеннымъ качествамъ, передано конечнымъ существамъ, именно стремленіе къ безконечнымъ совершенствамъ, къ улучшенію себя въ безконечность, недовольствующееся тѣмъ развитіемъ, которое доведено до извѣстнаго пункта времени. Потому справедливо замѣчали философы, что въ самомъ Безпредѣльномъ, Высочайшемъ Существѣ есть существенныя Его свойства, какихъ не возможно сообщить (attributa incomminicabilia), и есть существенныя Его совершенства communicabilia. Почему и другое выраженіе о Творцѣ встрѣчается у философовъ: Deus est Supremum Bonum, Bonum autem est sui ipsius communicativum,— высочайшее Добро любитъ сообщаться. У Діонисія Ареопагита и другихъ послѣдовавшихъ ему глубокомысленныхъ учителей Церкви есть и то понятіе, что все сущее, въ разныхъ степеняхъ жизни, имѣетъ нѣчто общее съ Виновникомъ бытія всѣхъ вещей, различны степени жизни, но во всѣхъ есть το ειναι—быть, въ нѣкоторыхъ многихъ ξωη жизнь, (не просто бытіе, но жизнь), гдѣ уже движеніе и ощущеніе, въ другихъ нѣкоторыхъ и разумность; разныя степени бытія, бытіе всѣхъ вещей есть образъ бытія Того, которому принадлежитъ въ полномъ смыслѣ имя: *Сый*; жизнь живущихъ и чувствующихъ существъ (животныхъ) есть образъ жизни (τὸ ειναι) Высочайшаго Виновника жизни; разумность разумныхъ существъ есть образъ, и притомъ высшій для сотворенныхъ существъ, Его духовности,—Его Ума совершеннѣйшаго и Воли совершеннѣйшей; по участвованію въ Его τὸ ειναι—въ Его жизни и въ Его разумности, все и сущее пребываетъ оживленнымъ, живущимъ и разумнымъ, имѣетъ разумность, не такъ, чтобы эти самыя общія свойства разныхъ родовъ существъ были изъ ничего; существа изъ ничего приведены въ бытіе; но бытіе, жизнь и разумность проистекли изъ бытія, жизни и высочайшаго разума самаго Божества. Essentiae rerum sunt incommunicabiles — не должно такъ разумѣть, чтобы не возможно было удѣленіе

существенныхъ свойствъ отъ однороднаго къ однородному, даже отъ Безконечнаго Существа къ существамъ конечнымъ, а такъ, что въ вещахъ разнаго рода не можетъ быть уничтоженія сущности вещей и внесенія въ тѣ вещи совершенно иной сущности. Въ этомъ содержится положеніе: essentiae rerum sunt incommunicabiles.

Къ разсмотрѣнію качествъ вещей относится также разсмотрѣніе ихъ сходства или несходства, подобія или неподобія. Конечно, тутъ не одна вещь разсматривается во внутренности своей, но двѣ или многія вещи поставляются одна противъ другой и сличаются между собою, но сличаются по качествамъ (другое сличеніе по количеству, гдѣ опредѣляется равенство, или неравенство количествъ). А когда вещи сравниваются по качествамъ, могутъ быть сходными и не сходными

Есть сходство частное, и можетъ быть сходство всецѣлое, всеобщее. Когда предметы одно или нѣсколько качествъ имѣютъ общія, называются сходными или подобными. Но ежели бы два предмета были совершенно сходными, во всѣхъ признакахъ имѣли всѣ качества общія: то они были бы res eaedem; не почему бы ихъ было различить, — были бы неразличными (indescernibiles). Обращая вниманіе на такое отношеніе предметовъ, философы утверждали, что нельзя найти многихъ или двухъ предметовъ такихъ, которые бы во всемъ,—во всѣхъ качествахъ, отношеніяхъ, были совершенно сходны между собою, имѣли всѣ качества и внутреннія и внѣшнія общія. Изъ этого составлено principium indescernibilium, которое особенно объяснено было Лейбницемъ и его послѣдователями: non dantur, nec dari possunt entia perfecte similia sive res eaedem.

Обратное положеніе другое, которое также имѣетъ силу касательно сходства вещей, что нѣтъ двухъ вещей такихъ, которыя бы ни въ чемъ не были сходны, которыя бы совершенно противорѣчили себѣ, не имѣли ничего общаго. Послѣднее положеніе тѣмъ доказывается, что хотя внутреннія и внѣшнія качества различны въ вещахъ, впрочемъ, остается взаимное то общее—ens. Ens et non — ens, ens et nihilum не имѣютъ ничего общаго. Но въ положеніи говорится только de entibus. — Конечно, по сужденіямъ общаго смысла

представляются нѣкоторые предметы тожественными; иногда говорятъ: сходны предметы, какъ двѣ капли воды,—двѣ капли воды далеки отъ тожества. Ближе было бы, когда бы сказали: — какъ двѣ точки; потому ближе, что точка не имѣетъ ни величины; ни ширины, ни длины. Чѣмъ же отличить двѣ точки, когда онѣ—не имѣютъ ни величины, ни ширины, ни длины; одинъ пунктъ не имѣетъ ничего лишняго передъ другимъ пунктомъ ? Въ мысленномъ настроеніи такъ; но не такъ въ самой натурѣ вещей. Между самыми сходными вещами вездѣ остается разность, по крайней мѣрѣ, по пространству и времени. И двѣ точки тѣмъ одна отъ другой отличаются, что находятся не въ одномъ времени. Это самая общая черта разности для всѣхъ сотворенныхъ существъ. Для всѣхъ чувствами представляемыхъ вещей найдется разность по пространству. Эта разность не многозначительна. Напримѣръ, и центръ есть точка и гдѣ нибудь на концѣ радіуса положенная точка есть также точка: но велика разность силы въ центрѣ и въ точкѣ окружности, гдѣ нибудь на протяженіи радіуса. Такъ какое бы ни было сходство въ самыхъ даже мелкихъ вещахъ (въ нихъ можно усматривать болѣе сходства), въ чувственныхъ предметахъ: при нихъ остается разность по пространству, разность важная, отъ нея зависитъ и разность силъ. Но много, какъ кажется, конечныхъ существъ, возвышается, надъ пространствомъ, не можно ли представить бытіе двухъ духовъ совершенно тожественныхъ? Нельзя сказать, чтобы и духовныя конечныя существа во всѣхъ отношеніяхъ изъяты были отъ пространства; правда, они не имѣютъ пространства по очертанію, но имѣютъ пространство по присутсвію; не имѣютъ фигуры, но занимаютъ въ цѣломъ составѣ вселенной опредѣленное себѣ мѣсто; потому что не вездѣсущи. Когда бы не занимали опредѣленной части всеобщаго пространства, были бы вездѣсущи, всеисполняющи; — а этого нѣтъ въ духахъ конечныхъ, какъ бы мы не представляли ихъ высокими. Ибо свойство — неизмѣримость и вездѣ присутствіе принадлежитъ Безконечному только Существу. Слѣдовательно и духи конечные имѣютъ зависимость отъ пространства; пусть бы можно было представить два духовныя существа по всему,— и природнымъ —существеннымъ свойствамъ, и по раскрытію

жизни совершенно сходными: все и они въ отношеніи къ цѣлому міру, какъ не вездѣсущіе, имѣютъ ограниченіе пространствомъ, одинъ не тамъ, гдѣ другой: въ этомъ ихъ видна разность! потомъ разность еще во времени. Кромѣ того principium indiscernibilium — это положеніе, что „не только нѣтъ, но и не можетъ быть двухъ вещей во всѣхъ свойствахъ и отношеніяхъ совершенно сходныхъ“ — и логически доказывается тѣмъ, что ежели бы онѣ ничѣмъ не различались, то зачѣмъ и говорить: двѣ? — это одна вещь. Ежели и внутреннія и внѣшнія качества и отношенія пространства и времени одного существа сходны совершенно съ качествами и отношеніями другого; ежели ничѣмъ нельзя различать двухъ существъ: то нѣтъ основанія, нѣтъ причины говорить, что это два; это одно. Ежели даже и возможно бы было, чтобы ни въ чемъ не различествовали, ни во времени, ни въ пространствѣ: то слились бы въ одну точку, составили бы одно. Два понятія — множественность и разность — опредѣляются одно другимъ, гдѣ множественость, тамъ должна быть и разность, гдѣ разность, такъ и множественность, это неразрывно соотносимыя понятія. — Опытъ даетъ частное подтвержденіе логическаго доказываемаго положенія. Опытъ, особенно при усовершенствованіи зрительныхъ орудій (телескоповъ), показалъ множество разностей въ самыхъ мелкихъ неудоразличимыхъ вещахъ. Сколько сравнивали песчинку съ песчинкою, малую капельку съ другою: находили множество разностей и въ объемѣ, и въ очертаніяхъ, и въ наполненіи, такъ что Лейбницъ выражался: каждая капля — особенный міръ, въ каждой каплѣ много мелкихъ существъ, не усматриваемыхъ простымъ глазомъ, въ одной такое движеніе, въ другой иное; его же выраженіе: каждый листочекъ составляетъ особый міръ. Конечно опытъ не можетъ сообщить всеобщности и необходимости этому положенію, потому что онъ хотя на весьма многіе предметы простирается, но не на все. А въ положеніи говорится: non dantur, nec dari possunt res perfecte eaedem. Впрочемъ, подтвержденіемъ служитъ и опытъ.

Кантъ и его послѣдователи ограничиваютъ это положеніе тѣмъ, что его можно простирать только на феномены, вещей самихъ въ себѣ мы не знаемъ, говоритъ Кантъ; только знаемъ, что онѣ внѣ пространства и времени; такъ въ опыт-

ныхъ вещахъ, въ чувственныхъ явленіяхъ — феноменахъ, можетъ быть разность, ежели не по качествамъ, то по пространству и времени; а ноуменовъ мы не знаемъ, тамъ, можетъ быть, возможно это, чтобы были два предмета, двѣ субстанціи совершенно сходныя между собою. — Ежели бы субстанціи отдѣлены были отъ своего проявленія, отъ принадлежащихъ имъ свойствъ, тогда можно было бы усумниться въ этомъ. Но субстанція должна проявить себя. Доколѣ она въ мысленныхъ представленіяхъ остается только съ своими существенными свойствами, а не въ дѣйствительности проявляется, конечно въ мысленныхъ представленіяхъ для ней нѣтъ пространства,—дотолѣ существенныя свойства ея однѣ и тѣже. Тутъ могутъ быть два предмета, двѣ субстанціи тожественныя. Но на самомъ дѣлѣ всякая субстанція должна проявлять себя, войти въ рядъ другихъ субстанцій, и тамъ должна занять свою степень, которою и отличается отъ другихъ субстанцій. Даже это идетъ выше субстанцій конечныхъ; это относится и къ Безконечной Субстанціи, т. е. и тамъ истинно это положеніе, что не можетъ быть многихъ боговъ; этимъ единство Божіе и доказывается изъ разума. Какъ представлять множество боговъ? различны ли они, или совершенно тождественны? Ежели различаются: то у одного не будетъ доставать того, что есть у другаго, слѣдовательно онъ не есть существо совершеннѣйшее (realissimum) – не Богъ, а истиннымъ Богомъ будетъ только Тотъ, у котораго нѣтъ никакого недостатка, который все въ себѣ имѣетъ, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ существенности, непротиворѣчащія; это само собою очевидно. Ежели же они тождественны, опять не можетъ быть допущено множество боговъ. Ежели они совершенно тождественны не только во всѣхъ качествахъ, но и во всѣхъ отношеніяхъ: то нѣтъ никакого основанія, нѣтъ никакой причины называть ихъ многими, они сливаются, совпадаютъ въ одно понятіе. Такимъ образомъ доказывается изъ разума единство Божіе.

Противоположное качество положенію или утвержденію есть отрицаніе есть другой видъ категоріи качества. На одной сторонѣ утвержденіе, на другой отрицаніе. Изъ сличенія, изъ сочетанія того и другаго раждается понятіе о предѣлѣ,

объ ограниченности. Ограниченіе есть negatio ulterioris realitatis, или какъ прежде выражались—есть defectus ulterioris realitatis.—Такъ, гдѣ есть ограниченіе, есть и реальность, есть и существенныя свойства, силы, но онѣ не простираются въ безпредѣльность, полагаются какъ истинно сущія, но существенность ихъ не простирается въ безпредѣльность, на какомъ нибудь пунктѣ подвергается отрицанію.—Знаніе наше есть нѣчто существенное,—aliquid reale, объемлетъ собою многое, владѣетъ многими предметами, но не владѣетъ всѣми; есть много предметовъ, на которые знаніе не простирается, гдѣ уже есть отрицаніе знанія. Это отрицаніе знанія есть limes предѣлъ. Всѣ сотворенныя существа имѣютъ въ себѣ ту и другую сторону—и положеніе и отрицаніе. Въ каждомъ изъ нихъ нѣчто есть и чего нибудь нѣтъ; въ каждой силѣ сотворенной многое есть и многаго нѣтъ. Это смѣшеніе, сочетаніе и положенія и отрицанія составляетъ предѣльность, ограниченіе вещей.—Nihil только чистое отрицаніе, въ немъ ничего нѣтъ реальнаго. Но ens-non-nihil—непремѣнно должно имѣть въ себѣ что нибудь реальное, существенное. Когда что нибудь ограничивается, это самое *что нибудь* и есть уже реальное, нѣчто ограничиваемое. Но эта реальность не простирается въ безпредѣльность, не объемлетъ собою всего, что могло бы обнять; съ положеніемъ встрѣчается отрицаніе; гдѣ встрѣчается съ положеніемъ отрицаніе, тамъ и предѣльность.

Противоположное этому limitatum есть Illimitatum, Ens Reallissimum, Reale Absolutum. Hinc propositio: Ens nullam admit tens limitationem est ens realissimum, reale absolutum est possibile. Это доказывалъ Лейбницъ въ размышленіяхъ своихъ о Богѣ, что Онъ Ens Realissimum. Онъ говоритъ: сначала должно доказать возможность Entis Reulissimi. Возможность Его тѣмъ доказываетъ, что realitates nullam involvunt condradictionem. Поясняется это положеніе другимъ замѣчаніемъ, которое часто встрѣчается у Отцовъ Церкви: зло не есть реальность, а отрицаніе. И въ разсужденіи о Богѣ нужны же отрицательныя понятія, какъ и въ сужденіи о каждомъ предметѣ положеніе даетъ отрицаніе; что есть Благо совершеннѣйшее, то не есть зло, одно изъ другаго выходитъ. Какъ же не противорѣчить этому положенію: Deus est Ens Realissimum, то,

что въ Немъ не все, въ Немъ нѣтъ зла? Отцы Церкви и нѣкоторые изъ здравомыслящихъ философовъ, какъ Лейбницъ, на это даютъ такое объясненіе: зло не есть aliquid reale, а есть только отрицаніе. Въ самомъ дѣлѣ что въ немъ реальнаго? Весьма реальна свобода, производящая зло,—это справедливо; она въ истинномъ своемъ, въ существенно ей принадлежащемъ направленіи и составляетъ необходимую принадлежность Entis Realissimi. Что съ нею бываетъ тамъ, гдѣ есть нравственное зло?—она не уничтожается, она дѣйствуетъ, но беретъ направленіе противоположное тому истинному направленію, какое въ Богѣ, и какое должны соблюдать подобныя Ему разумныя существа. Это противонаправленіе свободы противъ вѣчнаго, истиннаго закона и есть зло. Что же въ немъ выражается? Въ немъ выражается отрицаніе того совершенства воли, какое во Всеблагомъ, и какое должны имѣть подобныя Ему существа. Любовь, стремленіе къ чему нибудь само въ себѣ есть совершенство и истекаетъ изъ Первообраза всякаго совершенства. Безпорядочная любовь, отъ которой нравственное зло, въ основаніи въ корнѣ своемъ подобна любви въ Волѣ Божественной! Но все зло зависитъ отъ превратнаго направленія; не воля и не свобода худа, не любовь худа, а худо то, что она обращена не къ тому, къ чему должна бы быть обращена, какъ выражается Августинъ: этотъ потокъ Любви Божественной, который слѣдовало бы обращать къ небесамъ, мы приводимъ въ мѣста нечистыя. И потому справедливо, что отрицанія, необходимыя и при разсужденіи о Высочайшемъ Существѣ, родятъ изъ себя положительныя мысли: что—Высочайшее Благо, то не есть зло, что Высочайшее Могущество, то небезсиліе, что Высочайшая Премудрость, то—не безуміе; это необходимо одно изъ другаго раждается. Но это не составляетъ ограниченія, по которому можно бы было сказать, что и тамъ не безконечность. Для Безконечности не нужно требовать того, чтобы Существо Высочайшее вмѣщало въ себѣ все даже и противорѣчущее; тогда нѣтъ мѣста и возможности; и противорѣчіе есть отрицаніе истиннаго, сущеннаго качества (realitatis). Такъ зло есть отрицаніе, и потому само въ себѣ—μη ον,—нѣчто такое, чего нельзя назвать существенностью, а отрица-

ніемъ. Отрицанію подвергается существенное направленіе воли,—и оно есть зло; но она сама образъ Высочайшаго Существа, образъ Его совершеннѣйшей Воли; а противоборство ея, отрицаніе истиннаго, существеннаго добра—и есть нравственное зло, и оно не есть realitas. Такимъ образомъ истинныя реальности, существенныя свойства чужды противорѣчія, а потому, могутъ быть совмѣщены въ одномъ понятіи, именно въ понятіи о Существѣ Безконечно-совершенномъ. Тогда нельзя бы было совмѣщать ихъ въ одно понятіе, когда бы онѣ заключали въ себѣ противорѣчіе; но между истинными существенности (realitatis) не можетъ быть противорѣчія. Слѣдовательно возможно Существо Realissimum.

Категорія количества.

Существенная потребность разума въ своемъ дѣйствованіи приводить многое, разнообразное къ единству сознанія; и какъ онъ находитъ въ самомъ себѣ эту существенную потребность: такъ и въ вещахъ необходимо различаетъ многое и единое, что относится къ категоріи количества.

Quantitas est repraesentatio vel unitatis, vel pluralitatis, vel omnitudinis.

Прежде, чѣмъ во внѣшнихъ предметахъ, мы усматриваемъ въ самихъ себѣ свойство и потребность, чтобы многое приводить къ единству. Въ этомъ состоитъ всякій изъ видовъ нашего мышленія, — составленіе понятій, сужденій и умозаключеній. Впрочемъ главное основаніе, по которому приводится многое въ единство, не только во внѣшнихъ вещахъ, но и въ устройствѣ нашей души, положено. Всѣ категоріи разума имѣютъ высшее свое основаніе въ идеяхъ ума. Низшій опытъ, — представляетъ намъ недостаточное, ограниченное, разновидное,—онъ наблюдаетъ надъ измѣненіями вещей внѣшнихъ и надъ нашими измѣняющимися дѣйствіями; но разумъ отыскиваетъ въ измѣняемомъ неизмѣняемое, къ случайному существенное, субстанціальное и необходимое, къ разновидному единое; потому необходимо пріискиваемъ, что въ насъ есть непосредственное убѣжденіе въ дѣйствительномъ бытіи такого Существа, которому принадлежитъ въ полной мѣрѣ и неизмѣняемость, и необходимость и единство.

Безконечное есть единое въ совершеннѣйшемъ смыслѣ сего слова;—единое по отношенію къ другимъ родамъ существъ, отъ Него зависящихъ, т. е. несравненное, надъ всѣмъ возвышенное одно,—и единое въ совершеннѣйшемъ смыслѣ по внутреннему своему, содержанію; въ немъ чистѣйшая простота, несложность, единство. Поелику, въ умѣ человѣка вложено непосредственное свидѣтельство, внутреннее убѣжденіе въ бытіи этого Высочайше — Единаго, потому человѣкъ отыскиваетъ единство и въ конечныхъ вещахъ внѣшняго и внутренняго міра, представляющагося внѣшнему и внутреннему чувству.

Въ самыхъ вещахъ нѣтъ совершеннаго единства, нѣтъ и наружнаго единства, т. е. относительнаго, по которому бы было какое нибудь существо безпримѣрное — несравненное, высочайшее; для всѣхъ существъ есть роды и виды, къ которымъ относятся недѣлимыя, и они могутъ быть между собою сравниваемы; внутренняго же единства, т. е. не сложности опытъ не представляетъ намъ. Въ видимыхъ предметахъ вездѣ есть сложность, потому, что они подлежатъ пространству, а пространство всегда дѣлимо на части. Можно было бы искать единства внутри насъ самихъ: но и этого единства нельзя назвать чистѣйшимъ; нѣтъ здѣсь сложности матеріальной, сложности частей, положенныхъ одна внѣ другой: но нельзя сказать, чтобы не было сложности виртуальной, сложности силъ. Дѣятельность души нашей не такъ всецѣла, чтобы сливалась въ одну силу; дѣятельность наша проходитъ въ разнообразіи и измѣненіи: – въ разнообразіи, по которому различаемъ разныя дѣйствія и силы;—въ измѣненіи, по которому различныя силы не пребываютъ одинаковыми, равными самимъ себѣ, но возрастаютъ и умаляются. Что это, какъ не сложность? Жизнь души нашей слагается изъ дѣйствій, различныхъ; однѣ болѣе другихъ, однѣ могущественнѣе, другія слабѣе, однѣ полнѣе, другіа частнѣе.

Такъ абсолютнаго нѣтъ единства въ дѣйствіяхъ, силахъ нашихъ и даже въ субстанціи, поскольку обнаруженія ея подлежатъ внутреннему чувству. Единство субстанціи — тожество ея съ самою собою познаемъ мы не по внутреннему опыту, но по умозаключенію, котораго впрочемъ главное основаніе находится въ идеѣ о Высочайше—Единомъ, чисто

несложномъ, не только матеріально несложномъ, но и виртуально несложномъ, котораго и силы не расходятся, такъ сказать, не отступаютъ одна отъ другой, но всецѣло сліянны, и составляютъ одну безразличную дѣятельность. А какъ душа наша создана по образу этаго Высочайшаго—Единаго, на этомъ основаніи сообщено ей единство субстанціи, о которомъ, впрочемъ, внутреннее ощущеніе не даетъ свидѣтельства. Въ собственномъ, совершеннѣйшемъ смыслѣ единство и по отношенію къ другимъ предметамъ и по внутреннему тождеству—принадлежитъ Существу Высочайшему, но намъ удѣлено, какъ образу Его. Такъ тихая и непрерывная дѣятельность идей ума, даже когда и не сознается ясно, встрѣчаясь съ впечатлѣніями внѣшняго міра и нашей собственной конечности, поставляется въ нѣкоторое противоборство. Отъ чего и происходитъ въ насъ потребность—не удовлетворяться низшимъ; въ идеяхъ ума высочайшее единство, а въ опытѣ разновидность, множественность. Ежели бы не было въ насъ внутренняго убѣжденія о высочайшемъ единствѣ: мы бы довольствовались множественностію. Но поелику оно въ насъ есть, и противоположно представленію множественности: потому мы не довольствуемся множественностію, подобно животнымъ, которыя живутъ во множественности, но стараемся выдти изъ ней, овладѣть ею, связывать ее, влагать въ нее единство на разныхъ степеняхъ жизни многихъ вещей. Главное основаніе потребности разума, чтобы многое сводить въ единство, заключается въ томъ, что есть въ умѣ нашемъ непосредственное свидѣтельство о Высочайшемъ, Совершеннѣйшемъ—Единомъ. Такъ представлять себѣ эти свойства въ вещахъ—единство, множество, и, покоряя множество единству, представлять себѣ цѣлое,—все—въ низшемъ или большемъ размѣрѣ,—это и значитъ разсматривать вещи по ихъ количеству.

Есть и сходство категоріи количества съ категоріею качества, есть и различіе. Различіе въ томъ состоитъ, что по категоріи качества разсматриваемъ внутренніе признаки вещей; подводя ихъ подъ категорію количества мало занимаемся разсматриваніемъ ихъ признаковъ; только бы открывалась какая нибудь разность между двумя или мно-

гими вещами; не входя въ ихъ сущность,—не входя въ полное разсмотрѣніе ихъ качествъ, усматривая между ними, разность, имѣемъ мы основаніе различать ихъ, и считать ихъ не какъ одну, а какъ двѣ или многія. Конечно, входитъ сюда относящееся къ категоріи качества разсмотрѣніе однородности; потому что нельзя было бы подводить вещи подъ количество, когда не было бы въ нихъ однородности и разнородности; то и другое нужно принимать въ соображеніе для того, чтобы считать вещи,—сказать, что ихъ много. Однородность, какъ мы видѣли, есть во всѣхъ предметахъ, исключая развѣ чистое противорѣчіе, merum nihilum; его нельзя ни почему сравнивать съ существами (entibus), оно остается и на сторонѣ, не можетъ войти въ счетъ. Но по другому положенію, относящемуся къ категоріи качества, во всѣхъ предметахъ есть разность, въ дѣйствительности нѣтъ двухъ предметовъ такихъ; которые были бы совершенно тожественны между собою. Это другой моментъ, по которому счисляя вещи, называемъ ихъ многими. Такимъ образомъ ποσον, quantum—коликое есть нѣчто такое, гдѣ представляется много разнообразныхъ частей или видовъ, подходящихъ къ одному роду. Когда бы не подходили къ одному роду и даже къ крайнему самому — ens: то и не слагались бы въ одно цѣлое. Такъ есть тутъ и разность, есть и единство — однородность. Безъ разности мы оставались бы только съ единствомъ, не находили бы многаго; безъ единства не связывали бы многое въ одно представленіе, понятіе, сужденіе и умозаключеніе;—то и другое необходимо. Такимъ образомъ отъ качества, т. е. отъ разности и однородности вещей зависитъ количество.

Когда многое объемлется единымъ вполнѣ, изъ этаго выходитъ понятіе нѣкотораго или всего. Все можетъ быть или частнымъ, или всеобщимъ. Можетъ быть цѣлое и въ самомъ маломъ видѣ, и въ самомъ большомъ. И всякій предметъ можетъ быть названъ цѣлымъ, какъ скоро всѣ, по природѣ ему принадлежащія части или признаки, связываются въ одно о немъ понятіе; растеніе, напр. какъ скоро въ сѣмени существенно ему принадлежащія части, связываются въ одно представленіе, есть цѣлое; вся множественность ча-

стей его объемлется, какъ цѣлое однимъ представленіемъ объ немъ. Такъ цѣлое, или совокупность многихъ частей, многихъ признаковъ, приводимыхъ въ одно, можетъ быть и въ меньшихъ размѣрахъ. И въ великихъ размѣрахъ можетъ быть представлено цѣлое. Такъ цѣлое всѣхъ конечныхъ вещей, подлежащихъ пространству и времени, есть міръ, что и называется totum absolutum. Только—absolutum—не совсѣмъ точное выраженіе; оно правильно въ томъ смыслѣ, что это цѣлое—совокупность всѣхъ конечныхъ вещей, не есть часть большаго цѣлаго. Ежели бы сказали, что видимый міръ есть часть цѣлаго міра: то міръ видимый не былъ бы еще послѣднимъ понятіемъ о совокупности всѣхъ вещей; для полноты понятія нужно представлять и міръ невидимый; совокупность же міра невидимаго и видимаго не есть уже часть какого нибудь бо́льшаго цѣлаго: въ этомъ смыслѣ онъ и можетъ быть названъ totum absolutum. Но не можетъ быть названъ totum absolutum въ томъ смыслѣ, что ему не возможно быть большимъ, что невозможно бы было Виновнику его разширить его предѣлы, и умножить число родовъ и видовъ существъ;—въ такомъ смыслѣ это не будетъ absolutum. Въ семъ смыслѣ не будетъ это absolutum totum, будто все конечное, что только можно представить, здѣсь необходимо содержится, чтобы здѣсь была заключена всякая существенность (*); въ этомъ отношеніи нельзя назвать его absolutum totum; а въ томъ смыслѣ, что онъ не есть часть большаго цѣлаго, онъ можетъ назваться absolutum totum.

Нужно различать разные виды количества: quantitas est vel extensiva, vel intensiva, vel negativa, vel quantitas molis, vel quantitas discreta seu numevica, vel quantitas continuata.

Различаются 1) количество внѣшнее extensiva—растяженное, и количество внутреннее, количество силы, (quantitas extensiva). — Внѣшнее количество то, гдѣ части положены одна внѣ другой, подлѣ другой, такъ что сначала различа-

*) Когда разсмотримъ чистыя существенности (realitates), то въ умѣ Божественномъ ихъ безмѣрно болѣе, нежели сколько положено ихъ въ этомъ видимомъ мірѣ.

емъ часть отъ части, какъ внѣ положенныя, и такимъ образомъ восходимъ къ понятію цѣлаго протяженнаго, а не такъ, чтобы одно цѣльное впечатлѣніе свидѣтельствовало намъ объ этомъ количествѣ.—Количества растяженныя (quantitates extensivae) принадлежатъ видимому міру, вещамъ, коихъ части различаются въ пространствѣ, такъ какъ пространство и есть положеніе одного внѣ и подлѣ другаго, ограниченіе однихъ вещей другими, подлѣ ихъ существующими.— Quantitas extensiva собственно имѣетъ мѣсто въ пространствѣ, въ чувственномъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ чувственномъ мірѣ въ строгомъ смыслѣ нельзя найти внутрь — положеніе. Если и представляемъ подъ различными оболочками внутри сокрывающееся ядро, въ разныхъ кругахъ внутри содержащійся шаръ: все это не будетъ настоящая внутренность; все это можетъ быть отдѣлено одно отъ другаго; одинъ слой подъ другими и можетъ быть отдѣленъ отъ верхняго слоя, слѣд. внѣ, подлѣ его существуетъ. А быть внутри собственно принадлежитъ силамъ, какъ силамъ внутреннимъ видимаго міра, которыя не подлежатъ чувствамъ, и потому въ нихъ нельзя отдѣлить части одну отъ другой;—такъ преимущественно силамъ существъ, именующихся силами духа. Тамъ это—быть внутрь; нельзя уже сказать, чтобы память, воображеніе, способность мысленная была одна подлѣ другой; ежели и говорятъ такъ, то въ несобственномъ смыслѣ; — все это въ одномъ субъектѣ — душѣ. Какъ внѣ и подлѣ быть относится къ міру видимому: такъ внутрь — быть относится собственно къ силамъ, къ міру душъ. Такъ, когда разсматриваемъ внѣшнія видимыя вещи, находящіяся въ пространствѣ, то видимъ и части, одна подлѣ другой положенныя, исчисляемъ ихъ, потомъ, усматривая ихъ сходство, подводимъ подъ одно; такъ составляемъ понятіе объ одномъ цѣломъ составленномъ изъ частей, ему предшествуетъ разсмотрѣніе частей, и ими опредѣляется понятіе о цѣломъ. Потому Кантъ и дѣлалъ такое опредѣленіе растяженной величины: quantitas extensiva est, in qua repraesentatio partium repraesentationem totius possibilem reddit., т. е. безъ представленія частей, одна внѣ другой положенныхъ мы не достигли бы до понятія о количествѣ внѣшнемъ (quantitatis extensivae); оно и возможно только,

подъ условіемъ представленія частей, одна внѣ другой положенныхъ, и далѣе совокупленія ихъ межд усобою по какой нибудь однородности, по какому нибудь сходству.

Другое quantitas intensiva—количество силъ, вообще говоря, количество въ душѣ, которой силы отличны отъ силъ физическихъ; не подлежитъ уже измѣреніямъ пространственнымъ, она не имѣетъ частей, одна подлѣ другой положенныхъ. Тутъ хотя и есть частные признаки, частныя силы, связанныя въ одно цѣлое: но нельзя сказать, чтобы онѣ пространственно были связаны; тутъ все внутреннее; и это не только въ душевныхъ силахъ, въ душахъ животныхъ и разумныхъ, но и вообще въ силахъ, — и въ физическихъ силахъ. Здѣсь не нужна преемственность, перехожденіе отъ однихъ частей къ другимъ, преемственное исчисленіе частей, которымъ бы опредѣлялось цѣлое; здѣсь количество внутреннее; т. е. при разсмотрѣніи силъ физическихъ одно цѣльное впечатлѣніе прежде дается, и потомъ уже отъ этого единаго переходимъ къ многимъ степенямъ, но не частямъ (qrudus не-то, что части). Такъ въ самомъ мірѣ видимомъ есть количесто внутреннее, т. е. въ силахъ физическихъ, напр. впечатлѣніе жара, тепла дѣйствуетъ на насъ, не какъ части; тутъ не отличаются части, вдругъ цѣльное впечатлѣніе возбуждается въ насъ, и ежели переходимъ отъ единаго къ немногому, то различаемъ многіе виды тепла и жара; и это единство тепла или жара, но не части, не такъ, какъ на какой нибудь картинѣ различаются части, но такъ, что одно и тоже впечатлѣніе повторяющееся въ различныхъ степеняхъ жара усиливается или ослабляется; въ этомъ усматриваемъ различныя степени, которыя могутъ понизиться до нуля, до nihilum. Такъ въ звукѣ не можемъ различать частей пространственныхъ, хотя онъ не изъятъ изъ пространства, хотя необходимо сопряжены съ нимъ сотрясенія воздуха въ большемъ или меньшемъ; но въ чувствѣ слуха этого мы не замѣчаемъ, а замѣчаемъ степени звука, иной звукъ слабѣе, иной сильнѣе, другой ниже, другой выше. Когда уже обращаемся къ причинамъ звука — къ звучащимъ твердымъ предметамъ внѣшнимъ, при дѣйствіи ихъ можно различать и части, не слухомъ, впрочемъ, а зрѣніемъ. А поскольку слухомъ прини-

маемъ, по стольку они quantitates intensivae, различаются по степенямъ, а не по частямъ. Это и въ низшихъ видахъ, quantitates intensivae, внутреннія количества. Есть тутъ и единое и многое, но предшествуетъ цѣльное впечатлѣніе, послѣ различаемъ многое, не множество частей, а много разныхъ степеней. Восходя выше къ дѣйствіямъ силъ душевныхъ, разумныхъ,—и въ нихъ не можемъ не замѣтить сложности, множественности; не увидимъ въ нихъ чисто несложныхъ единицъ, и внутреннія даже дѣйствія ощущая внутреннимъ чувствомъ, находимъ въ нихъ множественность, но не разность частей. Разсматривая дѣйствія душевныя, не можемъ сказать, чтобы онѣ были положены однѣ подлѣ другихъ, душа подлежитъ закону времени, дѣйствія ея проходятъ преемственно по закону времени однѣ послѣ другихъ, но не подлѣ и внѣ другихъ, не такъ, какъ при частяхъ бываетъ, часть съ частію имѣетъ границу, часть отъ части можно отдѣлить, одна положена подлѣ другой. Съ душею не такъ. Всѣ ея внутреннія дѣйствія внутри ея не могутъ быть измѣряемы никакими пространственными мѣрами; а все внутри только одно послѣ другаго. Такъ и тутъ можемъ различать многія степени, и степени силъ въ жизни душевной, общей съ физическими силами, въ ограническихъ силахъ души, въ двигательныхъ силахъ души, въ двигательныхъ силахъ однѣ сильнѣе, другія слабосильнѣе; и въ высшихъ силахъ души, и въ чувствованіяхъ, и въ желаніяхъ и въ мысляхъ можемъ различать степени силъ; потому и говорятъ: у однихъ крѣпче умъ, у другихъ слабѣе, у однихъ воображеніе живѣе, у другихъ слабѣе, или въ различныхъ возрастахъ у одного человѣка одна и таже сила въ одномъ возрастѣ дѣйствуетъ слабѣе, въ другомъ сильнѣе, есть внутреннее количество, въ которомъ и единство субстанціи вмѣщается, и при такомъ единствѣ множественность дѣйствій, различаемыхъ по степенямъ, но не по пространственнымъ измѣреніямъ. Къ внутреннему количеству относится incrementum et decrementum, возрастаніе и умаленіе, оскудѣніи, но не разширеніе или сжатіе. Хотя и говорится о разширеніи познаній, или тѣсной, скудной ихъ мѣрѣ: впрочемъ это не подходитъ подъ пространственное измѣреніе, а объемлется числомъ. (Числомъ не тоже, что мѣрою пространства).

То и другое количество и внѣшнее и внутренне—это сочетаніе единаго съ многимъ, можно назвать положительнымъ. Есть, впрочемъ, количество отрицательное. Чтобы яснѣе себѣ представить отрицательное количество, надобно представить долгъ. И долгъ есть количество, можетъ быть большимъ или меньшимъ, и онъ есть количество, но не положительное; опредѣляется это количество въ своей большей или меньшей величинѣ. Чѣмъ менѣе дѣйствительность quantitatis positivae, тѣмъ болѣе privatio—долгъ, и на оборотъ. Стяжаніе, - обладаніе, долгъ—потеря—вотъ примѣры quantitatis negativae!

Quantitas molis est multitudo partium totius extensi simul sumptarum. Contra vero quantitas discreta, количество раздѣльное, раздробленное, несвязанное est pluralitas partium, quatenus hae tanquam unitates considerantur. Тутъ есть и части цѣлаго, но эти части отдѣлены; примѣръ на это куча камней, куча песку—вотъ quantitas discreta. И одно общее понятіе, по которому это—totum, quantum numericum, но внутренней связи непрерывной нѣтъ, одна часть отъ другой отдѣлена, не по внутренней связи эти части представляются, какъ цѣлое, а по внѣшнему какому либо взгляду. Непрерывное количество—то, гдѣ между частями количества есть внутренняя связь. По категоріи качества objecta ejusdem qualittatis similia, objecta divevsa qualitatis dissimilia; здѣсь objecta ejusdem quantitatis, aequalia, objecta diversae quantitatis inaequalia.

Мѣра есть единица, коею опредѣляется какое нибудь количество. Очевидно, понятіе единицы—не въ строгомъ смыслѣ, а въ относительномъ; единица есть нѣчто сложное, это мѣра для внѣшнихъ величинъ, она сама есть нѣчто сложное, но пріемлется за единицу, съ которою сравниваются величины, будутъ ли онѣ больше, или меньше ея, и опредѣляется отношеніе ихъ къ этой произвольно принятой единицѣ. А въ количествахъ (intensivae) внутреннихъ множественность или собраніе единицъ numerus audit. Все что есть въ пространствѣ и времени, можетъ быть измѣряемо.

Конечно, математика разсуждаетъ и о величинахъ несоизмѣримыхъ; діагональ квадрата съ стороною его неизмѣрима. Но это не значитъ, чтобы та и другая, въ особенности взя-

тая, была несоизмѣрима; и для діагонали есть мѣра, и для стороны квадрата есть также мѣра, только онѣ въ связи, въ соотношеніи одна съ другою поставленныя, несоизмѣримы; а для каждой изъ нихъ есть мѣра. Такимъ образомъ математическое положеніе о величинахъ несоизмѣримыхъ не опровергаетъ того положенія, что все, находящееся въ пространствѣ, подлежитъ мѣрѣ. И во времени находящееся подлежитъ мѣрѣ, но непространственной, а мѣрѣ преемственности. Въ дѣйствіяхъ души образуются ряды (series), которые могутъ быть сравниваемы одинъ съ другимъ, слѣдовательно и измѣрять ихъ можемъ. Какъ время измѣряется принятыми единицами, мѣрами преемственности, такъ и во времени происходящія дѣйствія измѣряются и часами и днями. Ежели и не было бы механическихъ пособій, по которымъ измѣряются часы и дни, ежели бы и не помогало намъ теченіе солнца, луны, звѣздъ, и отъ того происходящая разновидность ночи и дня: то и тогда дѣйствія души, во времени происходящія, не перестали бы быть измѣряемы; и для нихъ есть счетъ. Человѣкъ, повторяющій въ себѣ одно и тоже дѣйствіе, или продолжающій нѣсколько дѣйствій, однѣ за другими происходящихъ, можетъ опредѣлить имъ счетъ. Когда повторяемъ одно и тоже представленіе 10-ть разъ, потомъ повторяемъ одно и тоже представленіе 20-ть разъ: то имѣемъ право сказать, что послѣднее дѣйствіе продолжительнѣе перваго. Итакъ измѣряются дѣйствія души нашей частными видами, и число ихъ больше или меньше.

Magnitudo est vel finita, vel indefinita. (Indefinita не то, что infinita). Пустое пространство ненаполненное предметами, иначе сказать, въ отвлеченныхъ понятіяхъ въ умѣ представляемое, есть quantitas indefinita, безъ наполненія нечемъ опредѣлить его,

Время есть quantitas indiscreta. Ежели и будемъ его дѣлить его на части,—на дни и ночи, все же нельзя представить такую границу, которая бы отъ другой границы отдѣлялась, и границы, представляемыя между частями времени, суть общія части между первою и второю частію. Мгновеніе, которымъ оканчивается день, есть вмѣстѣ мгновеніе, которымъ начинается ночь. Такъ въ кругѣ точки не суть

quantitates discretae, такія части, изъ которыхъ бы каждая имѣла свою границу отдѣльную; границы во всемъ кругѣ сливаются, у одной точки съ другою нѣтъ разсѣченія. Почему нельзя сказать, чтобы точки были частями линій, чтобы линіи слагались изъ точекъ, чтобы время слагалось изъ мгновеній.

Категорія отношенія.

Самое общее свойство разума — связывать многое разнообразное въ единство. Чтобы въ этомъ дѣйствованіи имѣть твердыя точки, при которыхъ бы многое связывалось въ единство, нужно ему знать и существенное въ вещахъ и ихъ основанія. Какъ понятія наши, правильно построяемыя, находятся въ связи не случайно, но необходимо должны находиться: такъ и предметы находятся въ связи не только пространственной и временной, гдѣ могутъ и не зависѣть другъ отъ друга, по другимъ отношеніямъ; по отношенію къ дѣйствіямъ силъ поставлены въ связи не только этой поверхностной, такъ сказать, пространственной и временной, но и въ связи внутренней, необходимой, гдѣ одно дѣйствуетъ, другое страждетъ, одно имѣетъ вліяніе на другое, пріемлетъ вліяніе, зависитъ отъ перваго. Это важнѣйшее изъ отношеній. Философы послѣ разсмотрѣнія качества и количества вещей разсматриваютъ отношеніе, и Кантъ въ таблицѣ категорій поставляетъ третьею категоріею категорію отношенія, и дѣлитъ ее на 3 вида,—разсматриваетъ отношеніе permanentiae, immanentiae между субстанціею и ея принадлежностями,—случайностями, и отношеніе dependentiae—зависимости, какая бываетъ между причиною и произведеніемъ, основаніемъ и слѣдствіемъ. Когда сравниваемъ дѣйствія и того и другаго,—и дѣйствующаго и зависящаго,—причины и дѣйствія, вводимъ частную категорію,—категорію mutui commercii—взаимнаго общенія, взаимнаго дѣйствія.

Понятіе отношенія общѣе нежели какое даетъ Кантъ этой категоріи. Въ категоріи количества необходимое отношеніе между единымъ и многимъ, цѣлымъ и частями: одно разсматривается по отношенію къ другому, или: малое и великое—относительныя понятія, и между ними есть отноше-

ніе. Въ категоріи качества также встрѣчается отношеніе; между положительнымъ и отрицательнымъ есть свои отношенія, изъ коихъ происходитъ взаимное ограниченіе. Понятіе отношенія можетъ обращаться на другія области предметовъ; по пространству и времени также можетъ быть отыскиваемо отношеніе, въ пространствѣ внѣшнее отношеніе, по которому одинъ предметъ опредѣляется другими, близь него лежащими, верхъ опредѣляется низомъ, лѣвая сторона — правою; тѣло опредѣляется, поверхностію, поверхность линіями, линіи — точками; и это все пространственныя отношенія. Также и во времени есть отношеніе, при послѣдованіи напр. дней и ночей, есть отношеніе одного къ другому. Такъ понятіе отношенія слишкомъ обще, имѣетъ мѣсто и въ другихъ категоріяхъ. — Здѣсь главнымъ образомъ слѣдуетъ разсмотрѣть причинное отношеніе между вещами, какимъ образомъ происходитъ одно отъ другаго.

Нужно различить эти два понятія: основаніе и причина— ratio, causa.—Основаніе само въ себѣ не есть абсолютное, предполагаетъ далѣе себя другое основаніе; оно изъ такихъ основаній которыя служатъ основаніями другихъ, и сами зависятъ отъ другихъ основаній; изъ нихъ составляется рядъ основаній условныхъ. Ежели этотъ рядъ основаній не доходитъ до такого основанія, которое далѣе себя никакого не представляетъ, которое есть послѣднее, полное, удовлетворяющее всему, чему ищемъ основанія, этотъ рядъ не конченъ, и въ мысляхъ можетъ далеко простираться; но удовлетвориться такимъ рядомъ причинъ и основаній, идущихъ безъ конца, въ безконечность, умъ человѣческій не можетъ; потому что тутъ первая потребность—искать основанія, не выполняется. Онъ ищетъ основанія достаточнаго: и никакой рядъ не заключаетъ достаточнаго основанія, всякое основаніе будетъ только слѣдствіемъ, будетъ предполагать другое основаніе. Слѣдовательно это безпрестанный, такъ сказать, отказъ требованію ума, которому нужно достаточное основаніе. То основаніе, которое ни въ какомъ отношеніи не имѣетъ далѣе, выше себя, основанія, которое не можемъ само быть слѣдствіемъ, называемъ основаніемъ первымъ, отрѣшеннымъ, безусловнымъ.

Основаніе не могло бы называться и основаніемъ, ежели бы слѣдствіе его никогда не существовало.

Это имѣетъ силу de ratione sufficiente, universa, plena, гдѣ вмѣстѣ принимается и дѣйствующая причина, и все, способствующее дѣйствующей причинѣ къ произведенію. Богъ напр. — причина бытія міра. Полное основаніе бытія міра есть Божіе Всемогущество, Премудрость и воля благая, — все это вмѣстѣ необходимо къ бытію міра. Когда есть не только Всемогущество, не только Премудрость, но и опредѣленіе Воли къ бытію міра: тогда міръ долженъ явиться въ бытіи. Но можетъ быть такъ, что опредѣленіе Воли удерживается по Премудрости Божественной до времени, въ такомъ случаѣ и міръ остается только въ возможности, не приводится въ дѣйствительность. Причина дѣйствующая существуетъ, причина первообразная (causa formalis), то есть планъ ея, также существуетъ отъ вѣчности, но когда такая причина—опредѣленіе воли удерживаетъ свое дѣйствіе до времени, поэтому произведеніе—въ состояніи возможности, а не дѣйствительности. Такъ и въ произведеніяхъ существъ конечныхъ причина прежде своего произведенія. Сочинитель прежде книги, которую онъ напишетъ; прежде нежели онъ напишетъ ее, возможность написать книгу, смыслъ для этого и другія условія могутъ быть гораздо прежде, но изъ числа условій одно—рѣшимость —написать не отлагая книгу, можетъ не существовать еще при прочихъ условіяхъ; тогда нельзя сказать, чтобы была ratio sufficiens, достаточная, полная причина, коею опредѣляется дѣйствительное проявленіе произведенія, и отъ того произведеніе остается въ возможности, а не въ дѣйствительности. А когда къ прочимъ условіямъ присоединится и это — рѣшительное намѣреніе издать книгу, тогда причина будетъ достаточная, и произведеніе должно послѣдовать.

Разсматривая причиное соотношеніе между вещами, нужно различать основаніе и причину (rationem u causam). — Ratio est illud, ex quo quid aliud cognoscitur; id quod ex alio cognoscitur, rationatum dicitur. Понятіе основанія общѣе, нежели понятіе причины. Основаніе можетъ быть только это principium cogitandi, ratio cognosceudi. А причина всегда относится къ бытію. Объ основаніяхъ необходимо разсуждается въ Логикѣ, и въ Логикѣ законъ: „ничего не полагай безъ основанія, ничего нельзя правильно мыслить

безъ достаточнаго основанія". Но Логика не разсуждаетъ о причинахъ вещей. *Достаточнымъ* основаніемъ называется то, изъ котораго объясняется все, что есть въ слѣдствіи, зависящемъ отъ основанія. Если только нѣчто зависящее не объясняется изъ предполагаемаго основанія, то это основаніе не полное, *недостаточное*. — Основаніе бываетъ *непосредственное* и *посредственное*. Непосредственное основаніе то, между которымъ и его слѣдствіемъ нѣтъ другаго промежуточнаго члена. Посредствующе (mediata ratio) такое основаніе, между которыми и его слѣдствіемъ вводится еще другое основаніе. Первое — непосредственное называется также ближайшимъ основаніемъ, второе—посредственное—отдаленнымъ. Нѣсколько связанныхъ основаній составляютъ рядъ основаній, и этотъ рядъ основаній или оканчивается, или можетъ быть продолжаемъ безъ конца. Но такой рядъ причинъ, который простирается въ безконечность, никогда не заключаетъ въ себѣ основанія полнаго, достаточнаго, совершеннаго. Всѣ такія основанія, которыя предполагаютъ далѣе себя другое, называются *условными*. Но такое основаніе, которое не зависитъ ни отъ какого другаго, называется *безусловнымъ*, *отрѣшеннымъ*, *первымъ* основаніемъ.

Изъ такого общаго опредѣленія различныхъ основаній вытекаютъ слѣдующія положенія: 1) когда предположено достаточное основаніе, то вмѣстѣ съ этимъ полагается и зависящее отъ него слѣдствіе. Это не то значитъ, что когда есть причина, необходимо должно быть купно съ нею и слѣдствіе, или произведеніе. Здѣсь только разсматривается достаточное основаніе съ слѣдствіемъ, какъ это въ мысляхъ нашихъ связывается. Въ мысляхъ основаніе и слѣдствіе — соотносительныя понятія; когда положено достаточное основаніе, тогда и слѣдствіе его полагается. Въ самомъ же бытіи вещей дѣйствія причины вещей могутъ существовать и прежде своихъ произведеній. Онѣ достаточны въ томъ смыслѣ, что въ нихъ содержится полная возможность къ произведенію, но еще ожидается какое нибудь одно условіе, которымъ опредѣляется произведеніе. Такъ въ дѣйствованіи художника есть полная и достаточная возможность къ произведенію какого нибудь художественнаго произведенія, но недостаетъ одного какого нибудь условія, всего чаще—рѣши-

тельной воли, рѣшительнаго намѣренія—привесть въ исполненіе свой планъ, осуществить свою идею. Здѣсь не полна еще совокупность условій къ произведенію дѣла, потому оно не является въ бытіи, хотя есть въ дѣйствующей причинѣ полная достаточная возможность. Такъ это положеніе posita ratione ponitur rationatum, не должно смѣшивать съ тѣмъ положеніемъ: posita causa sufficiens ponitur effectus.—Такъ высочайшій художникъ—Строитель міра отъ вѣчности обладалъ всѣмъ нужнымъ для произведенія міра, но могло быть въ Немъ одно условіе къ дѣйствительному его произведенію, которое ожидалось, именно опредѣленіе Его Воли, потому прозведеніе могло быть неявленнымъ въ бытіи; доколѣ не пришло это условіе—опредѣленіе Воли.

Второе положеніе: ratio determinata etiam rationatum determinatum habet, яснѣе сказать: каково основаніе, таково и слѣдствіе, qualis ratio, tale rationatum.

Изъ основанія объясняется слѣдствіе, необходима однородность между основаніемъ и слѣдствіемъ; иначе ничего не было бы общаго между тѣмъ и другимъ, и мы слагали бы два чисто противоположныя понятія въ одно сужденіе. Основаніе не имѣетъ однородности съ основываемымъ; такое сужденіе по качеству противорѣчущее не можетъ быть составлено. Тутъ согласія нѣтъ. Чтобы была связь, нужно нѣчто общее, нужна однородность по качествамъ. Это не то, что одинаковость по количеству: сколь велико основаніе, столь велико должно быть и слѣдствіе. Опытъ показываетъ, что произведенія причинъ, которыя подходятъ подъ общее понятіе основаній, въ объемѣ своемъ бываютъ меньше, нежели причины. Такъ это относится не къ количеству, а къ качеству. И опять разсуждая о качествѣ не надобно представлять себѣ такъ, чтобы всѣ тѣ качества, какія находится въ основаніи, переносимы были непремѣнно и въ его слѣдствіе; именно, когда разсуждаемъ о причинѣ, то въ причинѣ можетъ быть болѣе качествъ, нежели сколько въ ея произведеніи. Произведенія разумныхъ существъ бываютъ и неодушевленныя, напр. художественныя произведенія артиста. Не надобно понимать это положеніе: „каково основаніе, таково и слѣдствіе“, въ такомъ пространствѣ, что все, что есть въ причинѣ, то перене-

сено бы было въ ея произведеніе. Но и противнаго не должно принимать, что ничего изъ причины не бываетъ въ произведеніи; иначе слѣдствіе не будетъ связано съ причиною. Такъ въ художественныя произведенія хотя не переносится субстанція — душа художника, но мысль его переносится, сознаніе ея переносится, но для сознающихъ существъ выражается мысль, какая была въ художникѣ;—это общая связь между причиною и произведеніемъ.

3. Ratio eadem semper idem rationatum habet. — Это нужно разумѣть объ основаніяхъ достаточныхъ и полныхъ. Ежели дѣйствованіе основанія является уже въ другой и третій разъ, а въ слѣдствіи нѣчто иное, нежели что выражалось въ первый разъ: это значитъ, что и въ основаніи сдѣлалась нѣкоторая перемѣна, или оно не одно дѣйствовало, а приняло въ оное содѣйствіе другое, или само въ себѣ имѣетъ оскудѣніе силъ и намѣреній, когда говорится о свободныхъ существахъ. А когда никакой перемѣны непроизошло въ основаніи, то и слѣдствія будутъ одинаковыя.

4. Posita serie rationum dependentium, ergo insufficientium, necessario ratio sufficiens, plena sev absoluta ponenda est.—Ежели для объясненія какихъ нибудь послѣдствій представляются причины еще недостаточныя, неполныя: то умъ человѣческій не можетъ остановиться на нихъ дотолѣ, доколѣ не найдетъ причины достаточной, полной. Поступаніемъ въ безконечность, проведеніемъ ряда причинъ въ безконечность опровергается тотъ законъ: не полагай ничего безъ основанія, отыскивай основаніе достаточное для всего существующаго. Это законъ необходимый и всеобщій, прирожденный всѣмъ людямъ и при томъ не отъ произвола ихъ зависящій, но необходимый, такъ какъ безъ него связь понятій прерывалась бы. Но если бы мы думали довольствоваться основаніями только зависящими, которыя далѣе себя предполагаютъ другое основаніе, ежели бы продолжали это въ безконечность: то неудовлетворили бы необходимому вложенному въ насъ, закону — искать достаточное основаніе. Достаточное основаніе, которое далѣе себя не предполагаетъ другаго основанія, можетъ быть только безусловное. Итакъ не можетъ быть принятъ безконечный рядъ причинъ условныхъ, какъ рядъ причинъ недостаточныхъ. Это значитъ без-

престанно отказывать необходимой внутренней потребности нашего мышленія и познанія.

Для всѣхъ этихъ частныхъ положеній общимъ служитъ законъ достаточнаго основанія. Въ Логикѣ онъ выражается такъ: nihil ponendum est sine ratione sufficienti, а въ Метафизикѣ: nihil est sine ratione sufficienti. Этотъ законъ съ древнихъ временъ руководствовалъ всѣхъ философовъ, но конечно не ясно былъ сознаваемъ и выражаемъ; съ первыхъ временъ служилъ руководствомъ философовъ. Это положеніе: *изъ ничего ничего не бываетъ и быть не можетъ*, было господствующимъ съ древнихъ временъ, съ начала систематической Философіи у Грековъ, оно было у Іонійцевъ и у Пиѳагора и др.; но оно есть видъ того общаго закона, что безъ достаточнаго основанія ничего не бываетъ, видъ впрочемъ нечистый. Правильно было бы выразить этотъ законъ такъ: a nihilo nihil fit. Но какъ въ греческомъ языкѣ сливаются понятія: *отъ* и *изъ* въ одномъ словѣ: ἐκ.: потому ex nihilo nihil fit. А это вело къ тому, что предполагали вѣчную матерію. Какъ въ видимомъ мірѣ, подлежащемъ чувствамъ, замѣчали, что все раждается изъ какой нибудь матеріи: такъ и вобще выражали это касательно всѣхъ вещей, ex nihilo nihil fit. Такое выраженіе было не точное, не правильное а въ основаніи истинное;—2-й законъ, что ничего не бываетъ безъ достаточнаго основанія. Въ послѣдующія времена точнѣе стали выражать это, напримѣръ Евклидъ: nihie est absque causa. Подобнымъ образомъ Цицеронъ повторилъ этотъ законъ въ книгѣ De divinatione: „Какъ можемъ сказать, что нѣчто послѣдуетъ когда нибудь, что не имѣло бы никакой причины, почему бы оно послѣдовало?“ Также въ письмѣ къ брату своему Квинту говоритъ: „ты, защищая гаданія, указываешь только на факты, на событія, и говоришь, что не нужно отыскивать основанія и причины событій; дѣло въ томъ, что нѣчто бываетъ, а не въ томъ, почему бываетъ. Но развѣ можетъ философъ не искать причинъ?“—Подобнымъ образомъ говоритъ Епикуръ въ книгѣ de fato: „не только философы, но и физики посмѣются надъ нами, когда скажемъ, что бываетъ что нибудь безъ причины. Когда указываемъ на атомы, то и въ нихъ надобно отыскивать причины движенія, почему они такъ, а не иначе движутся, и эта причина

должна заключаться въ ихъ вѣсѣ—тяжести.“ — Схолостическіе философы такъ это выражали: nihil fit sine causa. Одинъ изъ нихъ Сварезъ, говоритъ: „нѣтъ ничего безъ причины, что мы не заключаемъ въ Метафизику, что ни представляемъ предметомъ Метафизики изъ вещей нами постигаемыхъ, все должно имѣть причину. Какъ разсуждать о Богѣ? Богъ не имѣетъ причины; хотя и можно сказать, что Онъ не имѣетъ причины внѣ себя, но и въ Его дѣйствованіяхъ замѣчаются нѣкоторыя основанія, причины дѣйствованія.“ Галенъ выражалъ это положеніе такъ: omne ens, quod fieri dicitur, habet causam suficientem. Это точнѣе, нежели древнее греческое положеніе: ex nihilo nihil fit — все, что бываетъ, имѣетъ причину дѣйствующую. Въ новой Философіи особенную важность находитъ въ этомъ началѣ великій Лейбницъ. Въ своей Теодицеѣ такъ говоритъ: sunt duo principia rationes: principium contradictionis, quod dicit inter duas propositiones sibi oppositas unum veram, alteram falsam esse debere; et principium rationis determinantis, quod dicit, nunduam aliquid sine causa determinante fieri posse. Magnum isthoc principium, ubi vis locum habet, et nunquam reperietur exemplum, quod aliquid sine causa determinante fiat. Въ одномъ предложеніи нельзя соединять двухъ представленій противоположныхъ, и въ одномъ сужденіи нельзя соединять двухъ предложеній противорѣчущихъ; ежели они уже противоположны, одно изъ нихъ принимается какъ истинное, а другое какъ ложное остается: и другое начало rationis sufficicientis. Въ Θеодицеѣ это начало такъ выражаетъ: nihil fit sine ratione determinante—а въ Монодологіи тоже понятіе другимъ словомъ выражается: nihil fit sine ratione sufficiente. — Послѣдователь Лейбница — Вольфъ старался показать различіе между ratio и causa, и находилъ не точность въ выраженіи схоластиковъ: nihil est sine causa Были нѣкоторыя разности въ понятіяхъ Лейбница и Вольфа объ этомъ положеніи. Лейбницъ простиралъ это положеніе на все дѣйствительно существующее; Вольфъ — на все возможное. Въ то время нѣкоторые не соглашались съ Лейбницомъ, придававшимъ величайшую важность этому началу Философіи.

Кларкъ представлялъ ему: „бытіе сотворенныхъ вещей

достаточнымъ основаніемъ своимъ имѣетъ только Волю Божію, для которой уже нѣтъ другаго достаточнаго основанія". На это отвѣчалъ Лейбницъ, что и Воля должна имѣть побудительныя причины, которыя для нея служатъ достаточнымъ основаніемъ; такое произведеніе въ самомъ Богѣ было бы несовмѣстнымъ съ Его совершенствами, недостойнымъ понятія о Богѣ." — Кларкъ противъ этого дѣлалъ возраженіе: что такимъ образомъ введется fatatis necessititas Онъ имѣетъ слишкомъ увеличенное понятія о побудительныхъ причинахъ. Это тоже, по его понятію, что гиря на вѣсахъ; какъ на вѣсахъ не можетъ опуститься чашка, когда на ней нѣтъ гири, а на другой есть: такъ и въ Богѣ,—когда есть побудительныя причины, онѣ необходимо принуждаютъ Его дѣйствовать, Указывая на различіе свободы абсолютной и условной, Лейбницъ отвѣчалъ на это: побудительныя причины не принуждаютъ волю необходимо такъ, а не иначе дѣйствовать, а только располагаютъ ее къ такому дѣйствованію." Возраженіе Кларка поддерживалъ Крузій. Крузій слишкомъ въ строгомъ смыслѣ принималъ выраженіе determinantis rationis, которое Лейбницъ замѣнилъ другимъ—ratio sufficiens. Потому Крузій и думалъ, что изъ этого положенія вытекаетъ фатализмъ, т. е. предполагается въ вещахъ неизмѣнная связь причины и слѣдствія, неизмѣнное послѣдованія произведеній отъ причины, гдѣ воля ничего не можетъ перемѣнить.

Такъ начало достаточной причины особенно уважаемо было Лейбницемъ. Онъ простиралъ силу этого закона на все дѣйствительно существующее: ежели что нибудь дѣйствительно существуетъ: то непремѣнно должна быть достаточная причина существованія. Руководствуясь этимъ началомъ, онъ и въ дѣйствованіи Божественномъ старался показать основаніе даннаго порядка и устройства во внѣшнемъ мірѣ. Издавна была и другая сторона философовъ, на которой всего болѣе уважали понятіе независимой свободы, боясь стѣснить свободу Существа Всесвободнаго, Владычествующаго надъ всѣмъ, говорили, что Оно творитъ, что Ему угодно, но не по причинамъ и основаніямъ, а потому, что Ему такъ угодно. Самые законы справедливаго, честнаго, добраго, положены не выше Его, и не прежде Его, а Имъ установлены, Его была Воля установить ихъ. Такъ Его Воля выше этихъ зако-

новъ, которые когда постановлены, постоянно пребываютъ, и Она такъ могущественна, что эти законы, равно какъ и существа, по нимъ устроенныя, можетъ уничтожить или перемѣнить. Такъ въ 17 и 18 столѣтіи думали Поаретъ, Е. Кларкъ, современный Лейбницу, Крузій—современникъ Вольфа, споривший съ нимъ, Фрингель и еще нѣкоторые другіе изъ богослововъ. Въ наше время особенно господствуетъ понятіе безусловной свободы Божіей, которая выше всѣхъ законовъ, въ ученіи Ешенмайера. Лейбницъ не хотѣлъ ввести фатализмъ, какую то особенную у Бога силу какъ у язычниковъ (Зевесъ въ дѣйствіяхъ своихъ опредѣлялся), особенную судьбу, которою бы Богъ опредѣлялся въ своихъ дѣйствіяхъ, но основанія, постоянные законы, достаточныя причины для дѣйствій Его отыскивалъ въ Безконечныхъ совершенствахъ,—Божественной Премудрости и Благости. Богъ не можетъ быть не Премудрымъ, не Благимъ. Потому Свобода Его никогда не отступаетъ отъ постоянныхъ, внутреннихъ законовъ, въ Немъ содержащихся, не отъ внѣ на Него наложенныхъ. И такъ все, что творитъ Богъ добро, и Онъ творитъ только доброе. Идея добра, хотя не отвнѣ Ему дана, а въ Немъ отъ вѣка пребываетъ, впрочемъ для Него Самаго составляетъ законъ, по которому Онъ дѣйствуетъ свободно и самовластно, и свобода Его никогда не превращается въ произволъ, свойственный существамъ ограниченнымъ,—деспотамъ, въ самоволіе безотчетное и неограниченное. Въ этомъ конечно Лейбницъ былъ правъ. Другое дѣло,—наши понятія о законахъ поставлять необходимыми законами и для Существа Высочайшаго,—это значило бы унижать полновластіе высочайшей свободы Существа Совершеннѣйшаго. Въ своихъ понятіяхъ мы иногда можемъ постигать то, что въ вѣчныхъ идеяхъ Творца опредѣлено вѣчными законами, а иногда можемъ ошибаться, и особенно въ частныхъ приложеніяхъ идей добраго, справедливаго, въ частныхъ случаяхъ можемъ не видѣть высшихъ цѣлей, которыя сильнѣе и совершеннѣе нами сознаваемыхъ правилъ. Такъ это было бы превратное употребленіе разума, ежели бы мы понятія свои о добромъ совершенномъ и справедливомъ стали обращать въ законы дѣйствованія для Существа Высочайшаго. Но Лейбницъ не выражалъ того. Онъ гово-

рилъ, что въ Богѣ высшія идеи,—вѣдѣніе о благомъ, совершенномъ, справедливомъ служитъ основаніемъ Его дѣйствій. Нашъ долгъ отыскивать эти основанія; это есть преимущественный долгъ Философіи,—разсматривая дѣйствія существъ, доходить до основаній, по какимъ угодно было Уму Божественному привесть въ бытіе существа, въ мірѣ ли теоретическомъ, или въ области нравственной Но пріобрѣтенныя нами основанія, собранные нами эти законы мы не можемъ почесть такими полными и совершенными, чтобы ихъ превращать въ законы дѣйствованія Божественнаго. А въ насъ самихъ должны быть сознаваемы законами дѣйствованія, согласными съ вѣчными идеями о совершенномъ, благомъ и справедливомъ. Когда это относится въ Немъ къ Его существеннымъ совершенствамъ; то не вводится еще фатализмъ. Тутъ нѣтъ еще паробощенія чуждому какому-то велѣнію или побужденію, а собственное устроеніе, устроеніе постоянное. Богъ не есть Существо измѣняемое, какъ человѣкъ, котораго произволенія измѣняются. Что Онъ дѣлаетъ, то дѣлаетъ по постояннымъ своимъ законамъ. Такимъ образомъ начало достаточнаго основанія, имѣетъ силу не только въ дѣйствіяхъ существъ конечныхъ, но и въ дѣйствіяхъ Существа Безконечнаго, начало вѣрнаго, добраго основанія, и свободы Божественной не нарушаетъ. Въ Немъ только одномъ свобода и необходимость не противорѣчатъ одна другой, а совмѣстны, совокупно дѣйствуютъ. Возражали нѣкоторые Лейбницу и его послѣдователямъ и то: какъ же сама философія признаетъ нѣкоторыя истины первоначальными, неудободоказываемыми, на которыхъ уже основываются производныя истины, такъ сама философія говоритъ: начало противорѣчія, начало достаточной причины—аксіомы, такія положенія, которыхъ нельзя доказать. Слѣдовательно есть нѣчто sine ratione sufficiente,—первое, чему нѣтъ болѣе основанія. Но это возраженіе не крѣпко. Потому что и эти первоначальныя начала мыслей нашихъ, познаній нашихъ, не сами по себѣ существуютъ, а имѣютъ для себя достаточное основаніе въ Умѣ Божественномъ, изъ котораго Творцемъ сообщены умамъ конечнымъ, какъ первыя начала мыслей и познаній, такъ для нихъ есть causa sufficiens. Въ рядѣ только мыслей нашихъ онѣ составляютъ

первыя основанія. Доказать ихъ нельзя посредствомъ выведенія ихъ изъ высшаго. Но можемъ и ихъ доказывать, указывая на вліяніе ихъ, на силу ихъ въ области подчиненныхъ, происходящихъ отъ нихъ положеній.

A ratione differt causa, ratio, ex qua existentia cujusdam alterius intelligitur., causa vocatur. Cujus existentia ex causa intelligitur, effectus dicitur. Понятіе основанія общѣе понятіе причины. Основаніе (ratio) есть то, изъ чего объясняется сущность слѣдствія. Причина есть то, отъ чего происходитъ и познается бытіе другой вещи.—Связь между причиною и дѣйствіемъ, называется связію причинною—nexus causalis. Но когда первѣе будемъ имѣть въ виду произведеніе: эта связь между произведеніемъ и причиною называется зависимостію (dependentia).—Это выраженіе отличается отъ выраженія—immanentia. Въ отношеніяхъ между вещами есть nexus immanentiae и есть nexus dependentiae. Первая—immanentia—выражаетъ связь между субстанціею и принадложностями; принадлежности субстанціи сокрываются въ субстанціи впрочемъ и тутъ субстанція служитъ основаніемъ принадлежностей. А связь между произведеніемъ и причиною, называется dependentia, т. е. зависимостію произведенія отъ причины. Дальнѣйшее различіе причины и основанія состоитъ еще въ томъ, чтобы основаніе было достаточно для какого нибудь слѣдствія, къ составу его принадлежатъ многія причины, и причины дѣйствующія и причины способствующія и условія, безъ которыхъ не можетъ причина дѣйствовать, устраненіе препятствій къ дѣйствованію силы;— это все показываетъ, что понятіе основанія обширнѣе, нежели понятіе причины.

Причины бываютъ главныя или первоначальныя, и второстепенныя. И первыя всего болѣе содѣйствуютъ къ тому, чтобы явилось произведеніе (plurimum ad producendum effectum conferunt); вторая—менѣе (—minus conferunt ad produc. effectum).

Къ главнымъ первоначальнымъ причинамъ относятся причины дѣйствующія, матеріальныя и формальныя причины, цѣли (casae finales).—Причина дѣйствующая та, которая собственною силою производитъ происходящее отъ нея. Такъ отъ огня—пожаръ, отъ сѣмени дерево, отъ отца сынъ;

все это причины дѣйствующія—огонь, отецъ, сѣмя;—и собственно не сѣмя видимое—наружное causa efficiciens—дѣйствующая причина растенія, но субстанція въ сѣмени.—Причины матеріальныя тѣ, изъ которыхъ что нибудь дѣлается дѣйствующими причинами (ex quibus aliquid producitur per causas efficienes). Въ собственномъ смыслѣ причиною матеріальною называютъ къ видимому чувственному міру относящуюся матерію изъ которой что нибудь дѣлается,—чувствамъ подлежащее; мѣдь напр. изъ которой статуя, воскъ, изъ котораго игрушка. Впрочемъ, это слово употребляется и переносномъ отношеніи къ умственной дѣятельности. И здѣсь различаютъ матерію и форму,—то, изъ чего что нибудь образуется, и тотъ способъ, какъ изъ чего нибудь что образуется: такъ чувственныя воззрѣнія—представленія называются матеріею, изъ которой разумъ—причина дѣйствующая составляетъ понятіе.

Причина формальная есть та мысль, по которой что нибудь дѣлается,—тотъ образецъ по которому что нибудь дѣлается. Можно здѣсь указывать и на образцы чувственные, но и они предполагаютъ далѣе себя образецъ, планъ въ мысляхъ содержащійся. Такъ при построеніи дома дѣйствующая причина—строитель; матеріальная—камень, дерево и др., формальная причина—планъ дома; при изваяніи статуи художникъ—дѣйствующая причина; вещество—мѣдь, дерево, составляетъ матеріальную причину; идея художника, идея о совершенствѣ, какое надобно выразить въ извѣстномъ художественномъ произведеніи, равно какъ предначертаніе средствъ къ выполненію этой цѣли, предначертаніе плана, устроеніе частей произведенія, имѣющаго быть,—есть causa formalis.

Наконецъ causa finalis—представленіе цѣли содержится въ умѣ же дѣйствующаго; цѣль выражается имъ въ самомъ дѣлѣ, она является послѣ строенія, но прежде предполагается въ умѣ строющаго. Цѣль напр. дома—удобство жить. Цѣль художественнаго какого нибудь прекраснаго произведенія—та, чтобы возбуждаемо было чистое удовольствіе, и выражена была какая нибудь идея.

Второстепенныя причины меньшую имѣютъ важность при устроеніи произведеній. Для производящей силы, для дѣйствующей причины онѣ бываютъ внѣшними. Къ нимъ

относятся causae ocasionales, instrumentales, subsidiariae cooperantes. Когда напр. разсматриваемъ причину книги: главная причина—сочинитель книги; а тотъ, кто ее напечаталъ,—типографщикъ не есть главная причина, а вторичная (causa cooperans). Случайность причины (causae occasionales) т. е. обстоятельства, при помощи которыхъ, что нибудь совершается. Въ нихъ нѣтъ того внутренняго основанія (ratio), почему бы что нибудь было приведено въ бытіе; основаніе это въ причинѣ дѣйствующей, въ ея мысли, когда говоримъ о причинѣ дѣйствующей разумной, — а это нѣчто внѣшнее, что подало поводъ къ произведенію. Такъ для Ньютона паденіе яблока подало поводъ къ открытію всеобщаго закона тяготѣнія. Это нельзя назвать причиною существенною, отъ которой бы произошло открытіе закона тяготѣнія; существенна причина—въ умѣ Ньютона, а онъ только воспользовался частнымъ случаемъ, который побудилъ его разсмотрѣть общій законъ; этотъ случай могъ быть и не быть, а открытіе закона могло бы послѣдовать и тогда, когда бы не было этого случая, могъ другой случай навести Ньютона на открытіе закона тяготѣнія; но такъ вышло, что паденіе яблока подало поводъ къ разсмотрѣнію общаго этого закона. Вотъ причина случайная (causa occasionalis), которая хотя въ самомъ опытѣ и содѣйствовала этому произведенію, слѣдствію, чтобы Ньютонъ открылъ законъ тяготѣнія, но не была существенною и необходимою причиною къ этому открытію, она могла быть и не быть. Случайныя причины бываютъ внѣ дѣйствующей причины, хотя и служатъ условіями произведенія, но не могутъ быть названы причинами дѣйствующими, формальными, матеріальными, а къ нимъ прилагаютъ свое содѣйствіе, и могутъ быть и не быть, могутъ быть замѣнены и другими случайными причинами. Случайною причиною для изобрѣтенія стекла, какъ разсказываютъ о сидонянахъ, было то обстоятельство, что не по намѣренію ихъ, а неожиданно для нихъ сдѣлалось: дѣйствіемъ огня селитра слилась съ пескомъ, и образовалось стекло. Могло этой случайности и не быть этотъ случай не необходимъ былъ для Сидонскаго изобрѣтателя, могъ и другой случай подать поводъ къ изобрѣтенію стек-ла главная причина была въ умѣ его, восполь-

зовавшемся случаемъ, который, начавши случаемъ, пошелъ далѣе. Или яснѣе при объясненіи происхожденія философіи указывали на нѣкоторые случаи;—удивленіе, возбужденное стройнымъ теченіемъ звѣздъ небесныхъ, какъ полагали Платонъ и Аристотель, было причиною происхожденія философствованія. Это не было главною, существенною, внутреннею причиною, а причиною только внѣшнею по отношенію къ главной;—главная причина—стремленіе къ Безконечному и желаніе—согласить явленія конечнаго міра съ законами Безконечнаго, съ потребностію Безконечнаго; это глубже, это causa efficiens философствованія, т. е. умъ, стремящійся къ безконечному и потребность объяснить конечное чрезъ Безконечное—причина существенная и необходимая, а удивленіе было поводомъ къ тому, чтобы была приведена въ дѣйствованіе эта сила,—такимъ поводомъ, который могъ замѣниться и другимъ.

Къ второстепеннымъ причинамъ относится орудная causa intrumentalis, та причина, которая не собственною силою содѣйствуетъ къ произведенію, но предполагаетъ не обходимымъ дѣйствованіе causae efficientis и служитъ ей пособіемъ. Орудная причина опять внѣ дѣйствующей причины, и зависитъ отъ ея распоряженія, ею управляется, не сама собою дѣйствуетъ, а дѣйствующею силою приводится въ содѣйствіе; перо—орудіе въ рукахъ пишущаго, строительное орудіе въ рукахъ строющаго. Собственно орудными причинами называются неразумныя вещества. Назвать напр. орудіемъ воли члены тѣла,—это будетъ собственное означеніе; возбуждается напр. въ душѣ желаніе идти, она приводитъ въ движеніе орудіе—ноги, и это въ собственномъ смыслѣ. А ежели сказать такъ, что возбуждается въ душѣ намѣреніе размыслить о чемъ нибудь, и въ этомъ орудіемъ служитъ сила мышленія: это было бы уже не собственное означеніе. Такъ орудными причинами собственно называются неразумныя, механическія причины. Конечно и онѣ имѣютъ свою силу, но не дѣйствуютъ своею силою, какъ causa efficiciens; ничего нѣтъ безъ силы, все имѣетъ какую нибудь силу, физическое существо имѣетъ какую нибудь силу: но для образованія того произведенія, какое предположено, орудныя причины приводятся въ движеніе не своею силою, а силою дѣйствующею.

Общее наименованіе орудныхъ причинъ — причины вспомогательныя, и онѣ въ собственномъ смыслѣ относятся къ причинамъ разумнымъ, хотя это выраженіе прилагается къ причинамъ неразумнымъ. Тутъ есть и побужденіе извнутри, побужденіе изъ себя — помогать главной дѣйствующей причинѣ. Дѣйствующая причина принимаетъ услуги, содѣйствіе вспомогательной причины и подчиняетъ его главному своему дѣйствованію: но есть въ вспомогательной причинѣ изъ себя дѣйствованіе. Въ собственномъ смыслѣ causae subsidiariae называются изъ себя дѣйствующія причины, соединяющія свою силу съ силою главной дѣйствующей причины, которая ими пользуется. Такъ совѣтникъ есть вспомогательная причина главнаго начальника, помогаетъ ему своими совѣтами — causa sabsidiaria, такъ и союзное войско; тутъ есть дѣйствіе изъ себя, которое впрочемъ подчиняется дѣйствованію главнаго вождя, ведущаго войско. — Есть причины cooperantes, quod tantum simul cum causa primaria agunt. Языкъ тѣлесный, содѣйствующій нашимъ способностямъ, можно назвать instrumentalis causa.

Эти же вспомогательныя причины называются подчиненными—subordinatae. Есть, впрочемъ, причины равночинныя coordinatae, рядомъ дѣйствующія тѣ, которыя не зависятъ отъ взаимнаго управленія одна другой, а зависятъ только отъ управленія высшей причины. Отъ главнаго строителя зависятъ работники, плотники, каменьщики, и они по отношенію къ нему sabordinatae causae, но по отношенію другъ къ другу coordinatae.

Когда смотрѣть на рядъ причинъ подчиненныхъ, можно различать разныя члены этаго ряда,—причины не посредственныя — ближайшія, и дальнѣйшія—посредственныя, и наконецъ причины послѣднія. Такъ въ рядѣ рожденій отецъ и дѣдъ—ближайшія причины поколѣнія,—дѣдъ уже болѣе отдаленная, занимающая среднее мѣсто между не посредственною—ближайшею и самою отдаленною. Послѣдняя причина та, которая въ одинаковомъ дѣйствованіи цѣлаго ряда членовъ,—въ отношеніи опредѣляется другою причиною; впрочемъ въ другомъ отношеніи можетъ опредѣляться высшею причиною, и тогда она будетъ условною

причиною.—Ежели никакою причиною ни въ какомъ отношеніи не опредѣляется, будетъ причиною безусловною, отрѣшенною, отъ которой получили бытіе условныя причины. Такъ первые прародители рода человѣческаго по отношенію къ потомкамъ своимъ въ смыслѣ одинаковаго физическаго дѣйствованія—физическаго рожденія составляютъ послѣднее звено. Но не могутъ назваться послѣднею отрѣшенною причиною, потому что виною бытія ихъ есть Творецъ. Но Его дѣйствованіе неодинаково съ дѣйствованіемъ прародителей и потомковъ—дѣтей внуковъ и такъ далѣе. Здѣсь физическое рожденіе, а тамъ твореніе. По отношенію къ причинамъ ближайшимъ и отдаленнымъ извѣстно положеніе философское: причина условной причины есть вмѣстѣ причина ея произведенія. Это положеніе надобно разумѣть о причинахъ существенныхъ произведеній. Много можетъ быть въ дальнѣйшемъ произведеніи такого, что уже привзошло прираскрытіи жизни отъ другихъ причинъ, а не отъ первоначальныхъ причинъ; но это будетъ привходящее; а тутъ надобно имѣть въ виду существенное; что усматривается напр. въ рядѣ рожденій, есть то, что свойства существенныя передаются отъ одной причины къ другой, отъ этой къ слѣдующей и т. д. Въ этомъ смыслѣ—въ передаяніи существенныхъ свойствъ, конечно, послѣдняя причина условная есть причина произведенія и тѣхъ членовъ ряда причинъ, которыя въ этомъ ряду отстоятъ на сто степеней. — Существенно человѣку раждаться съ душею разумно - свободною и тѣломъ органическимъ; передаяніе этихъ свойствъ не зависитъ только отъ ближайшихъ причинъ — родителей и дѣдовъ, но и отъ послѣдней условной причины—отъ праотца. Даже есть наросты—навыки, обратившіеся въ природу, которыхъ хотя нельзя назвать существенными по первоначальному творенію, которые во времени привзошли, но крѣпко связались съ существенными свойствами и спосособностями; и они передаются отъ одного члена къ другому и такъ далѣе. Отсюда извращеніе первосозданной природы, душевныхъ силъ, омраченіе ума и развращеніе воли отъ первой условной причины — праотцевъ переходитъ на весь родъ нашъ. Въ этомъ смыслѣ—въ передаяніи свойствъ

существенныхъ и даже нѣкоторыхъ навыковъ, обратившихся въ природу, сросшихся съ естественными способностями — causa causae conditiotae est etiam causa causatae.—Но не мало есть такихъ привходящихъ свойствъ, которыя не передаются неизмѣнно необходимо чрезъ весь рядъ причинъ. Таковы напр. отъ собственныхъ трудовъ, усилій зависящія состоянія, — состояніе образованности, упражненіе въ той или другой добродѣтели; это такія свойства, которыя не зависятъ существенно отъ природы перваго члена въ ряду причинъ; а къ нимъ необходимо приложены усилія свободы. Такъ они не передаются отъ одной причины къ другой.

Еще по отношенію причинъ къ произведеніямъ различаются причины непремѣнно опредѣляющія произведеніе (decisivae) и причины, не вводящія этого непремѣннаго опредѣленія. Первыя имѣютъ мѣсто особенно въ существахъ физическихъ, вторыя главнымъ образомъ усматриваются въ существахъ свободныхъ и въ дѣйствіяхъ свободныхъ. За вспышкою пороха необходимо слѣдуетъ выстрѣлъ, ежели нѣтъ къ тому препятствія. А за какимъ-нибудь нравственнопобужденіемъ и желаніемъ—привести въ исполненіе, нравственное дѣло не слѣдуетъ необходимо. Свободенъ человѣкъ — воспользоваться побужденіемъ нравственнымъ, или воспротивиться ему, противодѣйствовать.

Наконецъ, по отношенію къ различнымъ царствамъ міра причины раздѣляются на многіе виды. Главное изъ сихъ— дѣленіе міра на двѣ половины: на міръ физическій и нравственный; и тутъ могутъ быть или причины физическія, или духовныя вообще, не въ собственномъ смыслѣ нравственныя. Причины физическія суть причины движенія, дѣйствующія по основнымъ законамъ природы; таковы причины механическія, химическія, органическія. Духовныя же причины, въ душевной дѣятельности сокрывающіяся, могутъ быть дѣлимы на разные виды; есть причины логическія, т. е. сила мышленія и ея законы, есть причины нравственныя, т. е. сила свободы или ея хотѣнія, и какъ привходящія, неопредѣляющія, а только склоняющія, располагающія —motiva—побудительныя причины, которыя по отношенію къ дѣйствіямъ служатъ причинами случайными, т. е. дѣйствія могутъ послѣдовать и не послѣдовать отъ нихъ. — Могутъ

быть различаемы причины искусственныя—художественныя—эстетическія идеи у поэтовъ и художниковъ.

Есть въ Онтологіи общія положенія касательно дѣйствованія причинъ. Такъ главный законъ причинности, сходный съ закономъ достаточнаго основанія,—тотъ; omne, quod fit, causam sui habere debet; иначе его выражаютъ: quod est, quod oritur, causam sui habere debet, Общее положеніе: omne, quod fit, causam sui habere debet; нѣтъ ничего безъ причины. Подобно какъ въ мысленной дѣятельности необходимъ законъ rationis sufficicientis, не можемъ мыслить безъ достаточнаго основанія: такъ и въ порядкѣ вещей ничто раждающееся, бывающее, не можетъ быть безъ причины. Въ самомъ дѣлѣ, ежели бы приняли что-нибудь раждающееся безъ причины: надлежало бы погрѣшить противъ перваго логическаго и вмѣстѣ метафизическаго—начала противорѣчія; противорѣчіе вводилось бы въ самое положеніе: что-нибудь раждающееся, бывающее, бываетъ безъ причины. Когда что-нибудь само себя родило безъ содѣйствія причины: тутъ два противорѣчія. Родилось—значитъ не существовало, потому что родилось, родиться ничто другое значитъ, какъ не быть прежде, а потомъ придти въ бытіе. Сущее и не сущее въ одномъ понятіи сливаются, Этотъ законъ: omne, quod sit, causam sui habere debet—имѣетъ силу касательно всѣхъ конечныхъ вещей, которымъ принадлежитъ To fieri—это бытіе начинающееся во времени, измѣняющееся во времени, и могущее окончиться.

Второе положеніе: iidem effectus easdem causas supponunt. — Какъ о достаточномъ основаніи замѣтили, что каково основаніе, таково и слѣдствіе: такъ и о причинахъ существенныхъ по отношенію къ существеннымъ ихъ произведеніямъ тоже должно сказать: какова причина, таково и дѣйствіе. Нельзя этого сказать о причинахъ второстепенныхъ, случайныхъ, орудныхъ, вспомогательныхъ, но относительно существенныхъ причинъ, гдѣ причина даетъ изъ себя что нибудь въ произведеніе, или силу, или вещество, или мысль, это положеніе имѣетъ полную силу: какова причина, таково и дѣйствіе по передаянію существенныхъ свойствъ. — Опытъ достаточно подверждаетъ это метафизическое положеніе. Разсматриваемъ ли передаяніе

свойствъ физическихъ существъ, или переданіе свойствъ душевныхъ, силъ и способностей, вездѣ видимъ постоянное сохраненіе рода.—И физическимъ существамъ свойственно—продолжать свой родъ, т. е. въ недѣлимыя отъ нихъ происходящія передавать свои существенныя свойства. Тоже въ существахъ самосознательныхъ, другъ отъ друга происходящихъ, одинъ родъ размножаетъ себя въ тѣхъ же существенныхъ свойствахъ, кои принадлежатъ и первымъ недѣлимымъ того рода. Каковы родители, таковы и дѣти по существеннымъ свойствамъ, каково сѣмя, таково и растеніе отъ него происходящее, по существеннымъ же свойствамъ и такъ далѣе. Такъ это говорится о существенныхъ дѣйствующихъ причинахъ. Но не можетъ быть это отнесено къ другаго вида причинамъ, гдѣ вмѣшивается случайность. На основаніи этого положенія: qualis causa, talis effectus, или какъ строже его выражаютъ: qualis causa univoca, talis effectus, — составлено и то обратное положеніе: iidem effectus, easdem supponunt causas. Когда повторяются однѣ а тѣже произведенія, или въ различныхъ родахъ существъ видимъ произведенія одного и того же рода, имѣемъ основаніе заключать, что и причины были одного и того же рода. Это называется principium causarum analogarum.

Впрочемъ, это положеніе можетъ оставаться или несомнѣнно достовѣрнымъ, или только правдоподобнымъ. Гдѣ точно можно видѣть, что произведенія того же рода, тамъ можемъ говорить, что и причины того же рода; а гдѣ видимъ только сходныя произведенія, слѣд. и причины были сходныя, тамъ это можемъ утверждать только съ правдоподобіемъ, но не съ рѣшительною, несомнѣнною достовѣрностію. Потому что привходящія причины могли внести въ произведеніе нѣчто такое, что отнесемъ къ главной, существенной причинѣ. — Такъ при разсмотрѣніи намѣреній и происходящихъ отъ нихъ дѣйствій, можемъ съ правдоподобіемъ дѣлать заключеніе, что для одинаковыхъ дѣйствій были одинаковыя намѣренія, но нельзя сего сказать съ рѣшительною достовѣрностію. Ибо можемъ не осмотрѣть всего ряда причинъ, какъ содѣйствующихъ, такъ и вспомогательныхъ, отъ чего могла произойти перемѣна, нѣчто новое,

не тоже, что замѣчается въ одномъ, тоже и въ другомъ. Напр. когда дѣлаютъ заключеніе объ обитателяхъ звѣздъ и планетъ небесныхъ, основываясь на разсмотрѣніи нашей земли,—то заключеніе правдоподобно только, но не имѣетъ несомнѣнной достовѣрности. Такъ находили сходство между землею и планетами ближайшими къ землѣ, въ одной солнечной системѣ находящимися, находили напр. то сходство, что какъ земля непрозрачное тѣло освѣщаемое свѣтомъ солнечнымъ, такъ и планеты освѣщаются свѣтомъ солнечнымъ, слѣд. непрозрачныя тѣла; какъ на землѣ все низшее служитъ высшему, физическое—духовному, цѣль физическаго царства въ человѣкѣ: также должно быть и въ сходныхъ съ землею тѣлахъ небесныхъ, и на нихъ существа нравственныя должны быть обитателями. Такое заключеніе имѣетъ правдоподобіе, но недостовѣрность несомнѣнную. — Еще вдревлѣ говорили Орфей и Пиѳагоръ, что на лунѣ есть города и жители, потомъ это же повторяли въ разныя времена. А новѣйшія наблюденія показали, что это невозможно. Изъ нихъ открылось, что на лунѣ не можетъ быть растительности, потому что тамъ поверхность изрыта вулканическими изверженіями, нѣтъ мѣста рѣкамъ, слѣд. питанію и прозябенію. Этимъ прежняя гипотеза подрывается, между тѣмъ общее положеніе: физическое служитъ для нравственнаго, этимъ не подрывается. Время нашихъ наблюденій не есть время полной исторіи всемірной, что было прежде, и что будетъ послѣ, этого не знаемъ. А можетъ быть этотъ законъ: физическое для нравственнаго, удовлетворенъ, когда необитаемыя небесныя служатъ для другихъ, на которыхъ есть нравственныя существа. Конечно большая должна быть осторожность въ сличеніи произведеній и въ выведеніи заключенія къ причинамъ этихъ произведеній. Гдѣ ясно видимъ, тамъ можемъ дѣлать заключеніе о причинахъ съ достовѣрностію. И потому положеніе остается вѣрнымъ въ строгомъ своемъ выраженіи: iidem effectus easdem causas supponunt. А гдѣ есть только нѣкоторое сходство, а не тожество, не совершенное сходство, тамъ можно ошибиться въ заключеніи къ причинамъ. Такъ въ опредѣленіяхъ судебныхъ законовъ предоставлено прибѣгать къ заключенію отъ произведеній къ причинамъ, отъ наруж-

ныхъ дѣйствій къ намѣреніямъ душевнымъ, отъ наружныхъ преступленій къ преступнымъ намѣреніямъ. Но во всякомъ случаѣ съ несомнѣнною достовѣрностію нельзя сказать, чтобы всегда одинаковыя наружныя дѣйствія разрушительныя,— убійства, похищенія—происходили отъ одинаковыхъ преступныхъ намѣреній.

Первыя два положенія: omne quod oritur causam sui habere debet, qualis causa, talis effectus, — относятся къ качеству причинъ.

Третье положеніе не къ существу, а къ количеству: effectus respondet suae causae,—in effectu non plus est, quam in causa. Это положеніе разумѣть надобно относительно существенныхъ качествъ произведенія, а не относительно бытія; въ бытіи разность между причиною и произведеніемъ уже въ томъ, что одно — причина, безъ которой не можетъ быть произведено, одно prius, другое— posterius — произведеніе. Поэтому въ одномъ понятіи не могутъ сливаться причина и произведеніе. А относительно качествъ существенныхъ справедливо, что въ произведеніи не можетъ быть болѣе, нежели сколько въ причинѣ. Ежели скажемъ: въ произведеніи есть нѣчто лишнее такое, чего нѣтъ въ причинѣ;— въ мірѣ есть зло, котораго нѣтъ въ причинѣ его—Творцѣ: на это должно отвѣчать, что зло не есть нѣчто существенное, а negatio realitatis, - отрицаніе того существеннаго, что дано Творцемъ;—отрицаніе существеннаго закона, даннаго волѣ, есть нравственное зло; послѣдующее отъ того отрицаніе гармоніи, стройности жизни, иначе сказать, разстройство жизни, есть зло вообще,—зло физическое— разстройство состава. Нѣкоторые изъ философовъ такъ понимали это положеніе о соотвѣтствіи произведенія съ причиною, что говорили: не можетъ быть въ произведеніи менѣе, чѣмъ въ причинѣ. Ежели разумѣть достаточное основаніе: то можно сказать, что въ Богѣ и Сила и Премудрость и опредѣленіе Воли есть достаточное основаніе бытія міра; Сила Его безпредѣльна, и Воля безпредѣльна и хотя полагаетъ предѣлы, то не себѣ, а произведенію;—ежели допустить, это въ произведеніи не можетъ быть менѣе, нежели сколько въ причинѣ: то и выходитъ, что міръ долженъ быть безконеченъ. Съ этимъ положені-

емъ нельзя согласиться. Въ строгомъ смыслѣ принявъ его Ксенофанъ и вывелъ изъ него такое слѣдствіе, что не можетъ быть рожденія, происхожденія (ortus, γενεσις), все— одна Субстанція. Ежели будетъ предположено происхожденіе, то здѣсь могутъ быть два только случая: или происходитъ однородное изъ однороднаго, или различное изъ различнаго. Въ первомъ случаѣ нѣтъ мѣста происхожденію,— предполагается уже разность въ томъ, что одно произведеніе, другое—причина. Остается другой случай—предположить разность — non eadem—производящее и производимое предполагаютъ эту разность; но это противно будетъ тому началу, что произведеніе равно причинѣ, въ произведеніи не можетъ быть ни болѣе, ни менѣе, какъ въ причинѣ. Этимъ доказывалъ Ксенофанъ невозможность происхожденія. Но въ истинной философіи должно принимать во вниманіе сродство, соотвѣтственность произведенія съ причиною,—и съ другой стороны—разность. Такъ въ разсужденіи отношенія всякаго произведенія—міра къ своей причинѣ, очевидно, что причина Его Ens Realissimum, обладающее всею полнотою существенностей, а о мірѣ не можемъ сказать, чтобы была въ немъ вся полнота существенностей, чтобы въ Виновникѣ ничего не было, чего нѣтъ въ мірѣ. Слѣдовательно не можемъ сказать, что столько въ мірѣ, сколько въ Высочайшей его Причинѣ. Ежели примемъ, что сколько въ причинѣ, столько и въ произведеніи: то каждая часть міра, — каждое физическое существо, каждое разумное существо, которое также какъ и цѣлое — есть произведеніе Безконечнаго, должно будетъ вмѣщать въ себѣ столько, сколько въ причинѣ; конечно всего мы объять не можемъ, но часть въ мірѣ объять можемъ. Ежели бы допустили, что въ произведеніи не можетъ быть менѣе, нежели сколько въ причинѣ: то должно бы было перенести на тварь характеръ безконечности, который въ Производителѣ-Творцѣ. Съ этимъ положеніи, что не можетъ быть въ произведеніи менѣе, нежели сколько въ причинѣ, согласиться нельзя.

4. Posita causa qua causa effectus poni debet et effectus qua effectus sine causa poni non potest.—Въ мысляхъ предполагается одно съ другимъ необходимо связаннымъ—причина и произведеніе. Ежели бы не представляли въ мысляхъ

произведенія, то не было бы основанія, почему бы причину называть причиною. А въ дѣйствительномъ бытіи произведеніе можетъ быть позже причины своей, большею частію такъ бываетъ. Для того и прибавляется posita causa qua causa, т. е. causa plena, sufficienti ratione posita sequitur effectus. Такъ и въ томъ высшемъ отношеніи всего существующаго къ Безконечному, когда будемъ представлять во всей полнотѣ причину міра, т. е. совмѣщать въ одномъ понятіи не только Силу и Премудрость, но и опредѣленіе Воли, то не можетъ не слѣдовать произведеніе—міръ.

Составляютъ и обратное этому положеніе: sublata causa tollitur effectus. И это положеніе имѣетъ свою истинность, ежели только правильно понимать его, то есть, когда бы вовсе не было причины, тогда не было бы и произведенія. Но очень можетъ быть то, что причина есть, существовала и дѣйствовала, и привела въ бытіе свое произведеніе и потомъ бытіе ея прекратится, а произведеніе еще остается. Это можно видѣть въ рожденіяхъ вещей физическихъ. Физическое какое нибудь существо небезсмертно, на время живетъ и дѣйствуетъ, и раждаетъ подобное себѣ; сообщивъ жизнь произведенію, само прекращается, сливается такъ сказать въ общій составъ міра. На это не простирается положеніе: sublata causa tollitur effectus. Конечно совершеннаго уничтоженія нѣтъ и физическое существо передаетъ въ свое произведеніе нѣчто изъ себя—свою силу. Такъ когда прекращается бытіе его, какъ отдѣльной субстанціи, нѣчто отъ него остается, переданное произведеніямъ.

Далѣе 5) causa effectus tanquam praecedens cogitari debet.— Различали философы два вида этого—*бытъ первѣе* — prius respectu ordinis, prius respectu temporis. Въ первомъ смыслѣ причина всегда предшествуетъ своему произведенію. Во второмъ смыслѣ надобно различать причины какъ causae immanentes, и какъ causae transeuntes. Причина immanens—неразрывно внутренно соединенная съ своимъ произведеніемъ—есть субстанція. Такъ въ отношеніи субстанціи къ ея принадлежностямъ нельзя различить момента времени, когда бы субстанція была прежде принадлежащихъ ей существенныхъ свойствъ, первоначальныхъ силъ, но современна имъ, во все время съ ними соединена.

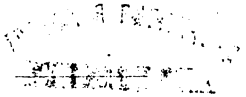
Слѣдовательно нельзя говорить, что здѣсь causa est prior— accidentibus suis respectu temporis, она современна съ ними. Но гдѣ нѣтъ этого внутренняго неразрывнаго союза, (immanentia), гдѣ принадлежности внутренно пребываютъ въ своей субстанціи, тамъ и по времени причина прежде своего произведенія.

6. Ad certum effectum producendum plures concurrunt causae. Во всѣхъ конечныхъ существахъ всякое произведеніе, т. е. существо ли конечное, количество ли этого существа, состояніе ли какое нибудь, всякое произведеніе совершается взаимнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ причинъ. Это основывается на понятіи о связи міра. Міръ есть совокупность многихъ существъ, между собою связанныхъ; между всѣми ими есть взаимодѣйствіе. Такимъ образомъ произведенія, отъ нихъ происходящія, совершаются дѣйствованіемъ нѣсколькихъ причинъ.—Въ конечномъ мірѣ всякая причина не есть причина, ничѣмъ неограниченная. Ежели бы въ мірѣ была причина ничѣмъ не ограниченная то можно было бы представить произведеніе ея одной. Но въ мірѣ все связано, ограничено дѣйствованіемъ смежныхъ причинъ; такимъ образомъ причина не одна дѣйствуетъ на произведеніе, а ей содѣйствуютъ другія.—Этимъ не разрушается различіе между причинами главными и второстепенными. Есть одна главная и есть нѣсколько содѣйствующихъ причинъ. Но въ конечномъ мірѣ нельзя представить, чтобъ одна причина безъ вліянія другихъ причинъ произвела какое нибудь произведеніе; все дѣйствуетъ въ связи, во взаимномъ ограниченіи; потому дѣйствующія причины (c. eff) совершая свои произведенія, пріемлютъ нѣчто отъ дѣйствія другихъ причинъ, поставленныхъ вмѣстѣ.

Наконецъ, послѣднее положеніе: нѣтъ въ мірѣ безусловно послѣдней причины для ряда условныхъ причинъ; рядъ причинъ идетъ въ безконечность. Но говорить, что рядъ причинъ условныхъ идетъ въ безконечность, значитъ отвергать законное достоинство основанія, достоинство причинъ, потому что всякая изъ подчиненныхъ, условныхъ причинъ есть вмѣстѣ и произведеніе, зависящее отъ другой причины, не имѣющее полноты бытія въ себѣ, а зависящее болѣе отъ другихъ причинъ. А то, что производится другими причинами, что есть само произведеніе, не можетъ быть названо достаточною

причиною. Слѣдовательно здѣсь достаточная причина бытія вещей была бы отвергаема, когда бы стали продолжать рядъ условныхъ причинъ въ безконечность.

Въ составъ четвертаго выпуска Лекцій Философіи Ѳ. А. Голубинскаго войдетъ его Раціональное Богословіе, которое было издано въ 1868 году подъ редакціей покойнаго протоіерея В. Г. Назаревскаго.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ОНТОЛОГІЯ

(Окончаніе)

Стран.

Скептицизмъ, критицизмъ и идеализмъ. . . . . 3—9

Абсолютное въ ученіи спиритуализма, антропоморфизма и матеріализма. . . . . 9—34

Ученіе о Категоріяхъ:

Разборъ теорій о происхожденіи категорій Канта, Гегеля, Штаубенмайера и другихъ. . . . . 35—61

Бытіе: возможность, дѣйствительность и необходимость. . . . 62—99

Субстанція. . . . . 99—115

Сущность. . . . . 115—134

Количество. . . . . 134—144

Отношеніе: основанія и слѣдствія, причины и дѣйствія. . . . 144—169

